

УЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

10
1972

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Ўн олтинчи йил нашри

10
1972

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания шестнадцатый

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР И. М. МУМИНОВ (*редактор*), акад. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ, акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР А. М. АМИНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР К. Н. БЕДРИНЦЕВ, член-корр. АН УзССР О. Б. ДЖАМАЛОВ, член-корр. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, член-корр. АН УзССР Ш. Ш. ШААБДУРАХМАНОВ, доктор ист. наук С. А. АЗИМДЖАНОВА, доктор экон. наук И. И. ИСКАНДЕРОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. редактора*), доктор филол. наук Х. С. СУЛЕЙМАНОВ, канд. ист. наук А. А. АСКАРОВ, канд. ист. наук М. А. АХУНОВА, канд. филос. наук М. Б. БАРАТОВ, канд. филос. наук Н. Г. ГАЙБОВ (*зам. редактора*), Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

К 55-й годовщине Октября и 50-летию СССР

К. А. АКИЛОВ

ПОДГОТОВКА КАДРОВ В СОВЕТСКОМ УЗБЕКИСТАНЕ

Проблема кадров была одной из труднейших задач, вставших перед нашей страной с первых же дней Советской власти. Особенно острой она была в таких национальных районах, как Узбекистан, где до революции прослойка интеллигенции и вообще грамотных людей была крайне незначительной и совершенно отсутствовали местные кадры специалистов с высшим образованием.

Проблема создания кадров в Узбекистане, как и в других национальных республиках, решалась Коммунистической партией и Советским государством в тесной связи с исторической задачей ликвидации фактической экономической и культурной отсталости ранее угнетенных царизмом народов, на базе ленинских принципов национальной политики, при помощи всех братских народов, прежде всего великого русского народа.

X съезд партии (март 1921 г.), поставив задачу быстрой ликвидации унаследованной от колониально-феодалного прошлого вековой хозяйственной и культурной отсталости национальных районов, особо указал на необходимость создания широкой сети курсов и школ на родном языке для ускоренной подготовки национальных кадров для всех отраслей народного хозяйства, культуры и управления.

Первоочередной задачей было создание советской системы народного образования. Уже 29 марта 1918 г. правительство Советского Туркестана приняло постановление «Об организации народного образования в республике». Основной формой обучения и воспитания детей стала изолированная от религиозного влияния единая трудовая школа, рассчитанная на общее и политехническое обучение детей обоего пола с преподаванием на родном языке¹.

Создание новой, советской школы шло в исключительно сложных условиях, при нехватке материальных и денежных средств, школьных зданий, преподавательских кадров, отсутствии необходимых учебников и пособий. Против новой школы яростно выступали все реакционные элементы, особенно сопротивлявшиеся развитию женского образования.

Преодолевая все эти трудности, наша партия, Советская власть настойчиво развертывали строительство новой системы народного образования. Были созданы Народный комиссариат просвещения и его отделы при местных Советах. Финансирование и материальное обеспечение школ были поставлены в один ряд с кредитованием промышленности и сельского хозяйства. На народное просвещение выделялось более трети бюджета республики. Под школы отводились лучшие помещения, строились новые здания, налаживался выпуск учебных посо-

¹ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», Изд. 7-е, ч. I, М., 1954, стр. 419—420.

бий и оборудования, открывались курсы и учебные заведения для подготовки советских учителей.

К школьному строительству были привлечены лучшие представители местной и русской интеллигенции. В их числе были основоположник узбекской советской литературы Хамза Хаким-заде Ниязи, писатель Садриддин Айни, педагоги А. Набиходжаев, В. Ф. Лубенцов, Т. Н. Кары-Ниязов, Н. П. Архангельский и многие другие. Уже к 1921 г. в ТАССР было открыто свыше 2 тыс. школ первой и второй ступени, охвативших бесплатным обучением на родном языке более 170 тыс. детей.

В Ташкенте, Самарканде и ряде других городов были открыты десять педагогических техникумов и училищ. В 1923 г. в них обучалось свыше 1200 человек. Большую роль в массовой подготовке педагогических кадров сыграли институты просвещения (инпросы). Так общеобразовательная школа, новая система народного просвещения становилась базой для развития специального среднего и высшего образования, подготовки квалифицированных национальных кадров.

Одновременно развертывалась борьба с массовой безграмотностью. Еще 26 декабря 1919 г. был опубликован подписанный В. И. Лениным декрет о ликвидации безграмотности среди взрослого населения. Претворение его в ТАССР возглавила Краевая чрезвычайная комиссия по борьбе с безграмотностью в составе ответственных партийных и советских работников, представителей общественности. Такие же комиссии существовали в областях, городах и районах ТАССР. Их деятельность проходила при широком участии активистов культпохода. На заводах, фабриках, в учреждениях, при сельских Советах и в махаллях возникали «штабы культпохода», «комиссии-тройки». Они открывали школы ликбеза, обеспечивали их всем необходимым, контролировали ход учебы.

В ряды культурмейцев вставали члены молодежных и профсоюзных организаций, учащиеся школ II ступени, преподаватели, служащие учреждений. С их помощью к середине 1921 г. в республике действовало более тысячи школ ликбеза, где обучалось свыше 50 тыс. человек. Борьба за всеобщую грамотность получает еще более широкий размах после образования Узбекской ССР и особенно в годы первых советских пятилеток. В 1929/30 г. в республике насчитывалось более 11 тыс. школ ликбеза, где обучалось 360 тыс. человек, в 1930/31 г. — около 680 тыс. человек, а к 1940 г. Узбекистан стал республикой сплошной грамотности. Как не вспомнить здесь «пророчества» деятелей царской Государственной думы, утверждавших, что для достижения сплошной грамотности населения Российской империи потребуется не менее 600 лет. Ленинская партия, Советская власть решили эту задачу всего за два десятилетия.

С ростом общественного богатства увеличивались ассигнования на народное образование. Если в годы первой пятилетки в УзССР было израсходовано на эти цели 346 млн. руб., или около $\frac{1}{5}$ бюджета республики, то в 1940 г. — почти половина бюджета. Уместно отметить, что царское правительство выделяло на нужды народного образования в Туркестане лишь 1,8% краевого бюджета — примерно 22 коп. в год на душу населения.

Огромная политико-воспитательная и организационно-массовая работа партийных, советских, общественных организаций республики, постоянное внимание к вопросам культурного строительства в Узбекистане со стороны ЦК нашей партии и Советского правительства, взаимопомощь братских народов дали замечательные плоды. За годы Советской власти народное образование в республике достигло небы-

вало расцвета. В 1935 общеобразовательных школах всех типов в 1970/71 г. училось более 3323 тыс. мальчиков и девочек, т. е. все дети школьного возраста. Их обучали 165,9 тыс. учителей. Кроме того, в республике имеется 2280 вечерних и заочных школ рабочей и сельской молодежи, где обучается 159,5 тыс. юношей и девушек, работающих на производстве. Ныне в Узбекистане, как и по всей стране, успешно осуществляется переход ко всеобщему десятилетнему образованию. Общеобразовательная школа стала прочной основой для развития высшего и среднего специального образования.

* * *

В первые годы Советской власти потребности республики в массовых кадрах удовлетворялись, с одной стороны, путем присылки квалифицированных рабочих и техников из центральных районов страны, а, с другой, — путем подготовки местных кадров на различных курсах с отрывом и без отрыва от производства.

При заводах и фабриках открывались различные курсы, а при более крупных предприятиях — двух-трехгодичные школы фабрично-заводского обучения и промышленно-технические училища. В 1923 г. на территории Узбекистана функционировали 11 стационарных профессионально-технических школ и 19 краткосрочных профтехнических курсов. Узбекская молодежь овладевала передовым производственным опытом и на промышленных предприятиях Москвы, Ленинграда, других городов страны. Только Зарайская фабрика в 1926 г. подготовила 205 квалифицированных рабочих для Ферганской прядильно-ткацкой фабрики.

Ряды рабочего класса республики пополнялись и за счет постепенного вовлечения в производство женщин-узбечек, что имело огромное значение для фактического раскрепощения местных женщин. Уже в 1928 г. среди промышленных рабочих Узбекистана женщины составляли 15,1%. За годы первой пятилетки число учащихся школ ФЗУ возросло с 800 до 8600, из них 16,9% женщин. Учащиеся местных национальностей составляли в среднем 75—80%.

На крупных заводах и фабриках были созданы комбинаты рабочего образования, последовательно охватывавшие всю систему подготовки рабочих кадров, от ликбеза и общеобразовательной подготовки в объеме 4 классов до вуза. Наряду с фабрично-заводскими открывались школы совхозного, строительного и горнопромышленного ученичества, курсы дополнительного рабочего обучения, курсы производственно-технического обучения для рабочих низшей и средней квалификации и др. Только за 1930—1932 гг. курсами и школами предприятий республиканской промышленности было подготовлено около 3 тыс. молодых рабочих. С 1928 по 1932 г. общее количество рабочих и служащих в республике возросло почти в 2,5 раза, а в крупной промышленности — в 3,5, на транспорте — почти в 2 и на строительстве — примерно в 5 раз. При этом удельный вес национальных кадров вырос с 44,3% на 1 января 1929 г. до 51,4% в 1932 г. Бурный рост рабочего класса способствовал повышению его ведущей роли в социалистическом преобразовании республики.

Огромного количества специалистов требовало и сельское хозяйство Узбекистана, особенно его основная отрасль — хлопководство. Первоначально специалистов (агрономов, зоотехников, механизаторов и др.) привлекали из центральных районов страны. Вместе с тем разрывалась подготовка сельскохозяйственных кадров на местах. Открывались школы дехканской молодежи, агротехкурсы, сельхозтехникумы

и др. Они готовили агрономов-полеводов, агротехников по защите растений, почвоведов, механиков по сельскохозяйственным машинам, агрономов-шелководов, ветеринаров, мелиораторов и ирригаторов.

При совхозах и МТС были организованы курсы, на которых тысячи молодых колхозников овладевали специальностями трактористов, комбайнеров, слесарей по ремонту сельхозмашии. Каждое учебное заведение, готовившее сельскохозяйственные кадры, специализировалось в соответствии с ведущей отраслью своего района. Огромное внимание было уделено и подготовке колхозных кадров.

В подготовке кадров для сельского хозяйства было немало трудностей и недостатков. Прежде всего сказывался низкий уровень общей культуры дехкан, незнание ими современной техники и агротехники. Сельскохозяйственные учебные заведения находились в распоряжении различных ведомств и работали по разным программам. На первых порах в их деятельности не было четкой системы и плановости. Но эти недостатки постепенно изживались.

Большую помощь в подготовке квалифицированных кадров для промышленности и сельского хозяйства УзССР оказали братские республики, прежде всего Российская Федерация. Только в 1933/34 г. в Москве и Ленинграде обучалось 900 рабочих из Узбекистана, 60% которых составляла молодежь местных национальностей. Рабочих для Ташкентского текстильного комбината готовили Государственный институт труда легкой промышленности и школы ФЗО ленинградской фабрики им. Халтурина, тверской фабрики «Пролетарка», треста «Красный Восток» в г. Зарайске Московской области. Кроме того, на текстильном комбинат были присланы более 420 опытных текстильщиков из Иванова, Шуи и других городов.

Дальнейшее развертывание социалистической индустриализации требовало не просто количественного роста рабочей силы, а прежде всего квалифицированных рабочих кадров, в совершенстве овладевших современной техникой. Поэтому подготовка квалифицированных рабочих была сосредоточена в школах ФЗО, превращенных в стационарные профессиональные школы. Вместе с тем развернулась техническая учеба непосредственно на предприятиях.

Тысячи квалифицированных рабочих выросли в ходе строительства «Ташсельмаша», Чирчикского электрохимкомбината, Ташкентского текстильного комбината, электростанций, нефтепромыслов, шахт. Многие их строители получили техническую подготовку в промышленных центрах РСФСР, Украины, составили высококвалифицированное ядро рабочего класса, стали организаторами производства.

В результате этой напряженной работы численность квалифицированных кадров в республике увеличилась с 87,8 тыс. человек в 1926 г. до 239,1 тыс. в 1939 г., в том числе в промышленности — с 6,6 тыс. до 101,6 тыс.

Важной вехой в процессе подготовки промышленных кадров явилось создание в 1940 г. государственной системы профессионально-технического образования. В то время в республике имелось 14 школ фабрично-заводского обучения и железнодорожное училище, которые могли подготовить 4600 молодых рабочих. Сейчас в Узбекистане в системе государственных трудовых резервов функционирует более 100 профессионально-технических училищ (ПТУ), где обучается свыше 45 тыс. юношей и девушек. Только в 1970 г. выпущено 42 тыс. квалифицированных рабочих самого различного профиля.

Кроме того, ведется широкая работа по подготовке и повышению квалификации кадров без отрыва от производства. Например, в 1970 г.

новыми профессиями и специальностями овладели 142,5 тыс. рабочих и служащих, а 276,6 тыс. повысили свою квалификацию. В республике работает сейчас более 70 тыс. инженеров и техников. В колхозах только за 1970 г. освоили новые специальности и повысили квалификацию 61,4 тыс. человек. Основной фигурой на селе стали механизаторы, число которых ныне превышает 50 тыс. Рабочий класс Узбекистана в целом насчитывает теперь почти 600 тыс. человек. В основном это высококвалифицированные кадры мастеров своего дела. Характерно, что из каждой тысячи рабочих 326 уже имеют высшее и среднее образование.

Ярким показателем высокой квалификации и творческой активности рабочих служит тот факт, что в рядах рационализаторов и изобретателей нашей республики насчитывается свыше 20 тыс. рабочих. Многим из них присвоены почетные звания заслуженного рационализатора и изобретателя Узбекской ССР. Неуклонно растущий в количественном и качественном отношении рабочий класс играет ведущую роль в нашем обществе и своим самоотверженным трудом вносит огромный вклад в общее дело строительства коммунизма.

За годы Советской власти в нашей стране, в том числе в Узбекистане, проделана большая работа по созданию многонациональной армии новой, советской интеллигенции, о значении которой в социалистическом строительстве неоднократно говорил В. И. Ленин. «Без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта,— писал он,— переход к социализму невозможен...»² Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал необходимость перевоспитания старой интеллигенции, вовлечения ее в хозяйственное и культурное строительство.³

После установления Советской власти в Узбекистане передовая часть местной интеллигенции активно включилась в строительство новой жизни, но численность ее была незначительной, а главное, в ее составе не было научных работников, врачей, инженеров, агрономов и специалистов многих других профессий, необходимых социалистическому народному хозяйству.

Создание национальных кадров специалистов было сопряжено с огромными трудностями. На всей территории обширного края не было ни одного высшего учебного заведения, а следовательно, отсутствовали и профессорско-преподавательские кадры; мало кто из трудящихся местных национальностей имел необходимые знания для учебы в высшем или среднем специальном учебном заведении. Ограничены были также материальные и финансовые возможности республики.

В этих условиях решающее значение в создании системы высшего и среднего специального образования в Узбекистане, формировании национальных кадров дипломированных специалистов имела помощь Центра. Русский рабочий класс, передовая интеллигенция Москвы, Ленинграда по зову партии пришли на помощь узбекскому народу.

Первоначально в Ташкенте и других городах республики, как уже отмечалось, было организовано десять учебных заведений по подготовке педагогических и технических кадров. Восемь учебных заведений готовили техников-механиков, гидротехников, строителей, мелиораторов, работников железнодорожного транспорта. Тогда же возникли специальные учебные заведения по подготовке организаторов произ-

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 117.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 97.

водства, руководящих и хозяйственных работников — бригадиров, мастеров, начальников смен и цехов. Организовывались первые рабочие факультеты (рабфаки) и вечерние университеты. Большую роль в подготовке специалистов для сельского хозяйства сыграли школы дежканской молодежи и сельскохозяйственные техникумы. Так в ходе строительства социализма формировалась стройная советская многопрофильная система подготовки кадров.

С 1923 по 1940 г. число средних специальных учебных заведений в УзССР увеличилось более чем в 4 раза, а контингент учащихся в них — почти в 8 раз. В конце 30-х годов только сельхозтехникумы ежегодно выпускали в среднем 700—800 человек, а общее число выпускников средних специальных учебных заведений достигало 3,5 тыс. человек.

Вероломное нападение фашистской Германии на нашу страну временно прервало мирный созидательный труд советских людей. Но война не могла остановить развитие нашего народного образования. Еще более широкий размах получает оно в послевоенный период, особенно со вступлением СССР в период развертывания коммунистического строительства. И если в 1940 г. в 98 средних специальных учебных заведениях УзССР обучалось 25,1 тыс. учащихся, то в 1970 г. в 165 таких учебных заведениях занималось 165 тыс. человек (в том числе 80 тыс. узбеков. Ныне средние специальные учебные заведения республики ежегодно принимают по 60 тыс. человек и более, а выпуск их в 1970 г. превысил 42 тыс. человек.

Большой и славный путь прошла за годы Советской власти и система высшего образования. В Узбекистане, как и всей Средней Азии, родоначальником высшего образования явился созданный в 1920 г. по ленинскому декрету Государственный университет в Ташкенте (вначале ТуркГУ, затем САГУ, ныне ТашГУ им. В. И. Ленина).

Активную роль в создании и развитии первенца высшей школы в республике сыграли видные ученые, прибывшие из Москвы и Петрограда, а также жившие здесь русские ученые — исследователи природы и истории края. Впоследствии на базе отдельных факультетов Ташкентского университета возникли самостоятельные институты — политехнический, медицинский, сельскохозяйственный, инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства, народного хозяйства, педагогический, текстильный институты в Ташкенте, Институт советской торговли в Самарканде, зооветеринарный в Ашхабаде, сельскохозяйственный в Ленинабаде, а также ряд научно-исследовательских учреждений — Институт почвоведения и геоботаники, Памирская биологическая станция АН ТаджССР, Центральная станция удобрений и агропочвоведения и др.

Второй крупной кузницей кадров специалистов стал Самаркандский университет, созданный в 1933 г. на базе Узбекской педагогической Академии. В 30-х годах были организованы также Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта, Самаркандский медицинский институт и др. К 1940 г. в УзССР работало уже 30 вузов различного профиля, где обучалось свыше 19 тыс. студентов.

В 50—60-х годах семью высших учебных заведений республики дополнили Ташкентский электротехнический институт связи, Андижанский институт хлопководства, Андижанский медицинский, Ферганский политехнический, Ташкентский институт иностранных языков, Ташкентский фармацевтический, Ташкентский институт русского языка и литературы, Самаркандский архитектурно-строительный и др. В 1972 г. в Ташкенте открылись автомобильный и педиатрический институты. Сейчас в 40 вузах республики обучается более 233 тыс. студентов по

140 специальностям, а в вузовской аспирантуре занимается свыше 3,2 тыс. человек.

За 52 года существования высшей школы в Советском Узбекистане подготовлено более 300 тыс. дипломированных специалистов по всем отраслям современных знаний. Ежегодно высшие и средние специальные учебные заведения республики выпускают свыше 75 тыс. специалистов, против 6,7 тыс. в 1940 г. Узбекские студенты учатся также в вузах Москвы, Ленинграда, Киева и других городов страны.

В результате широкого развития высшего и среднего специального образования в Узбекистане сформировалась многотысячная армия высококвалифицированных кадров. Уже в 1970 г. в различных отраслях экономики и культуры было занято более 537,1 тыс. специалистов, в том числе: инженеров и техников — 141 тыс., врачей и среднего медицинского персонала — 94,7 тыс., агрономов, зоотехников и ветеринарных врачей — 33 тыс., учителей, библиотечных и культурно-просветительных работников — 189,7 тыс. человек и т. д. Особая забота проявлялась и проявляется о выращивании высококвалифицированных национальных кадров.

По отношению количества студентов к общей численности населения наша республика обогнала не только страны зарубежного Востока и Западной Европы, но и США. У нас на каждые 10 тыс. жителей приходится 192 студента, или в 3—4 раза больше, чем во Франции, Англии, Италии, ФРГ и др. В одном лишь Ташкентском политехническом институте обучается почти столько студентов, сколько во всех вузах Ирана.

Вузы Узбекистана все шире ведут подготовку специалистов для молодых развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки. В 1963 г. в десять вузов Узбекистана обучались 163 иностранных студента и большая группа стажеров и аспирантов, а сейчас в республике обучается более 450 студентов и аспирантов из 23 зарубежных стран. Вместе с тем только за последние годы около 800 узбекских специалистов было направлено для оказания помощи в Индию, Ирак, АРЕ, Пакистан, Афганистан и другие страны Азии и Африки. Все это — яркое свидетельство успешного решения в Узбекистане проблемы подготовки высококвалифицированных кадров.

В. И. Ленин не раз подчеркивал огромное значение науки в строительстве социализма и коммунизма. В Узбекистане и всей Средней Азии первым очагом науки и подготовки научных кадров стал Ташкентский университет, на базе которого, как уже отмечалось, возникли десятки высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений. Из стен ТашГУ вышли сотни пытливых исследователей и экспериментаторов.

В становлении и развитии науки в Узбекистане, в выращивании национальных научных кадров большую роль сыграли видные русские ученые — В. И. Романовский, С. Н. Наумов, Л. В. Ошанин, А. И. Введенский, А. А. Семенов, А. С. Уклонский, Н. Л. Корженевский, Д. Н. Кошкар, А. Л. Бродский, Е. П. Коровин, А. И. Райкова, П. А. Баранов, М. А. Орлов, А. В. Благовещенский и многие другие. С их помощью в республике формировалась сеть научных учреждений, росли кадры научных работников, особенно из местных национальностей.

Для координации научной деятельности в республике по решению Президиума ЦИК УзССР 40 лет назад, в октябре 1932 г., был образован Комитет по руководству научно-исследовательскими учреждениями Узбекистана (Комитет наук). В 1940 г. на его основе был организован Узбекский филиал АН СССР (УзФАН), что во многом способствовало дальнейшему развитию науки в республике. К этому времени в

УзССР имелось около 60 научно-исследовательских учреждений с 3 тыс. научных работников, среди которых было около 100 докторов и примерно 600 кандидатов наук.

В 1943 г. в разгар Великой Отечественной войны, на базе филиала АН СССР была создана Академия наук УзССР. В то время в ее систему входили 10 научных учреждений. АН УзССР стала центром научной мысли, крупнейшей кузницей научных кадров республики. Ныне она объединяет 30 научных учреждений, насчитывающих более 3300 ученых, в том числе 130 докторов и свыше 1200 кандидатов наук. В ее составе 47 академиков и 67 членов-корреспондентов. Ученые Академии ведут плодотворные исследования по 46 научным направлениям в области точных, естественных и общественных наук. Их научная деятельность тесно связана с задачами развития народного хозяйства и культуры, с практикой коммунистического строительства.

Вместе с Академией плодотворную работу ведут отраслевые научные учреждения, а также высшие учебные заведения. Ныне УзССР располагает 186 научно-исследовательскими учреждениями, в которых плодотворно работают 26 тыс. научных работников. Среди них — более 500 докторов и свыше 7000 кандидатов наук. Многие ученые республики за весомый вклад в науку награждены орденами и медалями СССР, удостоены Ленинской премии, Государственной премии СССР, Государственной премии УзССР им. Беруни. Их труды завоевали признание не только на всесоюзной, но и на мировой арене.

Неуклонно растут в количественном и качественном отношении и кадры творческих работников республики — писателей, художников, деятелей сценического и музыкального искусства, кино, работников печати и издательского дела.

Благоприятные условия, созданные Великим Октябрем, способствовали становлению и развитию узбекской советской литературы на началах социалистического реализма, в тесной взаимосвязи с литературой русского и других братских народов, на базе освоения лучших традиций мировой и классической узбекской литературы и народного фольклора.

Наши замечательные писатели и поэты, вышедшие из гущи народной, взращенные ленинской партией, успешно работают во всех литературных жанрах — поэзии и прозе, драматургии и детской литературе, литературной критике и литературоведении. Они создали немало замечательных произведений, отображающих героизм и мужество революционных масс, самоотверженный труд рабочих и колхозников, нерушимую дружбу братских народов, построивших социализм и ныне воздвигающих величественное здание коммунизма.

С первых же лет Советской власти в Узбекистане стали открываться музыкальные, художественные школы, училища и студии, сыгравшие большую роль в подготовке национальных кадров и пропаганде музыкальной культуры. В 1918 г. в Ташкенте была открыта народная консерватория, где имелись классы рояля, смычковых, духовых, народных инструментов и вокальное отделение. В 1921 г. в ней обучалось более 800 человек. В ряде других городов республики было создано 14 музыкальных и художественных техникумов, школ и училищ, в которых обучалось 3,2 тыс. человек. Во многих городах появились коллективы художественной самодеятельности. Первым среди них был самодеятельный театр, организованный в феврале 1918 г. Хамзой Хаким-заде, на базе которого в сентябре того же года возникла драматическая труппа. По ее примеру в 1918 г. в Ташкенте из нескольких самодеятельных кружков была создана музыкально-драматическая труппа

им. Карла Маркса. Организатором и руководителем ее был писатель и учитель Маннон Маджидов (Уйгур). Затем появились сценические коллективы в Андижане, Самарканде, Коканде, Намангане и т. д.

Театральные труппы Хамзы и Уйгура составили основное ядро художественного коллектива первого в республике Узбекского государственного драматического театра, открытого в Ташкенте в 1920 г. Так было положено начало профессиональному театральному искусству. Профессиональные национальные театры были организованы также в Самарканде, Коканде, Андижане, Маргилане, Бухаре и других городах.

В трудных условиях тех лет, в борьбе с врагами нового, социалистического искусства формировались молодые театральные и музыкальные кадры, обеспечившие в дальнейшем расцвет театрального и музыкального искусства Советского Узбекистана. Всему миру известны теперь такие талантливые мастера узбекской сцены, как А. Хидоят, С. Ишантураева, Х. Насырова, Л. Сарымсакова, М. А. Кузнецова, Ш. Бурханов, М. Тургунбаева, Тамара Ханум, Г. Измайлова, А. Ходжаева, С. Кабулова, Н. Рахимов и многие другие.

За годы Советской власти выросла и плеяда замечательных узбекских композиторов. Среди них — Т. Садыков и Т. Джалилов, М. Ашрафи и Ю. Раджаби, Р. Хамраев и Д. Соаткулов и др. Их произведения получили широкое признание народа.

Ныне, кроме профессиональных театров, на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, учебных заведениях функционируют тысячи коллективов художественной самодеятельности. Значительное развитие получили народные театры, ансамбли песни и танца, народные филармонии.

Плодотворную работу по подготовке кадров музыкантов и театральных искусствоведов ведут Ташкентская государственная консерватория, 25 музыкальных школ, 5 музыкальных училищ, театральнo-художественный институт и Научно-исследовательский институт искусствознания. Свыше 25 государственных театров и концертных организаций радуют зрителя своим художественным, идейно-целесообразным репертуаром.

За годы Советской власти появилась и выросла узбекская кинематография и вместе с ней — отряд талантливых кинематографистов — артистов, режиссеров, операторов, сценаристов, художников. Киноленты Н. Ганиева, Қ. Ярматова, Л. Файзиева, Ю. Агзамова, З. Сабитова вышли не только на союзный, но и на мировой экран.

Великое в жизни рождает великое в искусстве, говорил В. И. Ленин. Советская действительность, ее богатство и многообразие обусловили расцвет изобразительного и прикладного искусства Узбекистана, замечательными деятелями которого являются У. Тансыкбаев, Н. Каракан, Р. Ахмедов, Л. Абдуллаев, А. Абдуллаев, Ч. Ахмаров, М. Саидов, Н. Кузыбаев, В. Кайдалов, В. Уфимцев, Ш. Хасанова, О. Татевосян, Ф. Гривченко, М. Рахимов, М. Касымов и др.

Растущая армия художественной интеллигенции Узбекистана вносит достойную лепту в развитие многонационального советского социалистического искусства и литературы.

*
*
*

Предметом особой заботы Коммунистической партии всегда было воспитание партийных, советских и хозяйственных руководящих кадров, талантливых организаторов, беспредельно преданных партии и народу, великому делу коммунизма.

Особенно остро стояла проблема создания руководящих партийных и советских кадров в Узбекистане и других в прошлом отсталых национальных районах страны. Поэтому ЦК нашей партии, Советское правительство и лично В. И. Ленин уделили исключительное внимание этой важнейшей политической задаче. Еще 12 июля 1919 г. В. И. Ленин от имени ЦК РКП(б) обратился к партийным и советским работникам края с письмом, в котором указывалось на необходимость всемерного вовлечения местных трудящихся в партийное и государственное строительство⁴.

В формировании первой замечательной плеяды национальных партийно-советских кадров — самородков из среды местных трудящихся, таких как Ю. Ахунбабаев, А. Бабаджанов, Н. Ходжаев, А. Икрамов, Ф. Ходжаев, С. Қасымходжаев, М. Миршарапов, А. Рахимбаев, Д. Устабаев и др., огромную роль сыграли М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, В. П. Ногин, С. И. Гусев, Я. Э. Рудзутак и другие соратники В. И. Ленина.

Руководствуясь ленинскими указаниями, партийная организация Туркестана широко применяла метод выдвижения на руководящую работу наиболее сознательных трудящихся коренных национальностей. Коренизация партийных, государственных и хозяйственных органов способствовала упрочению Советской власти в республике.

У съезд КПТ (сентябрь 1920 г.) обратил особое внимание на подготовку партийных кадров из рядовых членов партии, организацию при партийных лекторских курсов и кружков по изучению политграммы, регулярное проведение лекций и докладов по вопросам программы и тактики партии, издание партийной литературы на языках местных национальностей.

К концу 1920 г. ЦК РКП(б) направил в ТАССР группу опытных партийных и советских работников. С их помощью на местах была развернута сеть партийных школ и курсов. В 1921 г. в республике функционировали пять областных и ряд уездных совпартшкол с охватом около 900 слушателей, в основном из рабочих и дехкан местных национальностей. В Туркестанском рабоче-дехканском коммунистическом университете (с 1923 г. — Среднеазиатский коммунистический университет им. В. И. Ленина) в 1921 г. обучалось 151, а в 1922 г. — 526 человек. Только в октябре 1922 г. областные совпартшколы окончили 342 человека, которые были посланы на партийную и советскую работу в уезды, районы и волости республики.

При Коммунистическом университете и областных совпартшколах функционировали секции по работе среди женщин коренного населения. Они сыграли важную роль в подготовке кадров партийных и советских работников из местных женщин.

Серьезную помощь в подготовке национальных кадров партийных и советских работников оказывали Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, Коммунистический университет трудящихся Востока, Институт красной профессуры, коммунистические университеты Ленинграда, Свердловска, Харькова, Казани и др. В 1930 г. был открыт Узбекский коммунистический университет, из стен которого вышли многие марксистски подготовленные партийно-советские работники. С 1932 г. в связи с социалистическим преобразованием деревни коммунистические университеты, в частности САКУ, были преобразованы в высшие коммунистические сельскохозяйственные школы, призванные

⁴ См. газ. «Иштиракион», 16 июля 1919 г.

готовить руководящие кадры для колхозов, совхозов, МТС, районных партийных и советских органов.

Большую роль в подготовке руководящих кадров, повышении их теоретических знаний без отрыва от производства сыграли созданные в эти годы Институт массового заочного обучения при ЦК ВКП(б), Среднеазиатский институт заочного образования, а также вечерние коммунистические университеты в Ташкенте и других крупных городах республики.

В 1932 г. были открыты Среднеазиатский институт марксизма-ленинизма и Среднеазиатская академия коммунистического воспитания. В областных центрах продолжали функционировать совпартшколы, в Ташкенте — Центральная партийная школа, а также многочисленные курсы при парткомах и наркоматах, которые обеспечивали кадрами местные партийные, советские и хозяйственные органы.

Одним из основных методов подбора и расстановки руководящих кадров в годы социалистической реконструкции народного хозяйства было выдвижение передовых рабочих и крестьян на ответственные посты в партийные, советские и хозяйственные органы. В годы индустриализации и колхозного строительства выдвиженчество позволило привлечь к руководящей работе тысячи талантливых организаторов из рабочих и дехкан. К концу второй пятилетки только в сельском хозяйстве Узбекистана насчитывалось более 16 тыс. руководящих работников, выдвинутых из гущи народных масс. Партия создавала все условия для повышения их политической и деловой квалификации.

Особое внимание уделялось вовлечению женщин-узбечек в активную хозяйственную, общественно-политическую и культурную жизнь, что обеспечивало их фактическое равноправие с мужчинами. Воплощая в жизнь заветы великого Ленина, Компартия Узбекистана настойчиво преодолевала упорное сопротивление врагов женского равноправия. Повсеместно развертывалась работа по ликвидации неграмотности среди женщин, их политическому просвещению. В республике открывались женские школы, клубы, дома дехканок. При ЦК КП(б)Уз и обкомах были созданы отделы, которые организовывали и направляли всю культурно-воспитательную деятельность среди женщин.

В 1927 г. в республике был объявлен «Худжум» — решительное наступление на старый быт, феодально-байское отношение к женщине. За короткий срок десятки тысяч женщин местных национальностей сбросили паранджу, включились в активную трудовую, общественную и культурную жизнь.

Благодаря огромной заботе партии в Советском Узбекистане, как и по всей стране, женщины стали великой созидательной силой. Ныне в различных отраслях народного хозяйства республики работает около миллиона женщин — 41% общей численности рабочих и служащих. Почти 185 тыс. женщин имеют теперь высшее и среднее образование. В школах из каждых 10 учителей — 8 женщин, среди каждых 100 медицинских работников — 75 врачей и фельдшеров составляют женщины. Сотни женщин ведут плодотворную научно-исследовательскую работу. Среди них — 50 докторов и более 1200 кандидатов наук.

Наша партия смело выдвигает женщин на руководящую работу. Выше 2700 опытных педагогов республики возглавляют начальные и средние школы. 30 женщин выдвинуты директорами совхозов и председателями колхозов. 70 женщин избраны секретарями областных, городских и районных комитетов партии, 17 — председателями городских и районных исполкомов Советов, 40 тыс. — депутатами Советов, в том числе 18 — депутатами Верховного Совета СССР и 131 — депутатами

Верховного Совета УзССР. Воспитанные партией замечательные женские кадры с честью оправдывают оказанное им высокое доверие на всех участках строительства коммунизма.

* * *

В результате гигантской организаторской и политической работы Коммунистической партии и Советского государства, их мудрой ленинской национальной политики в Узбекистане, как и во всех братских республиках Союза ССР, создана огромная армия высококвалифицированных кадров. Динамика их роста во всех отраслях народного хозяйства УзССР (тыс. человек) характеризуется в табл. 1.

Таблица 1

Показатели	1926 г.	1940 г.	1955 г.	1960 г.	1965 г.	1970 г.
Всего специалистов	10,7	55,3	125,7	211,6	362,4	537,1
в том числе:						
с высшим образованием	4,0	20,2	59,7	109,9	169,8	254,6
со средним специальным образованием	6,7	35,1	66,0	131,7	192,8	282,5

Как видим, темпы роста квалифицированных специалистов и в последние годы остаются высокими. Вместе с тем непрерывно увеличивается общее количество рабочих и служащих, число которых в УзССР составило в 1970 г. 2679,6 тыс. против 1565,2 тыс. в 1960 г. (в 1928 г. — 177,7 тыс.).

Таблица 2

Отрасли	Всего специалистов	В том числе с образованием	
		высшим	средним специальным
Промышленность	60,2	18,1	42,1
Сельское хозяйство	39,3	13,2	26,1
Транспорт	13,1	3,2	9,9
Связь	3,0	0,6	2,4
Строительство	31,3	10,5	20,8
Проектные и проектно-исследовательские организации	13,0	8,3	4,7
Торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение и сбыт	26,4	6,7	19,7
Здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение	89,4	19,9	69,5
Просвещение и культура	190,2	132,9	57,3
Наука и научное обслуживание	24,1	16,6	7,5
Кредитные и страховые учреждения	3,4	1,1	2,3
Аппарат органов государственного и хозяйственного управления	34,2	19,3	14,9

О распределении кадров специалистов с высшим и средним специальным образованием по отраслям народного хозяйства и культуры УзССР в 1970 г. можно судить по данным табл. 2 (тыс. человек).

Как видно, основная масса дипломированных специалистов занята в важнейших отраслях экономики и культуры, на решающих участках коммунистического строительства.

Богатейший опыт подготовки национальных кадров в Узбекистане и других братских республиках СССР убедительно свидетельствует о том, что эту проблему можно успешно решить в сравнительно короткие сроки лишь в условиях строительства социализма. Этот опыт привлекает пристальное внимание народов, вставших на путь самостоятельного развития. Так, побывавший в Узбекистане заместитель председателя Союза писателей Судана Абдул Халим заявил: «Судан и Узбекистан имеют много общего в природных условиях, в обычаях, культуре и быте населения. Многие стороны жизни моей страны все еще похожи на те, что были в Узбекистане до Великой Октябрьской революции 1917 года. Поэтому тот опыт, который накоплен в Узбекистане по изменению общественной и экономической жизни, является весьма поучительным для народов развивающихся стран. Узбекистан для нас — это символ, замечательный пример».

Таких высказываний можно привести очень много. Они наглядно подтверждают всемирно-историческое значение проделанной ленинской партией гигантской работы по формированию и воспитанию огромной армии национальных кадров в Узбекистане и других республиках Союза. Возращенные партией наши замечательные кадры своим самоотверженным творческим трудом в единой братской семье народов СССР воочию демонстрируют историческую правоту ленинских слов о неисчерпаемости народных талантов, решающей роли их грандиозной созидательной силы в борьбе за коммунизм.

К. ХАСАНОВ

ОБ УЧАСТИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАРОДОВ ТУРКЕСТАНА В ОБРАЗОВАНИИ СССР

Создание великого Союза ССР имело огромное значение в исторических судьбах народов нашей страны и всего прогрессивного человечества. На XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев подчеркивал: «В истории нашего государства образование СССР по своей политической значимости и социально-экономическим последствиям занимает выдающееся место.

В образовании, укреплении и развитии этого могучего союза равноправных народов, ставших на путь социализма, сыграли свою роль все нации и народности нашей страны»¹.

В образовании СССР под руководством В. И. Ленина и ленинского ЦК РКП(б) участвовали все боевые отряды РКП(б), включая КПТ, представители всех народов нашей страны, в том числе Туркестана. В исторической и историко-партийной литературе роль делегации ТАССР в создании Союза ССР еще не исследована². Здесь мы попытаемся вкратце осветить участие представителей народов Туркестана в образовании СССР.

Как известно, идея создания Союза ССР была выдвинута и всесторонне обоснована В. И. Лениным, возглавившим также всю практическую работу по образованию СССР. 6 октября 1922 г. Пленум ЦК РКП(б) принял предложение В. И. Ленина об объединении суверенных советских республик на основе их полного равноправия. В работе Пленума активно участвовали член ЦК РКП(б), председатель Средазбюро ЦК РКП(б) Я. Э. Рудзутак и председатель СНК ТАССР, кандидат в члены ЦК РКП(б) А. Рахимбаев³.

2—6 декабря 1922 г. состоялся XI Всeturкестанский съезд Советов, избравший на X Всероссийский съезд Советов 52 делегата с решающим и 2 с совещательным голосом⁴.

X Всероссийский съезд Советов, обсудив вопрос о создании СССР, признал своевременным объединение РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР в Союз Советских Социалистических Республик и одобрил принципы этого объединения. Съезд выделил делегацию от РСФСР, в состав которой вошли и представители Туркестана (Я. Э. Рудзутак, И. Хидиралиев, А. Рахимбаев), поручив ей «выработать совместно с делегациями

¹ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 76.

² См.: «История Коммунистических партийных организаций Средней Азии», Ташкент, 1967, стр. 680—681; «Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана», Ташкент, 1964, стр. 94; «История Узбекской ССР», Том третий, Ташкент, 1967, стр. 366.

³ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 2, д. 84, л. 1, 3; д. 87, л. 1.

⁴ Туркестанская правда, 7 декабря 1922 г.

Украины, Закавказской республики и Белоруссии проект декларации об образовании Союза Республик с изложением обстоятельств, диктующих объединение республик в одно союзное государство». Съезд уполномочил эту делегацию «на основе одобренных ВЦИКом условий объединения заключить договор РСФСР с социалистической республикой Украиной, Закавказьем и Белоруссией об образовании Союза Советских Социалистических Республик»⁵.

На состоявшемся 30 декабря 1922 г. I Всесоюзном съезде Советов в составе делегации РСФСР участвовали и представители Туркестанской АССР (2,4% всех делегатов съезда), в том числе 17 узбеков⁶.

В пленарном заседании комиссии Президиума ЦИК СССР по разработке Конституции, положений о ЦИК, СНК, СТО и наркоматах СССР деятельное участие приняли представители Туркестана — Я. Э. Рудзутак и И. Хидиралиев⁷.

Съезд приветствовали представители БНСР и ХНСР. Представитель БНСР, назир просвещения Кари-Юлдаш Пулатов говорил: «Представители народных советских республик приветствуют союзный съезд, надеются, что в будущем, даже в скором будущем, они смогут войти в этот союз советских республик. Бухарская республика и бухарские крестьяне всеми силами, сколько только сумеют и насколько будет возможно, будут поддерживать союзную республику. Бухарская республика и бухарский народ не могут отдельно существовать как политически, так и экономически. Поэтому мы надеемся, что Российская Советская республика и Союз Советских республик, которые поддерживали Бухарскую республику, и в дальнейшем не оставят в тяжелый момент Бухарскую республику»⁸.

От имени Хорезмской НСР съезд приветствовал ее полномочный представитель т. Сафаев: «Народы Хорезмской народной республики приветствуют первый Союзный съезд Советов народов Азии и Европы. Сочувствие трудящихся масс Хорезмской Народной Советской Республики всегда будет в целом на стороне образовавшегося Союза. Хорезмская республика, благодаря поддержке трудящихся великой Советской республики, могла осуществить свою, пока народную республику. Мы выражаем уверенность в том, как говорил представитель Бухарской Народной Советской Республики, что в недалеком будущем и Хорезмская Народная Советская Республика превратится в социалистическую советскую республику и будет счастлива видеть себя среди вошедших в состав Союза Советских Социалистических Республик»⁹.

Представитель Туркестана Я. Э. Рудзутак от имени Президиума съезда предложил вынести следующие постановления:

«I съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Союза Советских Социалистических Республик в ознаменование создания нового союзного государства ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Основать в Москве, как столице Союза, Дом Союза Советских Социалистических Республик.

2. Поручить ЦИК Союза Советских Социалистических Республик провести это постановление в жизнь». Это предложение было принято единогласно¹⁰.

⁵ Правда, 28 декабря 1922 г.

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. I, д. I, л. 25.

⁷ Там же, л. 4.

⁸ Там же, д. 4, л. 13.

⁹ Там же.

¹⁰ I съезд Советов СССР, М., 1922, стр. 18.

I съезд Советов СССР принял Союзный договор, Декларацию об образовании СССР и избрал ЦИК Союза ССР. Союзный договор и Декларацию об образовании СССР подписали и представители Туркестана — Я. Э. Рудзутак, И. Хидиралиев, А. Рахимбаев¹¹.

И. Хидиралиев был избран кандидатом в члены Президиума ЦИК СССР, членами ЦИК СССР стали А. Рахимбаев, Сергазиев, Т. Рыскулов, а кандидатами — Дадабаев, Н. А. Паскуцкий, Д. И. Манжара¹².

13 января 1923 г. Исполбюро ЦК КПТ заслушало информационное сообщение И. Хидиралиева о X Всероссийском съезде Советов и I съезде Советов СССР¹³. 14 января 1923 г. «Туркестанская правда» опубликовала «Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик» за подписью председателя I съезда Советов СССР М. И. Калинина.

В соответствии с решением Пленума ЦК РКП(б) от 24 февраля 1923 г. Я. Э. Рудзутак и А. Рахимбаев в составе комиссии ЦК РКП(б) активно участвовали в дальнейшем руководстве всей практической работой по созданию СССР.

10 марта 1923 г. Пленум ЦК КПТ, рассмотрев вопрос о проекте Конституции СССР, создал комиссию в составе И. Хидиралиева (председатель), Соловьева, Т. Рыскулова, Киселева, Н. Айтакова¹⁴. 30 марта 1923 г. Исполбюро ЦК КПТ, рассмотрев протокол комиссии о проекте Конституции СССР, одобрил его и внес ряд дополнений и изменений¹⁵.

Таким образом, представители народов Туркестана в лице видных партийных и государственных деятелей ТАСССР приняли самое активное участие как в подготовительной работе, так и в организационном и законодательно-правовом оформлении Союза ССР.

К. Ҳасанов

СССРНИНГ ТАШКИЛ ТОПИШИДА ТУРКИСТОН ХАЛҚЛАРИ ВАКИЛЛАРИНИНГ ИШТИРОКИ ТЎҒРИСИДА

СССРнинг 50 йиллик юбилейига бағишланган, архив манбаларини ўрганиш асосида ёзилган бу мақолада Туркистон халқлари вакилларининг ССР Иттифоқи ташкил топишидаги иштироки тўғрисида қисқача ҳикоя қилинган.

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 1, д. 4, л. 13.

¹² Там же, д. 1, л. 19—20.

¹³ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 60, оп. 1, д. 2638, л. 50б.

¹⁴ Там же, д. 2649, л. 7.

¹⁵ Там же, д. 2638, л. 39—40.

О. С. ЯЦИШИНА

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ В УЗБЕКИСТАНЕ ЛЕНИНСКОГО ПРИНЦИПА РАВНОПРАВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

Победа Великого Октября и создание Союза ССР явились важнейшими предпосылками осуществления ленинских принципов национально-языкового строительства как важной составной части национальной политики Коммунистической партии и Советского государства. В. И. Ленин неоднократно указывал на «равноправие наций и языков, недопустимость каких бы то ни было привилегий в этом отношении»¹ и вместе с тем подчеркивал потребность в языке межнационального общения².

В. И. Ленин отстаивал полную свободу всех национальных языков, необходимость обеспечения их беспрепятственного развития, право каждого гражданина пользоваться родным языком. «Демократическое государство,— писал он,— безусловно должно признать полную свободу родных языков и отвергнуть всякие привилегии одного из языков»³.

Особое значение В. И. Ленин, наша партия придавали развитию родных языков и литератур ранее отсталых народов. В 1921 г. на X съезде партии было принято постановление, направленное на развитие культуры и родных языков всех народов нашей страны. В постановлении подчеркивалось, в частности, что надо «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию» и с этой целью «развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргиз, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения»⁴.

В первые же годы Советской власти были приняты меры к коренизации государственного аппарата в национальных республиках и организации делопроизводства на местах на родном языке населения данного района. Принцип национального языка стал одной из демократических основ социалистической системы правосудия.

Огромное внимание было уделено созданию общедоступной письменности на родных языках. Октябрьская революция застала на территории современного Узбекистана письменность на арабском алфавите,

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 124—125.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 423—425.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 71—72.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 7-е, ч. I, М., 1954, стр. 559.

которая была недоступна широким народным массам. Поэтому одной из основных проблем в области языкового строительства первых лет Советской власти в Туркестане было создание национальной письменности — «необходимейшего орудия духовной культуры»⁵ народов края. Разработка национальной письменности в Узбекистане, как и в других тюркоязычных республиках, прошла в основном три этапа:

- 1) усовершенствование старой арабской графики — 1917—1929 гг.;
- 2) приспособление латинской графики к особенностям национального языка — 1929—1940 гг.;
- 3) приспособление русской графики к особенностям национального языка — с 1940 г. по сегодняшний день.

Арабский алфавит не отражал фонетического строя тюркских языков, в нем было много ненужных для них знаков, загромождавших алфавит. На несоответствие арабского письма звуковой системе тюркских языков указывал еще до революции известный тюрколог П. М. Мелиоранский. Сложность усвоения и полиграфического исполнения арабского алфавита отрицательно сказывалась на состоянии грамотности и культуры широких слоев трудящихся. Принятие в 1922 г. на II съезде работников просвещения реформированного арабского алфавита было первым шагом к демократизации письма. В результате намного сократились сроки обучения грамоте. Однако и пользование реформированным арабским алфавитом еще не давало возможности «быстро просветить тюркские народы»⁶.

После образования Узбекской ССР, в условиях развертывания культурной революции, возникла необходимость в коренной реформе существующей письменности. В Узбекистане был разработан новый алфавит, основанный на латинской графике. Переход на новый алфавит осуществлялся в острой борьбе с буржуазными националистами, мусульманским духовенством, феодально-байскими кругами и прочими врагами строительства новой жизни. Но трудящиеся массы быстро осваивали новую письменность, и уже в 1929 г. узбекский народ в основном перестал пользоваться старым алфавитом. Большой вклад в создание новой узбекской письменности внес известный советский языковед-тюрколог Е. Д. Поливанов. Ему принадлежал первый проект латинизированной узбекской графики, он написал ряд статей о разработке нового алфавита.

Введение латинизированного алфавита ускорило рост грамотности населения Узбекской ССР. Если в 1913 г. грамотность населения Узбекистана составляла 2%, то в 1926 г. — 10,6, в 1928 г. — 18,2, в 1930 г. — 27,3, в 1932 г. — 52,0, а в 1934 г. — 61,0%⁷.

Свыше 10 лет пользовался узбекский народ латинской графикой. Это были годы, когда на основе общих успехов социалистического строительства усилились процессы взаимовлияния и взаимообогащения культур и языков народов СССР; когда «потребности экономического оборота сами собой» определили язык межнационального общения народов нашей страны, «знать который большинству выгодно»⁸, а именно — русский язык. Язык наиболее развитой нации страны, один из «самых сильных и самых богатых живых языков»⁹, русский язык стал

⁵ Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию, М., 1968, стр. 195.

⁶ Х. Пулатов. Культурно-воспитательная деятельность Советского государства в Узбекистане, Ташкент, 1959, стр. 82.

⁷ Развитие экономики и культуры Советского Узбекистана, Ташкент, 1957, стр. 232—233.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 424—425.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 15, стр. 239.

средством сотрудничества всех народов СССР, источником обогащения их национальных языков. Совершенство грамматического строя русского языка, разработанность его стилистической системы, лексико-фразеологические богатства оказались прекрасными образцами и моделями для заимствований в национальных языках¹⁰. Все народы страны добровольно стремились к изучению русского языка, позволявшего им приблизиться к культурным достижениям русского народа, сокровищнице мировой культуры.

В этих условиях сама жизнь ставила вопрос о переводе узбекской письменности на русскую графику, осуществление которого началось в 1940 г. Это значительно облегчило «разработку основ узбекского правописания»¹¹, обеспечило устранение алфавитного разнобоя в национальных школах, улучшило преподавание и усвоение родного и русского языков, способствовало укреплению братской дружбы народов СССР, развитию их культуры, литературы, искусства, науки.

Современный узбекский национальный алфавит отражает особенности узбекского языка¹², но процесс его разработки еще не закончен — необходимо дальнейшее уточнение и усовершенствование отдельных его элементов, как и алфавитов других тюркских языков СССР¹³.

Реформа алфавита изменила облик узбекского литературного языка. Было ликвидировано все то, что отгораживало его от широких масс, — сложность письменности, трудность ее усвоения, оторванность от народной речи. Узбекский литературный язык стал достоянием всего узбекского народа.

Усовершенствование узбекской письменности способствовало расширению общественных функций узбекского литературного языка, который стал языком науки и литературы, печати и школы. Значительно улучшилось обучение в школах на родном языке. В Узбекистане с первых же лет Советской власти были приняты действенные меры к развитию школьного обучения на родном языке, созданию необходимых для этого учебников и пособий, подготовке национальных кадров советских учителей. Ныне преподавание в школах республики ведется на семи языках — узбекском, русском, каракалпакском, казахском, киргизском, таджикском, туркменском. Группы с национальным языком обучения имеются также во всех высших и средних специальных учебных заведениях Узбекистана.

Переводная и оригинальная учебная литература для национальных школ, действовавших на территории современного Узбекистана, начинает появляться с 1918 г., но до начала 30-х годов школы республики в силу ряда причин не имели стабильных учебников. Большая работа по созданию новых, стабильных учебников была развернута в Узбекской ССР на основе постановления ЦК ВКП(б) «Об учебниках для начальной и средней школы» (февраль 1933 г.). Активное участие в этом деле приняли языковеды, ученые, опытные педагоги школ и вузов республики. С каждым годом росли количество названий выпускаемых учебников и их тиражи. Так, в 1924 г. было выпущено 7 учебников общим тиражом 3 тыс. экз., в 1940 г. — соответственно 71 и 4200 тыс., в 1954 г. —

¹⁰ И. К. Белодед. Развитие языков социалистических наций СССР, Киев, 1969, стр. 88.

¹¹ А. К. Боровков. К вопросам узбекской орфографии, в кн. «К вопросам узбекской орфографии и терминологии», Ташкент, 1952, стр. 4—5.

¹² К. Х. Ханазаров. Развитие узбекского языка за годы Советской власти, М., 1970, стр. 8.

¹³ Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР, М., 1972, стр. 16.

92 и 5235 тыс., а в 1960 г.—118 и 8 млн. экз.¹⁴ Уже в 1958/59 г. из 95 названий выпущенных учебников 42 представляли оригинальные учебники, созданные в Узбекистане¹⁵.

Родной язык находит широкое применение и в области средств массовой информации — печати, радио, телевидения. Если в дореволюционном Туркестане периодические издания насчитывались единицами, а на языках коренных национальностей почти ничего не издавалось, то ныне в Узбекской ССР выпускаются на родном языке обширная литература, а также многочисленные газеты и журналы (табл. 1).

Таблица 1*

Показатели	Годы				
	1913	1928	1940	1960	1970
Число газет	14	25	200	217	226
в том числе на узбекском языке	1	10	124	145	130
Тираж, млн. экз.	...	31,2	147,5	278,9	692,6
Число журналов	3	24	52	110	127
в том числе на узбекском языке	—	19	19	29	33
Тираж, млн. экз.	—	1,9	1,6	16,4	96,2

* См.: „Узбекистан за 15 лет“, Ташкент, 1939, стр. 88; Т. Н. Кары-Ниязов. Очерки истории культуры Советского Узбекистана, М., 1955, стр. 338, 340; „Народное хозяйство УзССР в 1965 г.“, Ташкент, 1966, стр. 339; „Народное хозяйство УзССР в 1970 г.“, Ташкент, 1971, стр. 278.

В жизнь и быт узбекского народа прочно вошли радио- и телевидение на родном языке, диапазон которых неуклонно расширяется. На узбекском языке идут театральные представления, кинофильмы, ведется широкая лекционная пропаганда и т. д.

В Программе КПСС указывается, что партия будет «обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, ...не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков»¹⁶. Значимость этого вопроса подчеркивается и в материалах XXIV съезда КПСС. Так на деле претворяется в жизнь ленинский принцип равноправия национальных языков, способствующий расцвету всех социалистических наций Союза ССР, укреплению их братской дружбы и сотрудничества в борьбе за общее дело — строительство коммунизма.

О. С. Яцишина

МИЛЛИЯ ТИЛЛАР ТЕНГ ХУҚУҚЛИЛИГИ ЛЕНИНЧА ПРИНЦИПИНИНГ УЗБЕКИСТОНДА АМАЛГА ОШИРИЛИШИ

Мақолада Коммунистик партия ва Совет давлатининг миллий тиллар тенг хуқуқлилигини амалий таъминлашга қаратилган ленинча сиёсатининг Совет Ўзбекистони шаронтида турмушга қандай татбиқ этилаётганлиги ҳақида гапирилди.

¹⁴ См.: «Народное образование в УзССР за 30 лет», Ташкент, 1947, стр. 15; «Народное образование в УзССР за 25 лет», Ташкент, 1949, стр. 19; «Очерки истории УзССР», Ташкент, 1966, стр. 132—133.

¹⁵ И. Қадыров. Успехи народного образования в Узбекской ССР, Ташкент, 1959, стр. 56.

¹⁶ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1971, стр. 115.

Ш. З. УРАЗАЕВ

**ЗНАЧЕНИЕ СТАБИЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ НОРМ
В ПРАВОВОМ ВОСПИТАНИИ ГРАЖДАН**

XXIV съезд КПСС уделил большое внимание проблемам дальнейшего совершенствования законодательства и правового воспитания граждан. Правовое воспитание призвано обеспечить высокую правовую культуру населения, что предполагает знание права, уважение к нему, точное и неуклонное исполнение всех правовых норм, нетерпимость к любым правонарушениям.

Знание права как элемент правовой культуры, в свою очередь, может рассматриваться в двух значениях: общем и специальном. Знание общих, основных требований юридических норм, умение ориентироваться в простых ситуациях, соблюдая требования правовых норм, должны быть присущи каждому гражданину.

Однако в сложных ситуациях общего представления о праве уже недостаточно, здесь требуются специальные познания в области права. Ими, как правило, обладают юристы. Потребности в общих и специальных познаниях в области законодательства удовлетворяются через широкую публикацию принимаемых законов, юридическими консультациями, справочниками, учебниками, лекциями на правовые темы и т. д.

Юридические нормы как общеобязательные правила поведения людей рассчитаны на всех граждан и представляют собой, выражаясь философским языком, не «вещь в себе», а «вещь для нас».

Выше отмечалось, что к элементам правовой культуры относится и нетерпимость к правонарушениям. Под этим следует понимать не только осуждение правонарушений, не только «пацифистское» отношение к праву и законности, но и активную борьбу с правонарушениями. Широкое участие общественности, всех граждан в борьбе с антиобщественными проявлениями — свидетельство глубокой сознательности советских людей, их высокой правовой культуры.

Сознание человека, его убеждения, мировоззрение, понимание норм права и морали формируются под влиянием различных факторов и, сформировавшись однажды, трудно поддаются деформации. Всякое изменение ранее сложившегося представления, как правило, требует глубокого и убедительного обоснования. Поэтому очень важно целенаправленное, правильное правовое воспитание граждан. Механизм воздействия правовых норм сложен, как и сам объект, на который воздействуют нормы права.

В правовом воспитании немаловажную роль играют стабильность, устойчивость правовых норм. Это облегчает правовое воспитание, способствует и стабилизации отношения к праву, усиливает уверенность в правильности норм права, позволяет легче и прочнее усваивать их гражданами. Правила поведения, предписанные правовыми нормами,

если они стабильны, приобретают характер традиций, привычек, становятся обычными, само собой разумеющимися.

Идея стабильности правовых норм вытекает из ленинских положений о праве и законности. В. И. Ленин всегда требовал, чтобы законопроекты тщательно готовились, правильно отражали назревшие потребности общественного развития, были тесно связаны с жизнью, отличались высокой юридической техникой, четкостью и недвусмысленностью, исключали возможность кривотолков, были научно обоснованными, ясно выражали политику партии и государства.

«Законодательствовать надо с тройной оглядкой. Семь раз примерь!»¹ — писал В. И. Ленин Д. И. Курскому 28 февраля 1922 г. В письме в Малый СНК 27 августа 1921 г. В. И. Ленин отмечает, что «ряд декретов Малого Совнаркома в последнее время тороплив», что нужно «обратить сугубое внимание на необходимость более осторожной, тщательной и обдуманной подготовки текста декретов. Бесконечные поправки нетерпимы»². Эти указания В. И. Ленина имеют неосценимое значение в развитии и совершенствовании советского законодательства.

Стабильность правовых норм — это требование самой жизни, она вытекает из потребностей общественно-политического развития страны, интересов коммунистического строительства, воспитания граждан в духе соблюдения правил социалистического общежития.

Как известно, Советская Конституция периода строительства социализма предоставляла право издания законов нескольким органам, что отвечало требованиям того времени. В ходе строительства социализма возникала потребность в пересмотре и обновлении правовых норм. Объективно сложилась такая ситуация, когда на протяжении жизни одного поколения были разработаны и приняты две Конституции СССР (1924 и 1936 гг.), две Конституции республик, а в РСФСР — даже три (1918, 1925, 1937 гг.), по два гражданских, уголовных, гражданско-процессуальных, уголовно-процессуальных Кодекса, в РСФСР — три Кодекса законов о труде (1918, 1922, 1971 гг.), три Кодекса законов о браке, семье и опеке (1918, 1926, 1970 гг.) и т. д. Пролетарский путь не был проторен, и эксперименты в издании правовых норм были вполне понятны.

С победой социализма стабильность правовых норм приобрела особую актуальность, и в этой связи было признано нецелесообразным дальнейшее сохранение такого положения, когда в качестве законодателя выступал не какой-нибудь один орган, а ряд органов.

Понятию стабильности юридических норм чужды бесконечные поправки, изменения, обновления норм. Но стабильность — это и не консерватизм, а разумное, целесообразное постоянство, устойчивость правовых институтов, обусловленные стабильным развитием общества, твердым и уверенным поступательным движением его к намеченной цели.

За последние годы Коммунистическая партия и Советское государство сделали многое для совершенствования законодательства и обеспечения правового регулирования различных сторон общественной жизни. Эта работа будет продолжаться и впредь. Совершенствование правовых норм — закономерный процесс, вытекающий из объективных потребностей самой жизни, основанный на достижениях науки и не имеющий ничего общего с субъективизмом в правотворчестве.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 54, стр. 191.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 53, стр. 143.

Следует учитывать, что каждая поправка, каждая новая норма требует усилий для ее усвоения, психологической перестройки, перестройки правосознания в соответствии с новой нормой. Большие трудности возникают и в процессе применения этих норм. Между тем подобные факты еще встречаются на практике. Так, в 1960—1962 гг. дважды менялась норма права о борьбе со взяточничеством. Ранее в этой области применялись нормы Кодекса 1926 г. (в РСФСР). В 1960 г. был принят новый Кодекс, а 20 февраля 1962 г. издан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество». Таким образом, лицо, совершившее это преступление в течение, скажем, 1959—1962 гг., привлекалось к уголовной ответственности по трем последовательно сменявшимся законам. В данном случае правовая норма УК РСФСР 1960 г. оказалась нестабильной и была заменена новой нормой спустя лишь 2 года.

УК УзССР был принят 21 мая 1959 г. и введен в действие с 1 января 1960 г. Прошло менее чем 1,5 года, и 30 мая 1961 г. были дополнены и изменены 33 статьи УК. 28 февраля 1962 г. были внесены изменения и дополнения еще в 7 статей. В последующие годы вносились изменения и дополнения в 30 статей. Некоторые статьи менялись по два-три раза. Например, ст. 208 УК УзССР изменялась и дополнялась трижды (30 мая 1961 г., 23 октября 1967 г. и 25 июля 1968 г.). В гражданский Кодекс Узбекской ССР за 8 лет внесено 25 поправок и 6 дополнений.

Изменения внесены и вносятся и в кодексы республик. Некоторые из них неизбежны. Существуют нормы, которые по своему характеру динамичны, требуют периодических изменений в связи с развитием общества. Не могут быть неизменными уже по своему характеру нормы, регулирующие рабочее время, оплату труда и т. д. Некоторые же нормы претерпевают изменения в силу своего несовершенства.

Внесение изменений нельзя осуждать или оправдывать без анализа всей совокупности обстоятельств, вызвавших к жизни новую норму, ее социальной ценности и эффективности. В целом же следует твердо придерживаться принципа стабильности правовых норм. Поэтому, на наш взгляд, надо повысить требования к законопроектам, обеспечить дальнейшее совершенствование научных рекомендаций, укрепление связи науки с практикой, развертывание социологических исследований по выяснению эффективности правовых норм, овладеть искусством прогнозирования. Представляется целесообразной выработка такого отношения к законоворчеству, когда внесение поправки к тщательно обсужденному и принятому законопроекту считалось бы чрезвычайным событием. Было бы полезным издание специальной нормы, предусматривающей тщательную подготовку законопроектов, высокий уровень законодательной техники и всестороннюю обоснованность любых поправок и изменений. Как правило, законопроекты широко обсуждаются специалистами, трудящимися и лишь затем рассматриваются законодательным органом. Что касается поправок и изменений, то они обычно не выносятся на широкое обсуждение до рассмотрения законодательным органом. Более широкое участие специалистов в обсуждении проектов поправок и обобщении итогов их обсуждения исключило бы момент случайности и способствовало бы стабилизации юридической нормы.

Действующие нормы предусматривают лишь обеспечение необходимого большинства голосов для принятия поправки. К этому следовало бы добавить необходимость представления тщательно мотивированного основания для рассмотрения вопроса об изменениях и поправках к дей-

ствующим законам. Это также привело бы к дальнейшей стабилизации юридических норм.

Современный уровень развития социалистического общества, высокая культура и сознательность граждан, наличие целой армии высококвалифицированных юристов — ученых и практиков, огромный опыт законодательства, создание развитой системы правовых норм безусловно позволяют обеспечить необходимую стабильность правовых норм и эффективную постановку правового воспитания граждан.

Ш. З. Урзаев

ГРАЖДАНЛАРНИНГ ҲУҚУҚИЙ ТАРБИЯСИДА ЮРИДИК НОРМАЛАР СТАБИЛЛИГИНИНГ АҲАМИЯТИ

Мақолада ССР Иттифоқи ва иттифоқчи республикалар қонунчилиги практикасида ҳуқуқий нормалар стабиллигини таъминлаш масалалари қаралади ва совет қонунлари ҳамда социалистик жамият қондаларига оғишмай амал қилишда барча гражданлар тарбиясида ҳуқуқий нормалар стабиллигининг аҳамияти уқтириб ўтилади.

К. ДЕЛОКАРОВ, Р. ШАНАЗАРОВ

КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ ФИЗИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В истории физической мысли можно выделить более или менее длительные периоды, на протяжении которых основные тенденции развития физического знания остаются относительно одинаковыми. Остаются в целом постоянными и теоретические представления, основные понятия, исходные принципы, даже общая схема объяснений экспериментальных фактов. Это эволюционная сторона непрекращающегося прогресса естественно-научного знания. Эволюционный процесс развития физического знания прерывается периодами скачков, когда естествоиспытателям приходится ставить под сомнение исходные принципы, ранее считавшиеся незыблемыми и очевидными. Под давлением новых фактов физики вынуждены переосмысливать не только теоретические представления, но и стиль мышления, искать новые пути развития научного знания.

Одним из таких переходных периодов в области физики было начало XX в. Появление теории относительности и квантовой физики в корне изменило взгляды физиков на природу и познание. Пересмотр теории относительности классических представлений о пространстве, времени, движении и тяготении облегчил критический анализ квантовой механикой физических представлений о причинности, траектории, реальности.

Физика прошла такой классический путь развития, анализ которого позволяет проследить отдельные признаки научного знания вообще. Логико-гносеологический анализ этого пути показывает, что развитие научного знания характеризуется усложнением форм взаимосвязи опыта и теории, структуры теории, науки. Адекватное отражение реальности во многом зависит от гносеологического анализа средств, путей, ведущих к истине.

Создание теоретической системы, объясняющей определенную совокупность явлений, группы явлений, фактов, не укладывающихся в существующую ранее теоретическую концепцию, формально есть создание научной теории. Со временем появляются факты, не объяснимые с позиций существующей физической теории. Это приводит в принципе к образованию ограниченного числа (многообразия) утверждений для объяснения данного факта. Из этого многообразия рабочих гипотез выбирается какое-то утверждение, имеющее, по мнению исследователя, фундаментальный характер. Далее выбранная гипотеза влетает в ткань научного познания. Вернее, с точки зрения выдвинутой гипотезы пересматриваются известные факты и законы. В процессе познания измеряется случай, когда под действием различных факторов ядро выдвинутой гипотезы остается (например, гипотеза де Бройля), но проблема пересматривается, точнее, происходит ее переформулировка.

История развития физического знания показывает, что развитие физики происходит путем формирования относительно замкнутых теоретических систем. Со временем одна замкнутая теоретическая система неизбежно сменяется другой, тоже замкнутой. В определенном смысле можно говорить о дискретном характере процесса познания. Дискретность процесса познания можно проследить и на примере иных развитых областей науки.

В. Гейзенберг, например, выделял «четыре большие системы, уже нашедшие свою окончательную форму»¹. Первая замкнутая система — это механика Ньютона, которая пригодна для описания всех механических процессов, движения жидкостей и упругих колебаний тел. В. Гейзенберг включает сюда акустику, статику, аэродинамику и гидродинамику. Вторая система сформировалась в течение XIX в. в связи с появлением теории теплоты. В. Гейзенберг замечает, что «хотя в конечном счете теорию теплоты удалось благодаря созданию так называемой статистической механики связать с механикой, эту систему было бы лучше все же не рассматривать как часть механики»². При этом он подчеркивает, что в теории теплоты используется ряд понятий, не имеющих аналога в других разделах физической науки, — понятия теплоты, удельной теплоты, энтропии, свободной энергии.

Третья замкнутая система «выведена из электрических и магнитных явлений, получив свою окончательную форму в первом десятилетии XX века в работах Лоренца, Эйнштейна и Минковского. Она охватывает электродинамику, специальную теорию относительности, оптику, магнетизм, и в нее можно включить даже дебройлеаскую теорию волны материи, и при этом — для всех элементарных частиц различных видов»³.

Четвертая система В. Гейзенберга охватывает «квантовую и волновую механику, теорию атомных спектров, химию и теорию других свойств материи, как, например, проводимости, ферромагнетизма и т. д.»⁴

Несколько иначе рассматривает проблему существования замкнутых понятийных теоретических систем советский космолог А. Л. Зельманов, который выделяет шесть теоретических построений: «Ньютонова механика, ньютонова теория тяготения, специальная (или собственно) теория относительности Эйнштейна, общая теория относительности (эйнштейнова теория тяготения), нерелятивистская квантовая механика, релятивистская квантовая теория»⁵.

Как видим, В. Гейзенберг и А. Л. Зельманов признают существование замкнутых понятийных теоретических систем. Отсюда следует тезис о наличии элемента дискретности в процессе познания.

Так, квантовая механика при определенных условиях асимптотически переходит в классическую механику; релятивистская механика, в свою очередь, переходит в механику Ньютона при малых скоростях.

Можно привести и другие примеры, подтверждающие дискретность структуры физического знания. Всякая научная теория отражает не объективную реальность в целом, а определенную, конечную, выделенную область материального мира. Поэтому на любую задачу накладыв-

¹ В. Гейзенберг. Физика и философия, М., 1963, стр. 73.

² Там же.

³ Там же, стр. 74.

⁴ Там же.

⁵ А. Л. Зельманов. Некоторые философские аспекты современной космологии и смежных проблем физики, в кн. «Диалектика и современное естествознание», М., 1970, стр. 396—397.

ваются известные ограничения, определяемые условиями задачи и постулатами, лежащими в основе теории. При этом исследователь сталкивается с проблемой, имеющей два взаимоисключающих аспекта. С одной стороны, диалектико-материалистическая философия учит, что в действительности существует взаимосвязь всех явлений природы, и объект каждой теории гносеологически неисчерпаем в силу онтологической неисчерпаемости объектов природы. С другой стороны, ученый решает конкретную задачу, изучая определенную предметную область, что требует относительной изоляции этой области, выделения основных, существенных связей, присущих данному объекту.

Создавая теорию, таким образом, мы изолируем ее объект от других явлений. Создание любой теории есть определенное упрощение. Изолирование помогает строить непротиворечивую систему утверждений. Без такого упрощения, изоляции процесс познания немислим, ибо возможность неограниченного познания объективной реальности реализуется в каждый данный момент не абсолютно, не полностью, а частично. Поэтому неограниченность, бесконечность процесса познания означает ограниченность, конечность его в каждый отдельно взятый момент. «Человек не может охватить — отразить — отобразить природы всей, полностью, ее «непосредственной цельности», он может лишь вечно приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д. и т. п.»⁶

Изолирование всегда частично и временно. Со временем те связи, от которых мы абстрагировались, которые считали несущественными, неизбежно дают себя знать, и приходится строить новую теорию, учитывающую эти связи и снимающую определенные ограничения. Уже поэтому ни одна теория не может иметь бесконечную область применения. Указанные взаимоисключающие и взаимодополняющие обстоятельства требуют постановки вопроса о применимости выводов, следствий данной теории. Таким образом, мы приходим к проблеме замкнутости теорий, объясняющей поведение физической системы.

Так, в классической механике замкнутость динамической системы обеспечивается сохранением числа частиц, отсутствием внешних сил. В квантовой механике реализация точного пространственного ограничения систем требует введения бесконечно высоких потенциальных барьеров, что экспериментально не осуществимо.

Та или иная понятийная система является замкнутой, если она опирается на систему фундаментальных законов физики. Так, «существующая ныне теория элементарных частиц подобной замкнутостью не обладает именно потому, что в ней еще не содержится цельная система фундаментальных законов»⁷.

Среди фундаментальных законов физического знания особую роль играют законы сохранения, образующие фундамент физической науки. Анализируя специфику проявления закона сохранения энергии в самых различных физических теориях, от классической механики до квантовой электродинамики, В. С. Готт справедливо указывает, что «закон сохранения энергии во всех этих теориях является стержневым моментом, но конкретные формы его выражения изменяются, совершенствуются»⁸.

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 64.

⁷ И. В. Кузнецов. Взаимосвязь физических теорий и развитие современной физики элементарных частиц, в кн. «Философские проблемы физики элементарных частиц», М., 1964, стр. 11.

⁸ В. С. Готт. Философские вопросы современной физики, М., 1967, стр. 203.

Как правильно отмечает И. В. Кузнецов, «прогресс любой отрасли науки на всем протяжении ее существования не может быть представлен в виде логически последовательного развертывания следствий, вытекающих из какой-либо одной когда-то открытой совокупности законов природы. Его нельзя представить и как процесс пополнения, улучшения и совершенствования одной и той же совокупности законов. Он неизбежно предстает перед нами в виде цепи сменяющихся друг друга, качественно отличных систем понятий и законов — систем, различие между которыми проявляется в форме необычайно резкого конфликта»⁹. Такая смена качественно отличных друг от друга понятийных систем, характеризующих процесс познания, имеет своим онтологическим основанием существование различных уровней организации материи.

Итак, рассматривая логику построения естественно-научных теорий, можно сделать вывод: любая естественно-научная система выделяет из всего бесконечного числа связей, зависимостей определенные, строго ограниченные, замкнутые, локализованные связи, отношения и зависимости. Поэтому были бы необоснованными претензии той или иной теории на вечную, абсолютную истинность, безотносительно к области применения.

При переходе от одной теоретической системы к другой, не содержащей видимых парадоксов и более или менее удовлетворительно объясняющей совокупность фактов, характер взаимосвязи постулатов «старой» и «новой» теории меняется. После создания следующей теоретической системы старые постулаты объясняются в рамках новой теории. Исходные идеализации до создания новой теоретической системы считаются содержательно-истинными. (По крайней мере, доказать обратное, пользуясь существующими методами, невозможно. Доказательство этого есть уже создание новой теории).

Существуют различного рода общности: постулаты, принципы, законы, лежащие в основе современных физических теорий, но пока еще мало разработаны критерии различимости постулатов, аксиом, принципов, законов по степени их глубины, общности, фундаментальности. Выход за пределы одной замкнутой теоретической системы происходит путем скачка на новый теоретический уровень. Скачок этот не автоматический, его нельзя совершить чисто индуктивным путем. На основе твердых знаний фактов, экспериментальных данных воображение ученого обязано исследовать все возможные пути со смелостью, способной разорвать границы старых идей. При этом необходимы постоянная связь с установленными, проверенными физическими законами и разрешение противоречия, возникшего в рамках старой системы и требующего появления новой теории. Выявление сути основного противоречия, которое ограничивает применимость исходных понятий, способствует разрешению возникшего противоречия.

В этой связи представляют большой интерес методологические аспекты категории симметрии и асимметрии, разрабатываемой проф. В. С. Готтом и его учениками. Как отмечает В. С. Готт, если в процессе познания «установлено существование какого-то явления, состояния или каких-то свойств, то необходимо предполагать и существование противоположных явлений, противоположных свойств и состояний; в свою очередь, необходимо далее предполагать, что между противопо-

⁹ И. В. Кузнецов. Преемственность, единство и минимализация знания — фундаментальные черты научного метода, в кн. «Материалистическая диалектика и методы естественных наук», М., 1968, стр. 324.

ложными условиями в каких-то отношениях возникают и существуют тождественные моменты»¹⁰.

Новая теория должна предсказывать новые экспериментальные факты и более глубоко объяснять известные и неизвестные до этого факты. Выход за пределы данной теоретической системы происходит не произвольно, не абсолютно изолированно от предыдущих исследований, а во взаимосвязи с ними. С тех пор как возникло научное познание, оно идет, непрерывно расширяясь вглубь ивширь. Каждое новое научно-теоретическое построение глубже объясняет факты и явления, которые объясняла существовавшая ранее теория, и включает в себя новые факты, объясняя необъяснимые, с точки зрения старой теории, экспериментальные данные.

В силу материального единства мира, а следовательно, изучаемых в данной области объектов, между теоретическими системами существует связь, ибо изучаемый наукой объект не абсолютно однороден, а качественно различен. Поэтому существуют не только различные науки, объясняющие разные формы движущейся материи, но и различные научные дисциплины, объясняющие одни и те же формы движущейся материи, но с разных сторон, или их различные уровни (физика твердого тела, физика элементарных частиц, физика ядра и т. д.). М. Планк отмечал, что «первый толчок к пересмотру и преобразованию какой-нибудь физической теории почти всегда дается открытием одного или нескольких фактов, не уместающихся в существующие рамки теории. Эти факты образуют всегда ту точку опоры, около которой можно перевернуть даже важнейшую теорию. Для настоящего теоретика нет ничего интереснее фактов, прямо противоречащих общепризнанной до этого теории; только здесь начинается его настоящая работа»¹¹.

Выход за пределы существующей теории происходит: 1) интуитивно; 2) статистически, т. е. путем перебора наиболее вероятных утверждений. Как отмечает Д. Пойа, необходимо «пробовать, пробовать снова и снова, разнообразно попытки так, чтобы не упустить благоприятной возможности»¹². Указанные пути не исключают, а дополняют друг друга. В основе этого процесса лежит знание предмета. Оно дисциплинирует мышление, заставляет считаться с фактами, с логикой мышления. Но логика не может требовать экспериментальной проверки всех возможностей, всех гипотетических утверждений. Теоретически их может быть бесконечное множество. И здесь на помощь приходит интуиция, воображение ученого, сокращающее пути движения мысли к истине, помогающее выбрать из всех гипотез наиболее отвечающую условиям задачи.

Сложность процесса познания, которая отражается и в законах науки, в частности физики, внешне имеет мало общего с чувственно воспринимаемым реальным миром. «Увеличение» расстояния между чувственным миром и законами физики, сложность используемого знаково-символического аппарата (часто опережающего физические интерпретации), создает видимость того, что законы природы не зависят от самой природы, а являются «свободными изобретениями мыслящего разума». Так, например, представляет дело известный американский космолог Г. К. Мак-Витти, который пишет: «...Законы природы являются просто

¹⁰ В. С. Готт. Симметрия и асимметрия, в кн. «Диалектика и современное естествознание», стр. 384.

¹¹ М. Планк. Новые пути физического познания, Под знаменем марксизма, 1923, № 2, стр. 73.

¹² Д. Пойа. Математическое открытие, М., 1970, стр. 260.

фундаментальными постулатами, лежащими в основе теории, и должны рассматриваться как свободные творения человеческого ума»¹³.

Разумеется, в своих поисках законов природы ученый, во-первых, свободен в выборе системы языка (если под языком понимать математический, физический и т. д.); во-вторых, он выбирает, точнее задает, те или иные условия задачи; наконец, он свободно выбирает тот или иной путь построения теории, понятия для выражения своих идей. Но эта свобода ограничена по крайней мере с двух сторон: во-первых, она зависит от природы, от тех объективно существующих связей, которые отражаются в системе физических, математических или других понятий; во-вторых, свобода принципиально ограничена на каждом этапе развития науки достигнутым уровнем знания, существующим понятийным аппаратом.

Как правильно отмечает П. В. Копнин, «созданные понятия и вообще логический аппарат, несомненно, ограничивают свободу мышления, которое уже должно в своем движении так или иначе сообразоваться с ними. Однако это ограничение свободы идет на пользу мышления, ведь главное-то не свобода ради свободы, а свобода, приводящая к объективно истинному результату, к созданию новых научных понятий»¹⁴. В выборе пути исследования, решения проблемы важнейшую роль играют законы и категории материалистической диалектики, которые аккумулируют достижения научной мысли в своих понятиях и потому имеют решающее методологическое значение в развитии всех отраслей науки.

К. Делокаров, Р. Шоназаров

ФИЗИКА БИЛИМИ СТРУКТУРАСИННИГ СИФАТ УЗГАРИШИ

Мақолада физика билими равнақи мисолида илмий билимлар равнақининг асосий қонунияти бутунисича, шу жумладан, назарий система, тушунча ва ҳоказолар қаралади. Автор, ҳамма илмий билимлар тармоқларининг равнақ топишида материалистик диалектика қонунлари ва категориялари ҳал қилувчи аҳамият касб этади, деб уқтириб ўтади.

¹³ Г. К. Мак-Витти. Общая теория относительности и космология, М., 1961, стр. 23.

¹⁴ П. В. Копнин. Проблемы диалектики и логики в развитии современного естествознания, в кн. «Диалектика и современное естествознание», стр. 32.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

АРХИТЕКТУРА СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИРАНА В СВЯЗЯХ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ*

При оценке историко-культурного вклада народов Средней Азии и Ирана долгое время господствовала определенная односторонность. Средняя Азия рассматривалась лишь как окраинная провинция иранского мира, а ее культурные ценности — не более как периферийные отголоски тех ярких творческих направлений, которые протекали в Центральном и Западном Иране, с наложением на них со временем также арабских, а затем тюркских элементов.

В результате выявления и изучения беспримерных культурных сокровищ Средней Азии, открытие которых связано с археологическими исследованиями советского времени, определился иной критерий меры творческого вклада народов, населявших огромные сопредельные территории Иранского плато и оазисов Средней Азии. Объективный взгляд свидетельствует, что творческие импульсы шли здесь с разных сторон, но подобно сообщающимся сосудам, наполненным разными по содержанию растворами, при этом неизменно протекал процесс взаимопроникновения и взаимовлияния идей.

Это наглядно иллюстрирует архитектура. Ее специфику составляет единство строительно-технических, социально-бытовых и эстетических категорий. Архитектура — это материальная среда обитания, она не знает ни экспорта, ни импорта и потому наиболее прочно связана с родной почвой в буквальном и в фигуральном значении термина: с местом, традициями, общенародными или общенациональными вкусами.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что в странах Востока практиковалось привлечение зодчих из сопредельных стран, также вносящих свой вклад в формирование архитектурных направлений.

Но и не это было главным фактором творческих общностей. Решающую роль играли давние социально-исторические и этно-культурные связи народов тех областей, которые для древнейших времен фигурируют как Иран и Туран местного ирано-языческого эпоса, в античную эпоху — как Парфия и кушано-кангюйский мир, а в средневековье — Мавераннахр (земли к северу от Амударьи), Иран (центрально- и западноиранские территории), Хорасан (в широком понимании термина — территории современных восточных провинций Ирана, большей части Афганистана, Южного Туркменистана). В них протекает формирование больших и целостных региональных архитектурных направлений, внутри которых могут быть намечены основные хронологические рубежи.

При выяснении меры воздействия или взаимодействий в архитектуре Средней Азии и Ирана исследователи чаще всего концентрировали

* Доклад, сделанный 30 сентября 1971 г. на научной сессии по истории и культуре Ирана, организованной Комиссией Президиума АН СССР (Ленинград).

основное внимание на общности архитектурных деталей и орнаментальных мотивов. Действительно, таких примеров — множество. Для ахеменидской поры сошлемся на капители в виде спаренных протом реальных или фантастических существ: таковы они в постройках Персеполя и Суз, с одной стороны, и в Хорезме — с другой (имеем в виду недавно открытую в Султан-Уиздаге капитель с парой человеко-обнов). Тема колоколовидной ахеменидской капители входит в раннебуддийское зодчество Индии, а в 1971 г. неожиданный повтор ее оказался в оформлении вотивной ниши кушанского здания на Дальверзинтепа (Южный Узбекистан). Можно напомнить шаровидные и торовидные базы, получившие распространение еще в Ассирии, затем в ахеменидском и парфянском Иране, но также в Хорезме, Бактрии и по всему Кушанскому государству, вплоть до Индии. Для времени эллинизации Среднего Востока характерны занесенные из греческого репертуара архитектурных форм коринфизированные капители, которые в разных вариантах пропорций и деталей предстают на памятниках Парфии, Бактрии, Нагарахары, Удайяны, Гандхары. Для средневековья бесчисленны могут быть примеры сходных мотивов архитектурного орнамента, особенно системы геометрического узора — гириха, который завладевает архитектурными поверхностями, декорированными тесаным кирпичом, резным шtukом и терракотой, глазурованными изразцами.

И все же процессы взаимодействия в архитектуре разных стран не могут быть объяснены лишь сопоставлением отдельных форм и декоративных деталей, ибо детали и узоры всегда столь мобильны, что их можно сравнить с бродячими сюжетами восточного фольклора и с назيره восточной литературы — они легко перетекали из страны в страну, так что порой почти невозможно определить конкретный пункт их возникновения и пути распространения. В архитектуре важнее иное — типология зданий, их планировочная и объемно-пространственная композиция, специфика и общности которых определяют меру подлинных взаимосвязей в зодчестве народов и стран.

Ограничимся лишь двумя примерами — одним для античной эпохи, другим — для средневековья. Планировочные и объемно-пространственные композиции зданий античной архитектуры Средней Азии и Ирана в соотношении с греко-римскими были вполне своеобразны. Особенно характерны в монументальном зодчестве крупные здания с центральным квадратным пространственным элементом — залом или двором и обводящим его кулуаром или группой продолговатых помещений. Традиционно воззрение, будто схема эта присуща лишь храмам. В действительности же здания с центральным залом в разных вариантах предстают в постройках и гражданской, и культовой архитектуры. Таковы жилые дома в Ай-Ханум и на Дальверзинтепа (Бактрия), в Кизылкыре (Согдиана); замок-форт в Эрк-кале парфянского Мерва и другой, греко-бактрийский, в Айртаме; парфянский храм в Мансур-депе и храм в кушанском святилище Сурх-Котала. В храмовых сооружениях композиционная схема нередко ограничена квадратной целлой в обводе коридора — как это видим в кушанском династическом храме Сурх-Котала и в парфянских храмах Мансур-депе и Хатры.

При больших пролетах перекрытие покоится на четырех опорах — эта четырехколонная система интерьера восходит, на наш взгляд, к народной жилищной архитектуре, откуда переносится в монументальное зодчество. В ахеменидских постройках Персеполя она входит в группу служебных и бытовых помещений «сокровищницы» и «гарема», но также в здание Пропилей; в парфянской Нисе — в композицию четырехстолпного дворцового ауденц-зала; в кушанском богатом жилом доме

на Дальверзинтепа — это гостиная-михманхана; в храме огня — ай-дана Суз и кушанском храме Сурх-Котала — это главное святилище.

При еще более обширных размерах центральных организующим элементом служит не зал, а двор. Это либо двор перистильный — таков он в «Квадратном доме» парфянской Нисы; либо двор с портиком — как в бактрийском дворце Саксанохура и в парфянском дворце в Ниппуре; либо двор четырехайванный — с глубокими сводчатыми айванами на главных осях с группой разнообразных помещений в угловых четвертях плана, классическим примером чего является дворец в парфянском Ашуре.

Композиции с четырехайванным центральным двором предстояло сыграть очень важную формообразующую роль в средневековом зодчестве Средней Азии и Ирана, чему немало способствовали успехи сводчатой техники. Она предстает в буддийском монастыре Аджина-тепе (Южный Таджикистан), строительные методы в котором имеют локальную основу и радикально отличны от индо-буддийских. В эпоху ислама тема обведенного разнообразными помещениями и арочными галереями двора с четырьмя айванами широко войдет в гражданское и культовое строительство. Эта универсальная композиция используется в архитектуре укрепленных загородных усадеб (Кырккыз в Термезе, IX в.), дворцов (термезский дворец XI—XII вв., Ак-Сарай в Шахрисабзе XIV—XV вв.), караван-сараев (Ал-Акир X—XI вв., Акча-кала и Оде-Мерген XI—XII вв., Дая-Хатын XII вв. — все на пути из Мерва в Хорезм, Рабати-Шереф XII в. между Нишапуром и Мешхедом и др.), медресе (тимуридские медресе в Самарканде, Герате, Бухаре, Харгирде и др.), соборных мечетей (джами-мечети в Заваре, Исфахане, Гульпайгане XI—XII вв., Биби-Ханым в Самарканде XV в. и пр.). В них поразному формируются группы обводных помещений, варьируют пропорции, этажность, детали, декор, но основная композиционная идея восходит к типологически общему источнику.

Процессы взаимопереплетения и взаимовлияний в зодчестве всего среднеазиатско-иранского региона определялись двумя основными факторами. Один из них — стремление к выработке некоего единого, универсального стиля и канонизации определенных композиционных схем. Этот фактор доминирует в монументальном зодчестве, особенно в культовой архитектуре ислама. Такова, например, упомянутая композиционная система четырехайванного двора, обведенного аркадой и группой помещений, с монументальным входным порталом-пештаком по главному фасаду, которая господствует с XI по XX в. в светской и культовой архитектуре. Фактор другой — в приверженности к локальным архитектурно-композиционным решениям. Он предстает, например, в типологии средневековых мавзолеев: в Мавераннахре и Восточном Хорасане преобладает квадратно-купольный мавзолей центрического или порталного типа, тогда как в прикаспийских районах — Хорезме, Гургане, Мазандеране, Азербайджане — возводятся шатровые мавзолеи, нередко башенного типа с квадратным, круглым, октогональным планом. Но особенно ярко локальные тенденции проявляются (вплоть до наших дней) в архитектуре народного жилища. В Средней Азии, например, преобладают варианты домов с плоской кровлей, легким колонным навесом, полуоткрытыми или замкнутыми дворами; в Афганском и Иранском Хорасане дом — это комбинация (порой причудливая) сводчато-купольных помещений; в жилых домах Центрального и Южного Ирана господствуют «кубические» объемные формы. Причем в пределах общей типологии есть масса вариантов. Исследователями среднеазиатской жилой архитектуры выявлены специфические черты

народного жилища Хивы, Бухары, Ферганы и ряда других районов, в каждом из которых — свои особенности планировочных и объемно-пространственных решений, разработки деталей и декора.

Архитектура Ирана и Средней Азии развивалась в постоянном диалектическом единстве этих двух тенденций: слияния разных архитектурных направлений в русле единого стиля и вместе с тем, что очень важно, сохранения локальной специфики его ответвлений, концентрацией которых явилось сложение ряда особых архитектурных школ, в том числе в Средней Азии.

Процесс эволюции этой архитектуры определялся, с одной стороны, становлением и закреплением выверенных практикой архитектурных типов, приемов и форм, — их видоизменением и формированием на этой основе совершенно новых творческих направлений.

Лидирующая же роль в творческом зачатке принадлежала, в зависимости от общен исторической ситуации, то одной, то другой стороне: при этом стрелки влияния смещались то с запада на восток, то с востока на запад, а иногда достигалось некое взаимное равновесие. Но именно эпохи активного взаимообмена идей, освоения и творческого преломления композиционных систем, приемов и форм на базе местных архитектурных направлений и школ были ознаменованы наивысшими достижениями. Таким явилось зодчество поры кульминации древневосточной культуры в государстве Ахеменидов VI—IV вв. до н. э., времени расцвета азиатской античности III в. до н. э. — III в. н. э., эпохи подъема раннефеодальной культуры VI—VII вв. и двух различных по своему содержанию этапов развития средневековой городской культуры — X—XII и XIV—XV вв.

Г. П. Пугаченкова

ЎРТА ОСИЕ ВА ЭРОН АРХИТЕКТУРАСИНИНГ ЎЗАРО АЛОҚАСИ ҲАМДА БИР-БИРИГА ТАЪСИРИ

Мақолада Ўрта Осие ва Эрон меъморчилиги ажойиб ёдгорликларининг конкрет мисолида бу ўлкалар халқлари архитектурасининг тарихий ўзаро алоқаси, қурилиш санъати ривожиди бир-бирига кўрсатган таъсири очиб берилди.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ТЕКСТИЛЬНОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ

XXIV съезд КПСС, исходя из коренной задачи неуклонного повышения материального благосостояния советского народа, предусмотрел, в частности, значительное расширение производства текстильных изделий и в этих целях дальнейшее развитие текстильной промышленности, что предполагает прежде всего рост технической оснащенности предприятий данной отрасли.

В парке оборудования текстильной промышленности за последние годы произошли существенные изменения. Только по Министерству легкой промышленности УзССР доля прядильных машин, проработавших менее 10 лет, увеличилась с 31% на начало 1965 г. до 41% на начало 1970 г., а по ткацким станкам — соответственно с 20 до 35%. Однако в целом парк действующего оборудования еще не отвечает современным требованиям. Отсюда вытекает необходимость дальнейшего развития текстильного машиностроения, призванного обеспечить новейшей техникой все звенья текстильного производства.

Ныне предприятия по производству машин для хлопкоочистительной и текстильной промышленности в Средней Азии расположены в основном в Узбекистане, а одно из них находится в Таджикистане, где в основном производятся ткацкие станки для выработки льняных, камвольных и шерстяных тканей. Эти предприятия удовлетворяют лишь незначительную долю потребностей текстильной промышленности Средней Азии в оборудовании. Текстильное машиностроение в Средней Азии нуждается в техническом перевооружении, дальнейшем расширении производственных мощностей, специализации и рациональном размещении предприятий. Только на этой основе может быть обеспечен неуклонный технический прогресс в хлопкоочистительной и текстильной промышленности.

Так, промышленность по первичной обработке хлопка должна оснащаться оборудованием для механизированной приемки и складирования хлопка-сырца производительностью до 35 т в час (ныне имеющееся оборудование обеспечивает 20—25 т в час); оборудованием для сушки сырца с влагоотбором до 10% (против действующего 5—6%); оборудованием для очистки хлопка-сырца и волокна с очистительным эффектом 65—68%; оборудованием для джинирования и линтерования, позволяющим повысить производительность труда на 20%.

На хлопкоочистительных заводах производится двукратное линтерование, при котором потери лinta составляют около 18%. Надо внедрить тройной последовательный сьем его, что позволит снизить потери до 2% и обеспечить химическую промышленность линтом хорошего качества. Для этого необходимо заменить значительное количество линтеров, внедрить семяочистители и линтоочистку с высокой очистительной эффективностью. Учитывая повышенную засоренность и влажность сырца машинного сбора, существующую на хлопкоочистительных заводах систему машин следует дополнить оборудованием, которое улучшит очистку и подсушку волокна в непрерывном технологическом процессе.

Дальнейший технический прогресс в хлопкоочистительной промышленности предъявляет высокие требования к конструкторам и машиностроителям. Они должны обеспечивать предприятия хлопковой промышленности современным высокопроизводительным специализированным оборудованием.

Намечаемые мероприятия по реконструкции действующих предприятий и строительство нового завода в Таджикистане по производству технологического оборудования для хлопкоочистительной промышленности позволят значительно увеличить производственные мощности текстильного машиностроения. Однако прирост этих мощностей удовлетворит потребности в оборудовании всего на 50—60%. Это может привести к диспропорции между намеченными темпами развития хлопковой промышленности и ростом производства оборудования для нее.

Средняя Азия — основной производитель шелка-сырца в Союзе. Отсюда понятна значимость технического оснащения шелковой промышленности района. Для полной переработки коконов тутового шелкопряда назрела необходимость внедрить в промышленность высокопроизводительные кокономотальные автоматы с комплекующими машинами, усилить работы по автоматизации обработки коконов, внедрению поточных линий по снятию сырца и калибровке. Внедрение поточных линий обеспечит сокращение трудоемких операций, улучшение условий труда и повышение его производительности.

Несмотря на высокий удельный вес производства натурального шелка в районе, производство машин для его обработки здесь отсутствует. Заводы же, выпускающие автоматы для первичной обработки шелка, находятся в Москве и Чебоксарах, причем они специализированы на выпуске другой продукции. Остальное оборудование для производства шелка изготавливается на разных машиностроительных предприятиях далеко за пределами Средней Азии.

В таком же положении находятся и предприятия по первичной обработке джута и кенафа. Основное технологическое оборудование для них Узбекистан получает с орловского завода «Текмаш», который специализирован на выпуске оборудования для предприятий пенько-джутовой промышленности страны.

Поскольку некоторые машины, используемые на джудо-кепафных заводах, конструктивно однородны с машинами, предназначенными для предприятий хлопковой промышленности (транспорт для мокрой тресты, для укладки сырья в скирды, циклоны и др.), целесообразно создать в Узбекистане специализированный ремонтно-механический завод, производящий запасные части, детали и узлы для этих машин.

В Средней Азии быстрыми темпами развивается ведущая отрасль текстильной промышленности — хлопчатобумажная. Дальнейшее развитие ее связано с универсализацией машин, внедрением высокопроизводительной техники, автоматизацией, совершенствованием технологии.

В хлопкопрядильном производстве предстоит создать и внедрить чесальные машины производительностью до 40 кг в час, с автосъемом тазов и пневмоудалением угаров, ленточные высокоскоростные машины с большими поковками, ровничные машины с поковками от 2 до 2,5 кг.

Специализированным оборудованием текстильную промышленность обеспечивают машиностроительные предприятия, в основном находящиеся за пределами Средней Азии. В Среднеазиатском же экономическом районе есть три завода текстильного машиностроения — «Таштекстильмаш», который производит ровничные, прядильные и крутильные машины; «Таджиктекстильмаш», изготавливающий ткацкие станки и мотальные машины; «Кокандтекстильмаш», в порядке кооперации обрабатывающий детали ряда наименований для завода «Таштекстильмаш», получая от него необходимые заготовки.

«Таштекстильмаш» — одно из крупных машиностроительных предприятий страны. Удельный вес его продукции в общесоюзном производстве текстильных машин составляет: ровничных машин — 95%, крутильных — 35, прядильных — 18%. Машины с маркой этого завода хорошо известны как в нашей стране, так и за рубежом.

Однако завод удовлетворяет потребности текстильной промышленности страны в прядильных машинах лишь на 30%. К тому же спрос на них с каждым годом растет, следовательно, необходимо увеличить производственную мощность завода. Для этого надо провести соответствующую реконструкцию с дальнейшей специализацией предприятия на производстве текстильных машин типа ПК-100 и ППМ-125 и ровничных машин с большей поковкой для хлопчатобумажной и шелковой промышленности, которые позволят повысить производительность труда в 1,5—2 раза.

Парк автоматических ткацких станков следует довести до 100% за счет внедрения ткацких станков-автоматов принципиально новых конструкций, которые позволят заменить не только имеющиеся механические, но и старые автоматические челночные ткацкие станки.

Удельный вес завода «Таджиктекстильмаш» в общесоюзном производстве ткацких станков — 3,5%. Анализ предметной специализации на заводе показывает, что здесь допускаются большие нарушения. Например, в программу завода на 1970 г. был включен серийный выпуск 15 типов ткацких станков и 3 видов мотальных машин. Таким образом, при сравнительно узкой предметной специализации заводу планируется довольно широкая номенклатура по типам текстильных машин. Это ведет к частым переналадкам оборудования и большим потерям рабочего времени.

Завод «Таджиктекстильмаш» намечает передать производство автоматических ткацких станков Климовскому заводу. По нашему мнению, это нецелесообразно, ибо «Таджиктекстильмаш» за 10 лет своего существования накопил большой опыт в их изготовлении.

Ускоренное развитие текстильного машиностроения в Средней Азии — необходимое условие создания прочной технической базы для перспективного роста текстильной и легкой промышленности района.

Весьма важное значение имеет также рациональное размещение текстильного машиностроения в целях приближения продукции к потребителю, значительного сокращения транспортных расходов, эффективного использования имеющихся ресурсов. Приближение текстильного машиностроения к потребителям его продукции позволяет проводить широкие испытания машин в условиях производственной эксплуатации, что способствует их конструктивному совершенствованию, а также отработке технологического процесса их изготовления и эксплуатации.

При размещении текстильного машиностроения следует учесть и фактор малотранспортности продукции этой отрасли. Поэтому надо максимально приблизить текстильное машиностроение к районам текстильного производства в интересах дальнейшего развития этой важной отрасли народного хозяйства Узбекистана и других республик Средней Азии.

М. М. Магруппов

ИЗ ИСТОРИИ РУКОВОДСТВА ЦК ВКП(б) АТЕИСТИЧЕСКОЙ РАБОТОЙ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ПАРТОРГАНИЗАЦИЙ

В годы социалистического строительства в идеологической деятельности Коммунистической партии центральное место занимали вопросы марксистско-ленинской закалки кадров, повышение их теоретического, политического и культурного уровня.

Усиление идейно-политической работы партии в условиях перехода к социализму объективно обуславливалось ее руководящим положением в рабоче-крестьянском государстве, сила которого непосредственно измеряется ясностью политических взглядов и убеждений народных масс. Подчеркивая эту особенность социалистического государства, В. И. Ленин указывал, что «оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»¹. От степени сознательности масс и прежде всего боевого авангарда рабочего класса зависело успешное решение задач социалистического строительства.

Направляя идеологическую деятельность местных партийных организаций, ЦК ВКП(б) уделял большое внимание усилению естественно-научной атеистической пропаганды. В. И. Ленин и руководимая им Коммунистическая партия еще задолго до победы революции четко определили отношение пролетарского авангарда к религии, разработали формы и методы формирования материалистического мировоззрения у трудящихся. В. И. Ленин, глубоко вскрывая исторические и социальные корни религии, ставил необходимость последовательной борьбы с нею в непосредственную связь с развитием классового движения пролетариата за свержение господства капитала. «Марксист,— говорил В. И. Ленин,— должен быть материалистом, т. е. врагом религии, но материалистом диалектическим, т. е. ставящим дело борьбы с религией не абстрактно, не на почве отвлеченной, чисто теоретической, всегда себе равной пропаганды, а конкретно, на почву классовую борьбу, идущей на деле и воспитывающей массы больше всего и лучше всего»².

Завоевание пролетариатом политической власти, глубокие экономические и культурные преобразования в стране создали необходимые условия для усиления атеистического воспитания трудящихся, постепенного отмирания религии.

В Средней Азии определенные результаты в воспитании коммунистов, всех трудящихся в духе материалистического миропонимания были достигнуты уже в период восстановления народного хозяйства. При этом большевики Средней Азии исходили из ленинского указания о том, что «было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, думать, что многомиллионные народные (особенно крестьянские и ремесленные) массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения. Этим массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами...»³

В условиях Средней Азии тех лет, когда верующие иногда составляли половину членов некоторых местных парторганизаций, требовалась особая, тщательно продуманная постановка антирелигиозной пропаганды. ЦК ВКП(б) рекомендовал проводить антирелигиозную пропаганду среди коммунистов местных национальностей с большой осторожностью, главным образом силами национального актива, в форме культурно-воспитательных, политико-просветительных мероприятий. К ним предъявлялись, например, такие требования, как посылать своих детей не в религиозную школу, а в советскую, пользоваться услугами не шарлатанских судей, а народных и т. д.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 21.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 421.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 26.

Планомерное атеистическое воспитание трудящихся, последовательное наступление на религиозную идеологию в партийных организациях Средней Азии развертываются в годы социалистической реконструкции. Успехи хозяйственного строительства привели к улучшению материального положения трудящихся, обусловили рост их общественной активности, усилили изоляцию эксплуататорских элементов. Все это создавало благоприятные условия для усиления атеистической работы в массах.

В развертывании атеистической пропаганды важную роль сыграли решения партийного совещания, созванного ЦК ВКП(б) 27—30 апреля 1926 г.⁴ В них с марксистско-ленинских позиций вскрывалась реакционная сущность религии, намечались эффективные формы и средства воспитания трудящихся в духе научного атеизма.

Решения совещания, одобренные ЦК ВКП(б), широко обсуждались в партийных организациях Средней Азии. В начале 1927 г. вопросы улучшения антирелигиозной пропаганды рассматривались XII Пленумом Средазбюро, пленумами ЦК Компартии Туркмении и Узбекистана, а также Киргизского обкома, Ферганской окружной конференции, многими городскими и районными комитетами партии⁵. В принятых резолюциях намечались широкие политико-просветительные мероприятия, планы подготовки кадров атеистов, создавались комиссии по проведению массовых антирелигиозных кампаний.

Состоявшийся 28—30 мая 1927 г. XIII Пленум Средазбюро разработал меры по совершенствованию форм и содержания атеистической работы, мобилизации всех партийных организаций на борьбу с религиозной идеологией⁶.

Исходя из указаний ЦК ВКП(б) и Средазбюро, каждая партийная организация определила свою программу атеистической работы с учетом местных условий. 25 июня 1927 г. Секретариат ЦК КП(б) Туркмении специальной резолюцией создал особую комиссию для руководства антирелигиозной работой в республике⁷. Аналогичные комиссии по решению состоявшегося в сентябре 1927 г. объединенного Пленума ЦК и ЦКК КП(б) Туркмении были организованы при всех окружках, которые совместно с Оргбюро Союза безбожников создавали семинары, кружки, ячейки для ведения антирелигиозной пропаганды среди населения⁸.

Состояние и задачи атеистического воспитания трудящихся всесторонне обсуждались на республиканском совещании, созванном ЦК КП(б) Узбекистана 25—26 ноября 1927 г.⁹ Совещание отметило, что успехи политики партии в области земельно-водной реформы, ликвидации басмачества, укрепление Советов на местах, заметные сдвиги в раскрепощении женщин, повышение материального и культурного благосостояния трудящихся создали благоприятные условия для борьбы с религиозной идеологией.

Совещание приняло ряд резолюций, направленных на активизацию атеистической работы партийных организаций, культурно-просветительных и других идеологических учреждений. Было отмечено, что в условиях наступления социализма во всех сферах, когда подавляющее большинство коммунистов, ликвидировав свою азбучную и политическую неграмотность, избавилось от религиозных предрассудков, необходимо принимать более строгие меры в отношении коммунистов, особенно ответственных работников, совершающих религиозные обряды. Эти меры должны сопровождаться одновременным усилением воспитательной работы.

Атеистическое воспитание в партийных организациях шло по линии партийного и комсомольского просвещения, культурно-просветительных учреждений, печати, радио и других идеологических каналов. В эту работу активно вовлекались литературные и научные силы республик Средней Азии. В учебных планах школ, вузов, партийных учебных заведений отводилось большое место преподаванию естествознания. Решением Средазбюро от 23 июня 1928 г. естественные науки были включены в программы всех курсов и школ партийного актива¹⁰. В партийных комитетах в соответствии с решением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 18 января 1929 г. были выделены специальные инструкторы по антирелигиозной работе¹¹, которые на основе обобщения опыта атеистической пропаганды вырабатывали необходимые практические рекомендации.

В борьбе против влияния религии деятельное участие принимали активисты Союза безбожников, число членов которого только в Узбекистане к 1928 г. достигло 14 тыс.¹² Широкою атеистическую пропаганду вели газеты «Хакикат» («Правда»),

⁴ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 62, оп. 1, д. 1267, л. 1—9.

⁵ См. «Резолюции и постановления XII пленума Средазбюро ЦК ВКП(б)», Ташкент, 1927.

⁶ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 24, д. 4, л. 18; ф. 62, оп. 1, д. 926, л. 55.

⁷ Там же, ф. 62, оп. 1, д. 1456, л. 41.

⁸ Там же, д. 1356, л. 278.

⁹ Там же, д. 1667, л. 42.

¹⁰ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 67, д. 477, л. 73.

¹¹ Там же, ф. 62, оп. 1, д. 3580, л. 24.

¹² Там же, ф. 17, оп. 69, д. 554, л. 18.

«Безбожник» и другие периодические издания, выходявшие на русском, узбекском и других языках¹³.

Объединенные усилия партийных организаций, научной и культурной общественности по атеистическому воспитанию трудящихся приносили положительные результаты, что было отмечено в решении ряда партийных форумов. Так, IV съезд КП(б) Уз в своей резолюции записал: «Закрепить и развить значительные успехи, достигнутые в деле освобождения масс от реакционного влияния религии»¹⁴.

В совершенствовании форм и методов атеистического воспитания трудящихся важную роль сыграли постановления ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. «О мерах по усилению антирелигиозной работы»¹⁵ и VI Пленума ЦК КП(б) Уз «Об антирелигиозной пропаганде» (ноябрь 1929 г.)¹⁶, в которых на основе обобщения накопленного опыта были определены очередные задачи местных партийных организаций.

Серьезной помощью местным партийным организациям явилась специальная инструкция, разработанная антирелигиозной комиссией агитпропа Средазбюро. В ней рекомендовались такие формы массовой работы, как проведение докладов, киносеансов, «вечеров чудес» с химическими опытами, распространение антирелигиозной литературы, подписка на газету «Безбожник», организация уголков атеиста и др.¹⁷ Вместе с тем инструкция предостерегала партийные организации от прядмены углубленной пропаганды, метода идеологической борьбы с религией голым администрированием, оскорблением верующих трудящихся. Инструкция рекомендовала шире вовлекать в антирелигиозную работу активных членов ВЛКСМ, профсоюзов, пропагандистов.

Целенаправленная идеологическая деятельность партийных организаций, общие успехи хозяйственного и культурного строительства обеспечили перевоспитание трудящихся в духе подлинно научного, материалистического мировоззрения, что способствовало росту трудовой и общественно-политической активности масс в борьбе за победу социализма.

С. Назаров

¹³ Там же, ф. 17, оп. 60, д. 369, л. 29.

¹⁴ См. «Резолюции и решения съездов Коммунистической партии Узбекистана», Ташкент, 1957, стр. 93.

¹⁵ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 62, оп. 1, д. 3390, л. 16.

¹⁶ Там же, д. 2268, л. 75.

¹⁷ Там же, д. 1267, л. 33.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АГИТПОЕЗДА «КРАСНЫЙ ВОСТОК» В САМАРКАНДЕ (1920—1921)

В пропаганде марксизма-ленинизма, идей Великого Октября, распространении первых исторических документов Советской власти среди трудящихся масс, сплочении их вокруг Коммунистической партии большую роль сыграли агитпоезда им. В. И. Ленина, «Октябрьская революция», «Красный казак», «Памяти Я. М. Свердлова», «Советский Кавказ», «Красный Север», «Красное Знамя», «Красный Восток», агитпароходы «Красная звезда», «Михаил Калинин», «Володарский». Созданные по указанию В. И. Ленина «для установления связи с местами, для агитации и пропаганды, информации, снабжения литературой и инструкторов»¹, эти агитпоезда и агитпароходы были оборудованы книжными складами, магазинами, кинематографами, радиостанциями, походными типографиями, выпускавшими газеты, плакаты, листовки. Они красочно оформлялись картинами, лозунгами, портретами руководителей партии и правительства.

Как отмечается в одном из документов, «целью агитпоезда явилось установление живой связи между высшими учреждениями РСФСР и центральными организациями, с одной стороны, с местными органами власти и партией и самыми широкими массами, с другой»². М. И. Калинин говорил, что эти поезда «сближали с нами местное население»³.

Коллективы агитпоездов и агитпароходов ВЦИК проводили массовые митинги, собрания, конференции, совещания, содействовали улучшению работы местного партийного и советского аппарата. Работники политотделов этих агитколлективов читали лекции, доклады, демонстрировали кинофильмы и т. д. Они побывали в самых различных районах страны. Например, агитпоезд «Октябрьская революция» совершил 6 рейсов по центральному району страны; агитпоезд им. В. И. Ленина побывал в Литве, на Украине и на востоке страны до Омска; агитпароход «Красная звезда» курсировал по Волге и Каме и т. д.

В Советском Туркестане дважды побывал коллектив агитпоезда «Красный Восток». Он был организован согласно решению Президиума ВЦИК в декабре 1919—

¹ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 36, д. 14, л. 2.

² Там же, ф. 4374, оп. 1, д. 42, л. 1—2.

³ Агитпоезда ВЦИК, М., 1920, стр. 21.

январе 1920 г. Коллектив агитпоезда составляли 158 человек, в том числе 29 работников политотдела. Это был слажанный, дружный, работоспособный отряд агитаторов, инструкторов, организаторов, умевших сочетать самые различные формы политико-воспитательной и организационно-инструкторской работы.

В Ташкент агитпоезд «Красный Восток» прибыл 13 марта 1920 г. По пути следования коллектив его провел большую организационно-политическую и агитационно-массовую работу на станциях Самара, Оренбург, Челябин, Аральское море, Казань, Камышли-Баш, Джусалы, Чинли, Туркестан, Арысь⁴.

В Самарканд агитпоезд «Красный Восток» впервые прибыл в апреле 1920 г. Он был торжественно встречен руководителями партийно-советского аппарата и предпринятых, представителями трудящихся города⁵. Агитпоезд стоял на станции Самарканд с 14 по 22 апреля 1920 г. За это время коллектив его провел 17 митингов и 14 собраний, в которых приняли участие более 20 тыс. человек, а также 16 киносеансов с охватом 10,4 тыс. зрителей. Среди населения было распространено 12 711 книг и брошюр, 5600 экз. газет.

Руководители агитпоезда приняли активное участие в работе первой уездно-городской партийной конференции РКП(б), состоявшейся 17—20 апреля 1920 г. Политотдел агитпоезда провел инструктивное совещание ответственных работников, организовал трехдневный курс обучения партийно-советского актива⁶.

Было проведено обследование ряда учреждений и предприятий. В частности, при ознакомлении с работой земельных органов были обнаружены факты извращения аграрной политики Советской власти (разбазаривание земель, самотек в развитии сельского хозяйства и др.).

Политработники агитпоезда проявляли большое внимание к нуждам и запросам трудящихся. Так, с 15 по 30 апреля 1920 г. в адрес бюро жалоб и заявлений агитпоезда поступили 394 жалобы и 150 заявлений от жителей Самарканда, Джизака, Каттакурганга. Они были оперативно рассмотрены, и справедливые претензии граждан были удовлетворены. Одновременно трудящимся разъяснялись их законные права, предоставленные и гарантированные Советской властью.

Плодотворную работу проделал коллектив агитпоезда «Красный Восток» во время второго пребывания в Самарканде, в январе 1921 г. На этот раз он стоял на ст. Самарканд с 16 по 21 января, в Каттакургане — с 22 по 29 января с выездом 24—25 января в Джизак. Остановки делались и на маленьких станциях, где также велась агитационно-пропагандистская работа.

В органе политотдела агитпоезда — газете «Красный Восток» 29 января 1921 г. была напечатана передовая «Ближайшие задачи Советской власти в Самаркандской области». Среди этих задач, в частности, отмечались «организация производственных работ, обеспечение дехкан землей, семенами и сельхозорудиями, обеспечение посевов хлопка и хлебных злаков, организация посевокомов, поддержка кустарной промышленности, фруктового хозяйства, исправление ирригационной системы, улучшение культурно-просветительской работы, социального обеспечения, организация пролетарских судов и т. д.»⁷ В статье указывалось, что успешное решение этих задач требует подъема производительности труда и трудовой дисциплины.

Политотдел агитпоезда «Красный Восток» оказал большую помощь Самаркандскому обкому КПТ. В целях улучшения партийной работы было рекомендовано:

- 1) немедленно приступить к реорганизации всех отделов обкома с таким расчетом, чтобы три члена исполбюро исполняли обязанности заведующих отделами;
- 2) взять на учет ответственных товарищей, которые умеют выступать на митингах, собраниях и читать лекции;
- 3) без визы обкома ни один ответственный советский или партийный работник Самарканда не должен выезжать на места;
- 4) предложить всем горкомам немедленно приступить к организации партийных фракций при профсоюзках;
- 5) перевести в кратчайшие сроки уездно-городские комитеты партии в старые части городов. При наличии технических средств провести это предложение в жизнь немедленно;
- 6) циркулярным письмом обратиться ко всем угоркомам о необходимости укрепления ответственных работников к партакциям;
- 7) развернуть коммунистическое просвещение среди членов партии, используя для этого общие собрания ячеек, изучение Программы партии;
- 8) в двухдневный срок пополнить состав слушателей областной партийной школы;
- 9) принять программы партшколы к исполнению и проводить занятия по программному плану;

⁴ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 122, оп. 2, д. 280, л. 68.

⁵ См. газ. «Ленин йули», 13 апреля 1961 г.

⁶ Р. Каримов. Революция жарчиси, Фан ва турмуш, № 2, стр. 3.

⁷ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 122, оп. 2, д. 208, л. 67.

10) проверить деятельность учетно-распределительного отдела, правильность использования всех работников области;

11) принять два циркулярных письма, прилагаемых к рекомендациям⁸.

В таком же плане были разработаны рекомендации для Самаркандского угоркома КПТ, также состоявшие из 11 пунктов. Эти документы сыграли большую роль в улучшении всей партийной работы в Самарканде и области.

Сотрудники политотдела агитпоезда «Красный Восток» ознакомились с состоянием сети партпросвещения, изучили работу партийных школ, оказали практическую помощь местным партийным работникам в подготовке марксистских кадров. Действовавшая в Самарканде областная партийная школа была рассчитана тогда на 80 слушателей, в том числе 50 — из местных национальностей. При активном участии инструкторов агитпоезда для нее была разработана 72-часовая учебная программа и приняты меры к улучшению всей деятельности партшколы⁹.

В статье «Самарканд в апреле 1920 г. и в январе 1921 г.», опубликованной в газете «Красный Восток» 29 января 1921 г., были подведены основные итоги работы политотдела агитпоезда в Самаркандской области. При этом отмечалось, что благодаря усилиям политотдела в деятельности местных организаций произошли положительные сдвиги, улучшился качественный состав работников партийных и советских органов.

За одну неделю, с 15 по 21 января 1921 г., политотдел агитпоезда организовал в Самарканде и области 32 собрания, 16 лекций с охватом свыше 32 тыс. человек, а также 21 киносеанс, где присутствовало 12 900 зрителей. Было распространено более 22 тыс. экз. книг, брошюр, плакатов, лозунгов и 8600 экз. газет. Сотрудники агитпоезда рассмотрели 456 жалоб и заявлений трудящихся Самарканда, Каттакургана и Джизака и приняли меры к удовлетворению их законных интересов.

Политотдел агитпоезда «Красный Восток» проделал большую работу среди женщин и молодежи местных национальностей. В январе 1920 г. было созвано специальное совещание коллектива агитпоезда, на котором рассматривался вопрос об организации работы среди женщин Туркестана.

Многогранная организационно-политическая и агитационно-массовая работа коллектива агитпоезда «Красный Восток» способствовала укреплению местных партийно-советских органов, совершенствованию их деятельности, повышению политической сознательности и творческой активности трудящихся всех национальностей, тесному сплочению их вокруг Коммунистической партии и Советской власти.

Р. К. Каримов

⁸ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 122, оп. 2, д. 280.

⁹ Там же, оп. 1, д. 44, л. 34.

ПРОПАГАНДА ИДЕЙ ПРОЛЕТАРСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕЧАТЬЮ ТУРКЕСТАНА В 1905—1907 ГОДАХ

Первая русская революция 1905—1907 гг. вошла важной вехой в историю становления и развития пролетарского интернационализма в Туркестане, как и во всей стране. Она раскрыла трудовым массам силу и значение пролетарской солидарности, оказала большое влияние на развитие дружбы русского, узбекского и других народов.

Руководствуясь ленинскими указаниями, большевики вели упорную борьбу с попытками царизма, эксплуататоров всех мастей раздуть национальную рознь, помешать сплочению трудящихся различных национальностей в борьбе против общего врага.

В распространении идей пролетарского интернационализма, борьбе против великодержавного шовинизма и буржуазного национализма большевики широко использовали революционную печать, пропагандировавшую «единство пролетариата всех национальностей, обитающих в России»¹.

Интернациональная платформа большевиков ярко проявилась, например, в позиции, занятой ими в связи с инспирированным царизмом обострением межнациональных отношений в Закавказье. Как и большевики всей страны, революционные социал-демократы Туркестана беспощадно обличали подстрекателей национальной розни. 1 марта 1905 г. в газете «Русский Туркестан» была напечатана большая статья «Что такое наш обыватель?», направленная против межнациональной вражды. 2 марта в той же газете была помещена информация об успехах русских рабочих положить конец национальным эксцессам в Закавказье.

20 сентября того же года несколько статей («Баку горит», «Темная полоса», «Тифлис»), разоблачающих провокации царизма на Кавказе, опубликовал подпольный орган Ташкентской группы РСДРП — газета «Рабочий».

Ряд политически заостренных материалов, вскрывавших спровоцированность закавказских событий, был напечатан в газете «Русский Туркестан» в июне-июле 1906 г.

¹ Газ. «Солдатский листок «Правда», № 3—4. Цит. по кн. «История коммунистических организаций Средней Азии», Ташкент, 1967, стр. 76.

В одном из них, в частности, справедливо указывалось, что «разорению армянских и мусульманских городов и деревень радуются Победоносцевы... и Треповы...» Газета давала резкий отпор и поджигательским выступлениям черносотенной «Среднеазиатской жизни»².

В пропаганде идей пролетарского интернационализма местные большевики использовали как нелегальную, так и легальную печать. Так, в нескольких номерах газеты «Русский Туркестан» была опубликована большая статья «Роль национализма и религий в современной общечеловеческой жизни»³. В статье говорилось о наступлении новой «эры интеграции», выражающейся «в постепенном, материальном и духовном объединении разрозненных до сего времени народов»⁴, т. е. того процесса, который В. И. Ленин охарактеризовал как одну из двух исторических тенденций развивающегося капитализма в национальном вопросе.

Рассматривая национализм как часть «тех основ, на которых зиждется здание буржуазно-капиталистического строя», позволяющую «держат в своих руках народные массы, перестающие быть послушным покорным стадом»⁵, газета подчеркивала его тесную связь с религией. «Национализм [всегда] поддерживал религию, религия подогревала чувство национализма; вместе же взятые, они являли собой то моральное наркотическое средство, которым издревле так часто, так неумеренно и зачастую так недобросовестно пользовались правительства большинства народов для достижения целей обострения международного антагонизма»⁶. В этой связи автор касается истории и этической стороны религий, в частности христианства и ислама⁷.

Статья проникнута уверенностью, что такие факторы, как религия и национализм, не смогут помешать неуклонному «росту быстро крепнущих уз общечеловеческой семьи народов»⁸.

Превратившись по существу в легальные органы большевистских организаций, газеты «Русский Туркестан» и «Самарканд» давали самую решительную отповедь колониаторской политике царизма и ее апологетам из официальной прессы. Так, отвечая на опубликованную в «Туркестанских ведомостях» статью «Наши задачи в Туркестанском крае», «Русский Туркестан» без обиняков заявляет, что суть этих задач — «всяческое угнетение местного туземного населения»⁹.

Руководимые большевиками газеты систематически выступали в защиту коренного населения от произвола царских властей. Например, 19 июля 1906 г. газета «Самарканд» с возмущением писала о «безобразной сцене избияния ни в чем неповинного сарта» полицейскими. Немногом ранее в газете было помещено письмо русского жителя из сел. Заамин Джизакского уезда, в котором выражался протест против произвола местной администрации. «Туземцам нет покоя и отдыха... Да, крайне тяжело смотреть на население, которое... даже не осмеливается просить защиты начальства, думая, что его же и обвинят»¹⁰.

Указанные газеты решительно выступали против конфискации земель у кочевого и оседлого населения, публиковали различные материалы о тяжелом положении «инородцев». Например, в заметке «Ужасы жизни» газета «Самарканд» подчеркивала: «Положение инородцев у нас вообще ужасное. Россия не была им матерью, а холодной и часто грубо-несправедливую мачехой. Участь же инородцев на далеких окраинах России особенно плачевна»¹¹.

«Русский Туркестан» и «Самарканд» ратовали за благоустройство «туземных» частей городов, организацию лечебниц и школ для коренного населения и т. д. Большую роль в пропаганде идей интернациональной солидарности трудящихся в Средней Азии сыграла большевистская газета «Урал», выходившая в 1907 г. в Оренбурге под непосредственным руководством Уральского комитета РСДРП. Ее редактором был Хусеин Ямашев, о котором ленинская газета «Пролетарий» писала: «Основательный социал-демократ ортодоксального толка, без малейшей примеси национализма»¹².

Газета «Урал» печаталась на татарском языке (а некоторые статьи и на казахском), а потому находила немало читателей среди коренного населения Степного края и Туркестана¹³. Она решительно отстаивала интересы рабочего класса, вела непримиримую борьбу против буржуазного национализма. В частности, «Урал» беспо-

² Русский Туркестан, 28 июня 1906 г.

³ Солдатский листок «Правда», № 3—4. Цит. по кн. «История коммунистических организаций Средней Азии», стр. 76.

⁴ Русский Туркестан, 9, 10, 14 февраля 1906 г.

⁵ Русский Туркестан, 14 февраля 1906 г.

⁶ Русский Туркестан, 9 февраля 1906 г.

⁷ Русский Туркестан, 10 февраля 1906 г.

⁸ Там же.

⁹ Русский Туркестан, 15 декабря 1905 г.

¹⁰ Газ. «Самарканд», 27 июня 1906 г.

¹¹ Там же.

¹² Цит. по кн. «История коммунистических организаций Средней Азии», стр. 76.

¹³ См. там же, стр. 77.

шадно разоблачал антинародную, контрреволюционную сущность «Всероссийского союза мусульман» — политической партии национальной буржуазии колоннальных окраин. «Каждому известно,— писала газета 18 марта 1907 г.,— что мусульманские представители, как в прошлой Думе (первой), так и в настоящей (второй) организовали «мусульманскую фракцию», которая все время работает заодно с кадетами»¹⁴.

«Урал» разъяснял читателям, что «российские мусульмане точно так же, как и все другие народы мира... распадаются на классы. У мусульман так же, как и у других наций, имеются, с одной стороны, помещики и капиталисты, с другой — крестьянство и продающие свой труд рабочие. Люди с одинаковыми экономическими интересами составляют один класс. Интересы рабочего, продающего свой труд, противоположны интересам его хозяина, покупающего его труд»¹⁵.

Газета давала должную оценку и «заботам» либеральной буржуазии о развитии культуры. В статье «Еще раз о национальностях» указывалось, что реформаторов совершенно не интересует состояние культуры рабочих и крестьян, они проявляют «заботу лишь о культуре феодально-буржуазной аристократии, составляющей ничтожное меньшинство нации»¹⁶.

«Урал» неустанно подчеркивал, что русские и местные эксплуататоры выступают против трудящихся единым фронтом. Поэтому трудовым массам всех национальностей «лучше объединиться под Красное знамя рабочей партии. Только под руководством рабочей партии, вступив в профсоюзы, мы добьемся своего освобождения. Поэтому мы заявляем: «Да здравствует рабочая партия!», «Да здравствует единство рабочего класса!»¹⁷

Редакция «Урала» вела также работу по изданию и распространению революционной литературы на татарском языке. На страницах газеты впервые были опубликованы на татарском языке работы В. И. Ленина. Ее читатели смогли познакомиться и с гимном международного пролетариата — «Интернационалом»¹⁸.

Интернационалистские настроения все сильнее охватывали и передовую часть национальной интеллигенции, ее революционно-демократические элементы. Это ярко отразилось на примере газеты «Таракки». Неслучайно газета «Самарканд», сообщая 1 августа 1906 г. о ведущейся в «туземной» части Ташкента усиленной агитации против газеты «Таракки» и ее редактора Габитова, писала, что «продажные казны и высасывающие из населения последние соки богачи злобно зашипели по адресу новой газеты, выходящей на свет божий их дел».

«Таракки» опубликовала немало материалов, направленных как против колоннального гнета, так и против местных эксплуататоров — баев, реакционного духовенства и др.

Газета «Таракки» пропагандировала и прямо интернационалистские идеи. Так, в передовой от 14 июня 1906 г. она резко протестовала против еврейского погрома в Казани и инспирированной царизмом межнациональной розни в Закавказье, призывая местную общественность решительно выступить против этих провокаций¹⁹. Газета подчеркивала, что дело свободы во многом зависит от «соединения всех народностей»²⁰.

Мысль о необходимости объединения всех борцов за свободу, независимо от их национальности, мы находим во многих материалах газеты²¹. Особенно показательна в этом отношении передовая газеты «Таракки» № 17 за 1906 г., где, в частности, говорится, что царские власти в угоду интересам эксплуататорской верхушки стремятся раздвинуть народы, «распространять вражду между национальностями». Автор призывает угнетенных всех национальностей братьями и призывает к единству в борьбе за общее дело²². Далее он писал: «...Кровь народа кипит... и он поднимается на борьбу против правительства. Доказательством этого может служить распространение забастовки по всей России... народ надеется на уничтожение неограниченной власти»²³.

Эти и другие факты убедительно свидетельствуют о том, что революционная печать 1905—1907 гг. проработала большую работу по пропаганде идей пролетарского интернационализма, единства трудящихся всех национальностей в борьбе против царского самодержавия и эксплуататоров всех мастей.

С. И. Гершвиц

¹⁴ Цит. по: Люциан Климович. Ислам в царской России, М., 1936, стр. 272.

¹⁵ Урал, 1907, № 3. Цит. по: Х. Хасанов. Хусани Ямашев, Казань, 1954, стр. 107.

¹⁶ Урал, 1907, № 3. Цит. по: Х. Хасанов. Указ. соч., стр. 109—110.

¹⁷ Цит. по кн. «История коммунистических организаций Средней Азии», стр. 77.

¹⁸ См. там же.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1405, 1905—1906, оп. 530, д. 224, л. 74.

²⁰ Там же, л. 73.

²¹ См. там же, л. 73—74, 101, 102; ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 348, л. 67 и об., 71 и об.

²² ЦГИАЛ, ф. 1405, 1905—1906, оп. 530, д. 224, л. 101.

²³ Там же, л. 102.

О ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧЕГО КЛАССА И ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ПРЕДОКТАБРСКОМ УЗБЕКИСТАНЕ

Присоединение к России внесло значительные изменения в экономику Средней Азии. Войдя в состав экономически более развитой страны, Узбекистан стал частью общероссийской хозяйственной системы, и здесь, как и по всей стране, складываются объективные и субъективные предпосылки грядущей социалистической революции. Правильное понимание этих предпосылок в известной мере зависит от точности наших сведений о состоянии промышленности и рабочего класса дореволюционного Узбекистана, в частности о количестве предприятий и численности рабочих.

За последнее время внесены важные коррективы в сведения по данному вопросу, содержащиеся в известной работе В. В. Заорской и К. А. Александра¹, бывшей долгое время почти единственным источником данных о числе рабочих и предприятий Туркестанского края. По их данным, во всем Туркестане было 852 промышленных предприятия и около 21 тыс. рабочих (без железнодорожников). Уже Э. Н. Власова² и И. А. Курбатова³ в своих диссертациях на основе изучения статистических обзоров областей Туркестанского генерал-губернаторства и вновь изученных архивных материалов показали, что численность рабочего класса и промышленных предприятий в горной и хлопкообрабатывающей промышленности края была большей, чем это отражено в работе В. В. Заорской и К. А. Александра.

Несколько раньше К. З. Фитерман, пользуясь данными по Аму-Дарьинскому отделу и Закаспийской области, определил численность фабрично-заводского пролетариата в Туркестане в 25,5 тыс. человек⁴.

Позднее Р. А. Нуруллин доказал, что и эта цифра неточна. По его сведениям, накануне первой мировой войны «на фабриках, заводах, шахтах, промыслах Туркестана было занято, по неполным данным, около 33,6 тысяч рабочих»⁵.

Каков же был численный состав промышленных предприятий и рабочего класса на территории современного Узбекистана? Привлечение архивных документов, литературы по Бухарскому, Хивинскому ханствам и Аму-Дарьинскому отделу в сопоставлении со сведениями статистических обзоров по областям позволяет нам ответить на этот вопрос.

Как явствует из имеющихся в нашем распоряжении документов, в хлопкообрабатывающей промышленности насчитывалось: в Ферганской области — 176 хлопкоочистительных заводов, 20 маслобойных и 15 мыловаренных, где работало 7415 человек⁶; в Сыр-Дарьинской — 45 хлопкоочистительных, 3 маслобойных и 1 мыловаренный завод с общим числом рабочих 1914 человек⁷; в Самаркандской — 36 хлопкоочистительных заводов, 5 маслобойных и 2 мыловаренных с общим числом рабочих 1323 человека⁸. В Бухарском эмирате к 1917 г., не считая заводов, отошедших затем к Туркмени, было 19 хлопкоочистительных, 3 маслобойных и 1 мыловаренный завод с 666 рабочими⁹. В Хивинском ханстве к 1917 г. действовало, без мелких кустарного типа заводов, 36 хлопкоочистительных, 3 маслобойных и 1 мыловаренный завод, на которых было занято 765 рабочих¹⁰.

Таким образом, в канун Октября на территории нынешнего Узбекистана действовало 330 хлопкоочистительных заводов, 34 маслобойных и 20 мыловаренных. На них

¹ В. В. Заорская и К. А. Александр. Промышленные заведения Туркестанского края, Пг., 1915.

² Э. Н. Власова. Зарождение горной промышленности и формирование горнопромышленного пролетариата в Туркестанском крае, канд. дисс., Ташкент, 1963.

³ И. А. Курбатова. Из истории развития хлопковой промышленности и формирования пролетариата в дореволюционном Узбекистане, канд. дисс., Ташкент, 1964.

⁴ К. З. Фитерман. Некоторые вопросы истории промышленного пролетариата в колониальном Туркестане, Труды САГУ, Новая серия, вып. 139. Исторические науки, кн. 27, Ташкент, 1958, стр. 83.

⁵ Р. А. Нуруллин. К вопросу о численности промышленных предприятий и рабочего класса в дореволюционном Туркестане, Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1965, № 8, стр. 58—60.

⁶ ЦГА УзССР, ф. И-87, оп. 1, д. 261СС, л. 177; ф. И-1, оп. 12, д. 1717, л. 10; ф. И-90, оп. 1, д. 43, л. 12; ф. И-19, оп. 1, д. 280, л. 1.

⁷ См.: В. В. Заорская и К. А. Александр. Указ. соч., ЦГА УзССР, ф. И-269, оп. 1, д. 536, л. 41; ф. И-40, оп. 1, д. 207, л. 3; ф. И-17, оп. 1, д. 34502а, л. 10; ф. И-17, оп. 1, д. 17617, л. 9.

⁸ В. Г. Гофмейстер. Использование семян хлопчатника в Средней Азии. СПб., 1914, стр. 14; ЦГА УзССР, ф. И-90, оп. 1, д. 99, л. 4.

⁹ В. Г. Гофмейстер. Указ. соч., стр. 135.

¹⁰ А. С. Садыков. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX в., Ташкент, 1965, стр. 135.

работал значительный для Узбекистана того времени отряд пролетариата — 12 326 человек. Из них 90,6% составляли рабочие коренных национальностей.

Что касается горнодобывающей промышленности, то в Ферганской области к 1915 г. действовало 11 каменноугольных копей¹¹, в Самаркандской — 8¹², в Сыр-Дарьинской — 3¹³. Нефть добывалась только в Ферганской области, на 7 присках, из которых самым крупным был Чимнон¹⁴. Кроме того, в этой области было 3 медных рудника и озокеритовые ломки, а в Сыр-Дарьинской области — 2 медных рудника¹⁵. В Бухарском эмирате с 1897 г. добывалось золото¹⁶. Общее количество каменноугольных копей в крае достигало 22, присков по добыче нефти — 7, медных рудников — 5, соляных промыслов — 4, озокеритовых ломок — 2 и 1 золотой присок. На всех горнопромышленных предприятиях Узбекистана работало 7 995 человек, в том числе 3 149 — из коренных национальностей.

На территории нынешнего Узбекистана имелись и другие виды обрабатывающей промышленности. По нашим сведениям, они были представлены следующими предприятиями: 9 ватными (225 рабочих), 28 коконосушильными (1198), 11 гребными заведениями (1117), 63 кожевенными (422), 46 мельницами (465), 40 винокурными и винодельческими (480), 18 пивоваренными (391), 10 кондитерскими и кондитерскими фабриками (105), 3 макаронными фабриками (20), 20 табачными, гильзовыми, папиросными фабриками (354), 25 типографиями (650), 31 электростанциями (62), 25 механическими мастерскими (1645), 8 рисоочистительными заводами (61), 1 сахарным заводом (265), 14 чугунолитейными заводами (462), 1 лесопильным заводом (10), 1 заводом колесной мази и кристаллической соды (22), 1 бричечной мастерской (25), 1 свечным заводом (3), 1 фабрикой (Луи Зальма) по изготовлению обмундирования для войск (600), 1 шубным заводом и обмундировальными мастерскими Торгового дома братьев Гольдберг и К^о (260), 1 мастерской жестяных изделий «Зоря» (34 рабочих), 3 клееварными¹⁷, 15 книжноочистительными, 20 кирпичными заводами, 5 шерсто-мойками, 7 ледоделательными, 2 цементными, 1 свинцопрокатным заводом, 1 стекольным заводом, 1 парфюмерной фабрикой, 3 дезинфекционными камерами, 1 керосиновым заводом, 1 лимонадным заводом, 1 чаеразвешочной фабрикой, 13 спиртоочистительными заводами, 40 заводами искусственных и минеральных вод, 1 водокочкой, 4 люцерноочистительными заводами. Всего на этих 478 предприятиях было занято 8 874 рабочих.

Таким образом, из 1198 предприятий Туркестанского края, Бухарского и Хивинского ханств, где было занято около 33,6 тыс. рабочих, на долю районов современного Узбекистана приходилось 903 (85%) предприятия и свыше 29 тыс. рабочих.

Сюда не вошли железнодорожники, обслуживавшие Оренбург-Ташкентскую, Бухарскую, Ферганскую линии и проходивший по территории нынешнего Узбекистана участок Среднеазиатской дороги (статистические сведения в источниках даны по всем дорогам в целом).

Приведенные цифры, хотя и не являются окончательными, до некоторой степени позволяют уточнить имеющиеся в литературе данные о численности рабочего класса и промышленных предприятий в предоктябрьском Узбекистане.

Е. А. Деева

¹¹ ЦГА УзССР, ф. И-19, оп. 1, д. 9699, л. 4об.; ф. И-41, оп. 1, д. 241, л. 6.

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 4.

¹⁴ Там же, л. 3, об.

¹⁵ Там же, л. 14.

¹⁶ Там же, ф. И-1, оп. 13, л. 906, л. 65.

¹⁷ Здесь и далее число рабочих на предприятии пока установить не удалось.

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ-РЕМЕСЛЕННИКОВ В САМАРКАНДЕ XVI ВЕКА

Как известно, средневековый ремесленник обычно работал не один. Ему помогали члены семьи и родственники, особенно старший сын, который с детских лет приобретал необходимые трудовые навыки. Вместе с тем мастера брали учеников со стороны. Интересный фактический материал по данному вопросу мы находим, в частности, в рукописном сборнике документов «Маджмуа-и васанк»¹.

¹ Маджмуа-и васанк, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1366. В начале XX в. рукопись была приобретена В. Л. Вяткиным, после его смерти попала в Государственную публичную библиотеку УзССР, а позже вошла в рукописный фонд ИВ АН УзССР. Сравнительно небольшая часть документов из этого сборника опубликована в книге «Казийские документы XVI века» (Ташкент, 1937).

«Маджмуа-и васаник» включает свыше 700 юридических документов, вынесенных в канцелярии самаркандского казая в связи с оформлением актов купли-продажи рабов и различных объектов на территории Самарканда и его пригородов; получения денежной ссуды у торгово-ростовщических элементов города представителями разных слоев населения; заклада и аренды лавок и ремесленных мастерских; раздела имущества и т. д.

Юридические решения достоверны печатью самаркандского казая и в большинстве своем датированы. Хронологически они охватывают 1588—1591 гг. (за исключением одного-двух). Однако консерватизм и традиционализм, господствовавшие в средневековом ремесле, позволяют использовать материалы этих документов для характеристики социально-экономического состояния Самарканда более ранних и более поздних лет.

Наше внимание здесь привлекает серия договоров, оформлявших отношения между мастерами-устадами и поступавшими к ним в обучение учениками-шагирами. Таких договоров в сборнике 25. Составлены они по единой форме в период с августа 1589 г. по январь 1591 г.²

В каждом документе указаны число, месяц и год заключения договора; специальность, которую должен получить ученик; его обязанность выполнять работу, возложенную на него мастером; имя шагира с указанием имени его отца (последнее в некоторых соглашениях опущено); приблизительный возраст ученика, что передается словом «несовершеннолетний» («малолетний»), за исключением тех случаев, когда в заключении договора будущий ученик участвовал сам; срок обучения. В большинстве соглашений обуславливается обязанность мастера обучить шагира в такой степени, чтобы знатоки признали его знания в области данного ремесла соответствующими требованиям.

В договоре указываются также имена лиц, участвовавших в его заключении, — мастера и близких ученика (отца, матери, брата) или самого ученика. Если договор оформлялся от имени отца, матери или брата, в тексте указывалось, что мальчик находился на попечении данного лица.

Как видно из документов, 11 договоров оформлены от имени матери ученика, три — его брата, семь — самого ученика, и лишь четыре — от имени отца. Изучение документов позволяет нам уяснить, почему в условиях, когда главой семьи считался отец, последний столь редко принимал участие в оформлении такого важного юридического акта. В некоторых документах к имени отца ученика добавлено слово «покойный». Вполне возможно, что мальчик фактически не имел отца и в тех случаях, когда в соглашении, составленном от имени матери, указывалось имя ученика без указания его отца. В подобных случаях (как и в некоторых из тех, когда в договоре, заключенном от имени матери, имя отца упомянуто) отец мальчика мог быть живым, но проживать с другой семьей. Наконец, в одном из соглашений отец ученика, уstad Шайдулла, назван лицом, местонахождение которого «не известно».

Можно полагать, что мальчик не имел отца и в случаях, когда соглашение составлялось от имени его брата. Характерно, что при оформлении соглашения от имени матери или брата в тексте оговаривалось, что поступающий на обучение мальчик находился на их попечении.

Все это позволяет считать, что 14 мальчиков из 25 упомянутых в договорах из сборника «Маджмуа-и васаник», не имели отца, а в некоторых случаях (когда договор оформлялся от имени брата), возможно, и матери, т. е. это были сироты или полусироты. Это красноречиво характеризует социальную среду, из которой происходили ученики, взятые со стороны.

В период обучения ученик, как видно из документов, проживал в доме мастера, который обязан был кормить и одевать его, что оговаривалось путем включения в соглашение пункта о чисто фиктивном денежном обязательстве. Последнее выражалось в указании суммы, которую мастер якобы давал ученику с тем, чтобы тот снова вернул ее мастеру, расходовавшему эти средства на пищу и одежду ученика. Отсюда видно, что судьба ученика целиком зависела от мастера и в обучении, и материальной обеспеченности.

Шагирд должен был выполнять все поручения мастера, т. е. был полностью закабален. Это требование включалось в текст договоров. Во всех казийских решениях оговаривается, что шагирд должен выполнять всякую «дозволенную шариадом работу», какую ему прикажут³. Если учесть, что ученик, будучи в доме мастера, должен был выполнять и все приказания его жены, то станет понятным исключительно тяжелое положение шагира, тем более сироты. Формально ученик ограждался от возможных увечий и несоответствующей детскому возрасту чрезмерной физической нагрузки. Согласно одному из пунктов договора, поручения ученику должны были даваться соответственно его силам и возможностям.

² Маджмуа-и васаник, л. 118а—122б.

³ Там же, л. 119а—120б, 122а.

Из 13 договоров мы узнаем о происхождении упомянутых в них учеников из ремесленной среды. В этом отношении уместно провести параллель с этнографическими данными более позднего времени. Они свидетельствуют о том, что смена специальностей чаще всего происходила именно в тех случаях, когда рано умирал отец⁴. Так, возможно, обстояло дело и в XVI в.: сын после смерти отца мог приобрести иную, чем у отца, специальность.

Ученики обучались разным специальностям, указанным в договорах: тканью алачи, футы, набиванию узоров на ткань, валянию войлока, крашению, выделке колчуг, изготовлению иголок, сапожному, башмачному делу, шитью нагольных тулупов, мастерству плотника, шорному делу и др. Это говорит о широком охвате ученичеством разных отраслей ремесла.

Сроки обучения были различными: один ткач по договору должен был обучить ученика своей специальности за 2,5 года; три ткача алачи — за 1,5, 3 и 4 года; два ткача футы (один из них называется футабаф, другой — футадар) — за 3 и 4 года; набойщик ткани — за 4 года; красильщик — за 3 года; из четырех валяльщиков войлока трое брались обучить шаگردов за 3 года, четвертый — за 1 год; сукновал — за 3 года; мастер, шьющий меховые изделия, — за 3 года; сапожник — за 3 года; башмачник — за 4 года; мастер, делающий иголки, — за 2 года; двое из трех колчужников обязаны были обучить мальчиков за 4 года, а третий — за 2 года; плотник — за 6 месяцев; у трех шорников срок обучения был по 5 лет.

Эти данные подтверждают справедливость замечаний А. М. Беленицкого о том, что период ученичества мог значительно варьировать в зависимости от различных обстоятельств⁵.

Разные сроки обучения одной и той же профессии дают, на первый взгляд, основания полагать, что продолжительность ученичества зависела не только от сложности ремесла, но и от возраста шаграда. Однако изучение рассматриваемых соглашений приводит к выводу, что возраст здесь не всегда играл определенную роль.

В 18 случаях из 25 мальчики, поступающие в обучение, именуются в договорах «несовершеннолетними», «малолетними», и лишь в семи соглашениях одной из договаривающихся сторон выступает сам ученик, возраст которого, очевидно, позволял ему самостоятельно договориться с мастером. В одном из таких соглашений поступающий в обучение к мастеру-кольчужнику прямо назван совершеннолетним. Это в некоторой степени подтверждает наше мнение, что в указанных семи случаях ученики были совершеннолетними. Между тем срок обучения мастерству валяния войлока в трех случаях из четырех определяется в три года и для «малолетнего» мальчика (в двух случаях), и для ученика, от имени которого был заключен договор (в одном случае). Только согласно одному из рассматриваемых документов, когда в обучение искусству тканья алачи поступал юноша, срок обучения был менее продолжительным, чем у мальчиков, обучавшихся той же специальности, — полтора года вместо трех и четырех лет.

Как видно, срок обучения шаграда зависел не только от возраста ученика. Возможно, здесь сказывалось и социально-экономическое положение поступающего в обучение: влиятельные родственники могли требовать обучения мальчика в более короткий срок.

Анализ документов позволяет считать, что определение срока ученичества было одной из причин составления письменного соглашения между договаривающимися сторонами. Ученик и его родственники были заинтересованы в сокращении срока обучения, ибо в период ученичества мальчик был не столько учеником, сколько помощником мастера на подсобных работах в мастерской и прислужкой по дому. Следовательно, заключение договора нужно было прежде всего ученику и его близким.

За сравнительно короткий срок ученик должен был из мальчика на побегушках, когда его положение в основном сводилось к выполнению роли домашней прислуги, превратиться в квалифицированного специалиста. Это условие выставлено в нескольких договорах между мастером и учеником: от 4 февраля, 14 июля и декабря 1589 г. и др.⁶

Мастер, конечно, не спешил передать ученику свои знания и приемы работы, и тот приобретал технические навыки постепенно, в ходе повседневной производственной

⁴ Этот факт, как и принадлежность к сиротам многих учеников, поступавших к мастерам в конце XIX — начале XX в., установлены на основе этнографических исследований Е. М. Пещеровой и сообщены нам в личной беседе в августе 1970 г.

⁵ Маджмуа-и васанк, л. 118а—122б.

⁶ А. М. Беленицкий. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв., Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. 6, М., 1940, стр. 46—47.

⁷ Маджмуа-и васанк, л. 118а, 119а, 119б.

деятельности⁸. Хотя в решениях, утвержденных в самаркандских казихана, говорилось, что по истечении указанного в соглашении срока шагирд должен овладеть данным ремеслом «в такой степени, чтобы мастера этого искусства высказали свое одобрение»⁹, условие это, надо полагать, осуществлялось далеко не всегда, особенно если ученик был сиротой. И все же наличие письменного соглашения между учеником и мастером в известной мере ограничивало время и степень эксплуатации ученика.

Приведенный материал из юридических документов позволяет осветить отдельные аспекты из жизни и производственной деятельности учеников-шагирдов в Самарканде XVI в., их социальное происхождение и экономическое положение. Рассмотренные договоры представляют большой интерес с точки зрения юридического оформления правовых отношений между учеником и мастером в XVI в., тем более, что для предыдущего и последующего периодов подобных письменных документов пока нет.

Р. Г. Мукминова

⁸ Соответствующие материалы более позднего времени см.: О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX в. Ремесленная промышленность, Ташкент, 1962.

⁹ Маджмуа-и васанк, л. 119а.

АРУЗДА РИТМ ВА РИТМИК ЭЛЕМЕНТЛАР

Ритм — бармоқ системасидагина эмас, арузда ҳам шеър мусикийлигини юзага келтирувчи элементлардан бири¹.

Бирон шеърнинг яхшилиги унда муҳим фикр бадиний ифода этилганлигидагина эмас, балки ритм борлигида ҳамдир; масала фикрдагина бўлса, инсоният проза билан чекланиб қўя қолган бўлур эди.

Ритм ҳар бир халқ поэзияси шеър тузилишида, шунингдек, муайян бир халқ шеър тузилишига мансуб бўлган шеър системаларида ҳам ўзига хос йўллар билан уюштирилади. Арузда ритм яратилиши бўғинларнинг гуруҳланишига қарайди:

- 1) Бир ҳовуч покиза тупроғинг, Ватан зардир менга,
 $\begin{array}{ccccccccc} - & V & - & - & | & - & V & - & - \\ - & V & - & - & | & - & V & - & - \end{array}$
- 2) Майда — майда | тошларинг қий|матда гавҳар|дир менга|
 $\begin{array}{ccccccccc} - & V & - & - & | & - & V & - & - \\ - & V & - & - & | & - & V & - & - \end{array}$

I II III IV

(Собир Абдулла. Бир ҳовуч покиза тупроғинг).

Аmmo бу гуруҳланиш мисра ичида чўзиқ ва қисқа бўғинларнинг тартибли уюшувдан иборат, I-мисранинг I рукида иккинчи бўғин қисқа, қолганлари чўзиқдир, бу ҳолат иккала мисранинг I, II, III рукиларида ҳам айнан қайталанadi. I-мисранинг IV рукида ўртадаги бўғин қисқа, икки ёндаги бўғин эса чўзиқ. Бу тартиб 2-мисранинг шу рукида ҳам такрорланади, натижада аруз ритми юзага келади. Чунки муайян ўлчовдаги нутқ бўлақларининг такрорланиши ва буни ҳис этиш мумкинлиги шеър ритмининг ташкил топиши учун зарур шартдир.

Ҳар бир бўғин гуруҳини руки дейилади. Мазкур байтдаги ҳар бир рукидан сўнг ритмик пауза йўқ, чунки ҳар бир руки охирида нутқий узилш рўй бермаётир, бунга сўзларнинг икки рукига парчаланиб кетаётганлиги сабаб бўлаётир. Э. Воҳидовнинг арузда ёзган ғазаллари техникасининг алоҳида ажралиб турган бир томони шундаки, уларда ҳар мисра икки мисрага бўлинган. Шонир бунга ярим мисра охирида ритмик пауза ҳосил этиш ва шу ички ритмик паузадан кейинги қисмини алоҳида мисрага ажратиш орқали эришиди:

Барг остидан мулойим|
 $\begin{array}{ccccccccc} - & - & V & - & | & V & - & - & | \\ - & - & V & - & | & V & - & - & | \end{array}$
 боққан иболо ғунча,
 $\begin{array}{ccccccccc} - & - & V & - & | & V & - & - & | \\ - & - & V & - & | & V & - & - & | \end{array}$
 Не сирин, сақлагайсан,
 $\begin{array}{ccccccccc} - & - & V & - & | & V & - & - & | \\ - & - & V & - & | & V & - & - & | \end{array}$
 бағринг нечун тугунча?
 $\begin{array}{ccccccccc} - & - & V & - & | & V & - & - & | \\ - & - & V & - & | & V & - & - & | \end{array}$

(„Ғунча“)

Натижада одатдаги аруз ритми янгича эшитила бошланган.

А. Ориповнинг „Бир тола соч“ шеърининг ритми

$\begin{array}{ccccccccc} - & V & - & - & | & - & V & - & - \\ - & V & - & - & | & - & V & - & - \\ - & V & - & - & | & - & V & - & - \\ - & V & - & - & | & - & V & - & - \end{array}$

¹ Арузда мусикийлик ва уни ташкил этишда қатнашувчи элементлар тўғрисида қаранг, Ҷ. Тўйчиев. Арузда мусикийлик. «Совет мактаби» журнали, 1972, 8-сон.

рукилардан ташкил топган. Агар Э. Воҳидов бир мисрани иккита ярим мисрагагина бўлиб юборган бўлса, А. Орипов шеърининг ҳатто ярим мисрасини икки йўлга бўлиб юборишимиз мумкин. Натижада, ҳар бир қисқа мисра узун мисра билан ёнма-ён келади, ритм ҳам бармоқ системасидаги қўшма вази ритмига яқинлашади:

Алвидо деб,
 — V — — |
 Қўлларимга бойладинг бир тола соч.
 — V — — | — V — — | — V — |
 Ошиқ аҳли
 — V — — |
 Ичра кимни сайладинг бир тола соч.
 — V — — | — V — — | — V — |

Ҳамзанинг «Бир ишва билан» ғазалида ҳар бир руки, худди бармоқ вазидаги туроқ сингари, ўз ритмик паузасига эгадир. Чунки, ҳар бир руки охири билан унга кирган сўз ёки сўзлар охири ўзаро уйғундир. Шунинг оқибатида, еттинчи бўғиндан сўнг бош ритмик пауза, I ва III рукилар охирида эса, кичик ритмик пауза содир бўлаётир. Мисралар охирида эса одатдаги (бармоқ системасида ҳам бор бўлган) катта ритмик пауза мавжуд. Агар мисраларда қисқа ва чўзиқ бўғинларнинг тартибли алма-шиниши бўлмаса, бу шеърни 3+4+3+4 бармоқ вазида ёзилган деб айтиш мумкин бўларди:

3	4	4	4
Мен кимга бориб йиғлай ул шўҳи ситамгардан			
— — V	V	— — —	— — V V — — —
3	4	3	4
Юрт—элга бутун телба афсона қилиб кетди			
— — V	V	— — —	V V — — —
I	II	III	IV

Бу шеър ҳазаж баҳрида ёзилган, бироқ унинг ритми бармоқ вази ритмидан ҳескин фарқ этмайди. Бу фазилат бармоқ вазиларининг арузга таъсир этиши натижа-сида пайдо бўлган.

Сўзларнинг негизи рукиларга бўлиниб кетганда, ритмик пауза пайдо бўлмайди. Натижада ритм мисралар ичра рукима—руки, зинапояли тарзда, бўлиниб—бўлиниб эшитилмайди, балки ҳарбир мисра яхлит бир ритмик бўлак бўлиб ангилашади, бун-да шеър ритмига яқинлашади, яъни аруз ритмининг ўзига хослиги дағал сезилади.

Аруздаги ритмик бўлақлар бўғин, руки, ритмик паузалардангина иборат эмас.

Агар мисралардаги бўғинлар бетартиб уюшганда эди, мисра прозаик жумла-лардан фарқ этмаслиги мумкин эди. Арузда ундай эмас:

Кўнглима о | зор бери | б ўзгани ё | р этма ҳеч, |
 — V — — — V — — — V — — — V — — —
 Аҳди паймо | нинг бузи | б ўз—ўзинг хо | р этма ҳеч. |
 — V — — — V — — — V — — — V — — —

(Акмал Пўлат, Ҳеч).

I-мисрада бўғинлар —V— ва —V— каби икки хил рукнига уюшган, бу иккала руки мисрада навбатлашиб

— V — — | — V — | — V — — | — V — |

вазини ҳосил этади. Бу тартиб 2-чи ва бошқа мисраларда қайталаНади.

Рукилар ҳам худди бўғинлардек гуруҳларга уюшади ва шеър вазини ташкил этади. Ритмининг қандайлиги вазининг қандайлигига ҳам қарайди. Чўзиқ ва қисқа бўғинларнинг муайян тартибига асосланган рукиларнинг мисраларда бир қиёмда ую-шиши аруз вази дейилади. Аммо вазининг табиати унинг қайси баҳрга мансуб бўли-шига ҳам боғлиқ. Мана бу шеър вази ҳазаж баҳрига қарашли, шу сабабли унда V— — — рукини уюшиб:

V — — — | V — — — | V — — — | V — — — |

вазини ташкил этади:

Баҳор ўлди, | кел эл гулруҳ, | гулистонлар | сари кеза, |
 V — — — V — — — V — — — V — — —
 Жамолнинг нақ | ши ақсидин | гулу гуazo | рни беza. |
 V — — — V — — — V — — — V — — —

(Отойи. Баҳор ўлди).

Мана бу шеър вази эса мужтасс баҳрига қарашли, шу бондан унда руки тамо- ман бошқача:

Зулм қилиб | ҳокими | солди дўкон | ларга пул, |
 — V V — — V — — V V — — V — —
 Тушмуш алар | бошига | қаттиғ азо | 6 уй пули |
 — V V — — V — — V V — — V — —

(Завқий. Уй пули).

Булар икки хил баҳр вазиридир. Шунинг учун ҳам улар таркибидаги руки- лар сон жиҳатдан тенг бўлса-да, туркум, чўзиқ ва қисқа бўғинлар сови ва ўрни жи- ҳатидан турлича. Ҳазаж баҳри V — — асл рукидан; мужтасс эса — V — асл рукининг тармоқ рукиларидан тузилган. Ҳазажнинг бу вазида ёзилган шеърнинг ҳар мисрасида 4 тадан қисқа бўғин бўлиб, улар рукиларнинг бошида келса, мужтасснинг вазида ёзилган шеърнинг ҳар бир мисрасида 6 тадан қисқа бўғин бўлиб, улар руки- ларнинг ўртасидир.

Мана бу икки вази эса, битта баҳрга, яъни ҳазажга қарашлидир:

1) Мени дево | на Машрабга | муҳаббатдин | баён айланг, | = 16
 V — — V — — V — — V — — V — — V — —
 Намозу рў | задин фориғ | бўлиб макко | ра Машрабман | = 16
 V — — V — — V — — V — — V — —

(Машраб. Кўнгулда заррача)

2) Ойна | сенинг юзинг | кўрубон, | = 10
 — — V V — V — V — —
 Лоф урса |, юзундайўқ | сафоси | = 10
 — — V V — V — V — —

(Саккокий. Ким эрмас ул ой мубталоси)

Чунки уларда V — — асл руки ва унинг тармоқларигина ишлатилган, яъни биринчи шеър ҳазаж баҳрининг солим вазидадир, чунки унда асл руки такрорлана- ётир, аммо иккинчи шеър шу баҳрнинг тармоқ (ўзгарган) вазида, чунки унда асл руки ўзгаришга учраган: ўртадаги рукида битта қисқа бўғин иккитага айланган. Мис- ра бошидаги рукида эса битта чўзиқ бўғин камаяди, мисра бошидаги қисқа бўғин эса, шу руки охирига кўчади. Бироқ бу иккала шеър вазилари ҳам битта асл руки (V — —) ва унинг тармоқлари (V — V —, V — —, — V) асосида вужудга кел- ганликлари учун ҳам шеърин нутқда тингловчи ҳис этиши мумкин бўлган уйғунлик бор, лекин бу уйғунлик бир хиллик деган сўз эмас. Демак ўлчови турлича, аммо рукилари келиб чиқиш ва тузилиш жиҳатидан бир — бирига яқин бўлган вазилар йиғиндиси баҳр дейилади.

Яна бир ритмик элемент бор:

Эй тош ба | ғир нигорим, | раҳминг са | нингки келмас, | = 14
 — — V — — V — — V — — V — —
 Ҳолимга | раҳм айлаб | сув бўлди | санги хоро | = 14
 — — V — — V — — V — — V — —

(Хувайдо. Бўлдум юзунгни кўргач)

Эй, Чархий | вафо гулша | индан сув ў | гириб ич, | = 14
 — — V V — — V V — — V V — —
 Бу нашъу | намо ҳар қа | ю маънода | топилмас | = 14
 — — V V — — V V — — V V — —

(Чархий. Топилмас)

Чархий шеъри-ҳазаж баҳрида, лекин Хувайдоник — музориъда. Бироқ иккала шеърнинг ҳар бир мисраси ўн тўрт бўғинлидир. Аввалги икки мисол ҳазаж баҳридан эди. Уларнинг бирида ҳар бир мисра ўн олти, иккинчисида ҳар бир мисра ўн бўғин- лидир.

Арузда муайян бир баҳр ичидаги вазиларнинг ўлчови-туркуми турличадир, аммо турли баҳрларда бир хил туркумли вазилар бўлиши мумкин. Бундай ҳолат турли- туман ритмика бунёд этиш учундир. Аммо туркуми бир хил бўлган вазилар, ўзлари мансуб бўлган баҳрлар қандай бўлишидан қатъий назар, муайян туркуми ташкил қилади ва бу вазиларнинг ритмлари бир-бирига яқин туради. Туркуми тенг бўлган икки хил баҳр ритми бир-биридан унчалик жиддий фарқ этмайди, Шу бондан аруз- да ритмикани хилма-хиллаштиришда туркумининг роли каттадир, (чулки у ёки бу баҳрда беш бўғинлидан то йигирма бўғинларгача бўлган ва бошқа вазиларнинг ҳам- маси бор деб бўлмайди: «туркум» тушунчаси жуда кўп баҳрлар ичида ижод қилин- маган янги-янги вазиларнинг юзага келишига йўл очади), аммо ритми раиғ-баранг- лаштиришда баҳрнинг роли унча катта деб бўлмайди; тўғри, туркуми тенг бўлмаган

икки хил баҳр ритми икки хил англашлади, бироқ бу анинг сезилган айирма бу баҳрларнинг икки хиллигидан келиб чиқмайди, балки туркумнинг икки хиллигидан келиб чиқади. Чунки ўзбек арузида чўзиқ ва қисқа бўғинлар ўзларини айтиш учун сарфланган муайян вақт миллисекунд жиҳатидан фарқ этса-да, эшитилишда худди араб ё форс-тожик арузларидагидек, бир-биридан унчалик дағал тафовутланиб турмайди.

Хуллас, ритми бўғин, руки, вази, ритмик пауза, баҳр ва туркум рўёбга чиқаради.

Қофия ва банд ҳам ритм билан алоқадордир. Қофия ритмик қаторлар охирини таъкидласа, банд вазига солинган нутқ элементларининг такрорланиши ва ритм шаклланиши учун зарур бўлган жараёндир. Шунинг учун ҳар бир шеър ритмини 1—2 тагина мисра ритми билан изоҳлаб бўлмайди; ритми банднинг тури ва кўриниши билан узвий боғлиқ ҳолдагина тўғри англаш мумкин. Бу — учлик банд ритми, бу — олтилик банд ритми, бу эса тўртликнинг абаб ёки ааба кўриниши ритми деб айтиш лозим, чунки бу бандлар билан битилган шеърларнинг вазилари бир хил бўлса-да, банд тури ва хили турлича бўлганлиги учун, у шеърларнинг муסיқийлиги ва ритми турли-туман эшитилаверади.

Шеърда ритм шаклланомиги учун қофия бўлиши қатъий шарт эмас, аммо қофия ўз оҳангдошлиги орқали муסיқийлики кучайтиради. Бироқ ритм пайдо бўлиши учун мисрадорлик зарур. Бир хил ўлчовдаги бир қанча гапни проза тарзида ёзиб чиқилса, муайян ритм юзага келаверади, аммо уларни мисраларга ажратиш ритмнинг аниқроқ сезилишга олиб келади. Шунинг учун ритм ишига аралашинида банд қофияга нисбатан фаолроқ деб айтиш керак. Аммо қофия ҳам, банд ҳам ритми уюштиришда бўғин, руки, ритмик пауза, ва туркум сингари катта маъқенга эга эмас.

Арузда ёзаётган ўзбек шоирларида бошқа халқларнинг арузда ёзаётган шоирларига, хусусан форс-тожик ва турк шоирларига қараганда ритмик янгликларга бўлган итиллиш кучсиздир. Аммо бундан ўзбек поэзиясида аруз ритмикаси мутлақо ўзгармаган деган хулоса келиб чиқмайди.

Ўлчови ўн беш бўғинлик шеър мисрасини икки мисрага бўлиш ички ритмик паузали шеърда арузнинг 8/7 қўшма вазини вужудга келтиради. (Арузда янги пайдо бўлаётган бундай қўшма вази билан мустақод ўртасида катта айримлик бор). Бунга Ҳамзанинг «Яша Шўро» шеърини мисол келтириш мумкин:

Яша Шўро, Яша Шўро !	8	Ишчи ўғли шуҳратингдан	8
— V — — — V — —		— V — — — V — —	
Сен яшайдир ган замон.	7	Балқисин рў йи жаҳон	7
— V — — — V — —		— V — — — V — —	

Бундай ишни амалга оширишга саккизинчи бўғиндан сўнг бўлаётган ички ритмик пауза имкон берган.

V — — | V V — — | V — V — | — — | вазини—мавжуд. Аммо унинг охириги рукига яна битта чўзиқ бўғин киритиш орқали бошқа вази ва бошқа бир ритмини ҳосил этилган:

Ҳар ишни пар тия топшир са биз баҳо қиламиз ,
V — V — — V V — — V — V — — — —
Ҳамиша биз га улуғ бур ч эрур, адо қиламиз ,
V — V — — V V — — V — V — — — —

(Ҳабибий, Улуғ бурч.)

Ҳамза аруз ритмикаси тўғрисида ҳам жиддий ўйлаган шоирлиги аён бўлди. Унинг мана бу шеърда чўзиқ бўғинлардангина тузилган бир руки чўзиқ ва қисқа бўғин алмашиб келадиган бошқа руки билан навбатлашади; шунинг учун ҳам поэзиямизда жуда кам фойдаланилган бу вази ва унинг ритми Ҳамза эътиборини ўзинга тортди:

Келди очи лур чоғи ўзлигинг на моён қил.
— V — V — — — — — — V — V — — — — —
Парчалаб ки шанларни ҳар томон па ришон қил.
— V — V — — — — — — V — V — — — — —

(„Ўзбек хотин-қизларига“)

Мутадорикнинг айрим вазиларида қисқа бўғин (V) кўп бўлса, арузнинг кўпчилик вазиларида қисқа бўғинга нисбатан чўзиқ бўғин кўп. Шундай вазилар ҳам борки, уларда чўзиқ ва қисқа бўғинлар нисбати тенгдир. Рукин бир хил бўлган ва солим деб аталган вазилар ритми бир текис эшитилса, икки хил руки тартибли навбатлашувчи вазилар ритми контрастдир. Контрастлилик рукилар ўлчовида ҳам бўлиши мумкин.

Ўзбек классик достонлари ҳазаж, рамал, мутақориб, сариғ баҳрларининг турли вазиларида ёзилган бўлсалар-да, уларнинг туркумлари кўпичча бир хилдир, яъни ўн-бирликдир. Арузда ёзилаётган ўзбек лиро-эпик поэзияси бундай ритмик чекланганликдан қутулса маъқул бўлур эди.

Демак, арузда ҳам поэзияга хос ритми ташкил қилишда қатнашувчи элементлар бўғин, руки, вазн, ритмик пауза, баҳр ва туркумдир. Уларнинг бири иккинчисиз яшай олмайд. Аруз ритми ҳўзиқ ва қисқа бўғинларнинг мисраларда тартибли ва муносиб такрорланишидан юзга келган оҳангдорликлардир.

У. Тўйчиев

К ИЗУЧЕНИЮ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НАВОИ

Творчество Алишера Навои вошло бесценным вкладом в сокровищницу узбекской классической литературы. Уже при жизни поэта его поклонники начали переписывать любимые стихи, составляя диваны, преимущественно из его газелей. Вспомним, например, «Ранний диван» Навои, составленный в 1464—1465 гг., когда поэту было 23—24 года. Переписчиком дивана был «қиблат-ул-кутуб» («царь писцов») Султан Али Мешхеда. Сейчас этот сборник хранится в рукописном фонде библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (инв. № 564).

После смерти поэта изучение его творчества получает все более широкий размах. Стали составляться грамматики и словари к его произведениям¹. Именно с этих словарей начинается история изучения фразеологизмов Навои².

В основном составлялись чагатайско-персидские словари, но известны также арабско-узбекские и персидско-узбекские словари, где объяснялись арабские и персидские слова, встречающиеся у Навои³.

Один из двуязычных словарей к произведениям Навои — словарь Тали Имини Гератского⁴, где автор приводит и несколько фразеологизмов: *алақ булақ* — «возмущенный», *толқону толон* — «огрбление», *илик шимолмоқ* — «приниматься с усердием» и т. д.

Отдельные фразеологизмы из произведений Навои встречаются в двуязычном словаре Фатх Алихана Каджарского⁵: *алохону аломон* — «бездомный», *боши думандиг* — «гордый», *бўйун қошмоқ* — «чесать затылок», *сўнгои эриди* — «быть озабоченным», *сир юқтирмоқ* — «упускать», *қаттиқ кўзлук* — «дурной глаз», *қони тирилтон* — «печальный».

Много интересных фразеологизмов Навои приводит в своем словаре «Санглях» Мирза Мехдихан⁶: *қўл шимолмоқ* — «приниматься с усердием», *йўл урмоқ* — «препятствовать», *гам емоқ* — «быть печальным», *багри тош* — «жестокый», *багри толмоқ* — «уставать», *сўнги уйку* — «смерть», *товушқон уйкуси* — «беспечность».

Отдельные фразеологизмы приводятся и в одноязычных словарях, но в них лексический материал преобладает над фразеологическим. Во всех этих словарях по традиции того времени приводилась в основном одна форма сочетания и давалась его значения.

В советское время, особенно с 40-х годов, когда отмечалось 500-летие Навои, изучение творчества великого поэта поднимается на качественно новую ступень. Началось составление критических текстов произведений Навои, издание для массового читателя отдельными книгами поэм и диванов, изучение их идейно-художественных особенностей.

В 1953 г. сотрудники Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР С. Муталибов, П. Шамсиев, С. Ибрагимов, используя часть ранее собранных материалов, издали словарь «Узбек классик адабиети асарлари учун қисқача лугат». Там приводятся отдельные фразеологизмы из произведений Навои с толкованиями: *гам емоқ* — «срадать», *қони қурумоқ* — «умереть», *дист бермоқ* — «удаваться», *гарок хоб* — «сильный сон», *димоғи фўлод* — «упрямый», *бош ўғурламоқ* — «убить», *бош тортмоқ* — «не повиноваться» и др.

В работах последнего времени (в основном литературоведческого плана) фразеологизмы приводятся лишь в качестве иллюстративного материала, свидетельствующего о влиянии на творчество Навои фольклора или о богатстве выразительных средств его языка. Например, А. Хайитметов, исследуя творческий метод Навои, отмечает, что реалистические элементы можно увидеть и в языке поэта, использовав-

¹ А. М. Шербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 53.

² З. Б. Мухамедова. Предварительные замечания о словаре Helli lugat-i sagatai, сб. «Тюркская лексикология и лексикография», М., 1971, стр. 111.

³ Только в рукописном фонде ИВ АН УзССР хранится более десяти словарей: Халли лугати Хамса, инв. № 6803-II, Халли лугати чигатойи, инв. 5197, Мунтахаби лугати турки, инв. № 5052.

⁴ А. К. Боровков. Бадаи-ал-лугат. Словарь Тали Имини Гератского, М., 1961.

⁵ Рукописный словарь хранится в ЛГУ (инв. № 1177). См.: А. А. Ромаскевич. Новый чагатайско-персидский словарь, сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 83—99.

⁶ Sanglah. A Persian Guide of the Turkish Language by Muhammad Mahdi Han, London, 1960.

шого множество пословиц, поговорок, идиоматических выражений: *бошида тегурмон тоши айлантурмоқ* — «мучить», «терзать», *курунмас кузума оқу қаро* — «очень злиться»⁷.

Н. Маллаев в учебнике по истории узбекской литературы X—XVIII вв. также подчеркивает наличие пословиц и фразеологизмов во многих произведениях Навои⁸.

В качестве иллюстративного материала отдельные фразеологизмы Навои приводились в работах С. Муталлибова⁹, С. Айни¹⁰, А. С. Левенда¹¹, Т. Ахмедова¹², С. Эркинова¹³.

Однако до сих пор фразеологизмы Навои еще не были объектом специального изучения. К тому же в отдельных изданиях произведений великого поэта даны неверные, противоречивые толкования некоторых фразеологизмов. Так, у Навои часто встречается фразеологизм *бағрига тиш беркитмоқ* в значении «быть сдержанным», «проявлять терпение»:

Дарддин бағрига зори дам-бадам беркитти тиш,
Кут учун бемор янглигим, физосин тишлади¹⁴.
(Рыдания от горя заставляют его поминутно сжимать зубами сердце,
Как голодный стискивает зубами свою пищу).

Из-за неясности смысла этого фразеологизма для издателей «Фархад и Ширин» следующий бейт:

Қилиб Фарҳоди берк ўз бағрига тиш,
Ўзин солмай чу тушмиш бошога иш¹⁵ —

неправильно толкуется по-узбекски: бироқ Фарҳод ўз бошига иш тушган киши бўлгани учун, кўксини тик тутиб(?) тишини маҳкам сеқиб кета берди¹⁶. (Однако Фархад, хотя ему на голову свалилось большое горе, выпрямив грудь, сжав зубы, продолжал идти), тогда как следовало перевести: Фарҳод бошига иш тушгани билан сабр қилди. (Хотя на голову Фархада обрушились неприятности, он проявил терпение).

Наконец, в обоих изданиях «Лисон-ут-тайр» («Язык птиц») это выражение дается в форме «бағрига ниш беркитмоқ»:

Маҳфий асрордин ўтубтур чун бу иш
Дерман эмди беркитиб бағримга ниш¹⁷,

что привело к неправильному пониманию общего смысла бейта и, следовательно, к неправильному переводу:

Это горе — превыше всех таинств заветных,
Расскажу — пусть вся грудь будет в ранах несметных¹⁸.

В действительности же перевод должен быть таким:

Это дело вышло за пределы таинств,
Теперь, думаю, проявлю терпение.

В поэме «Садди Искандарий» («Вал Искандера») Навои употребляет фразеологизм *хаёл пишурмоқ* — «думать бесплодно»:

Ки гуё пиширган хаёлинг будур
Қила олмасингдин малолинг будур¹⁹.

Это авторско-индивидуальная калька персидского выражения *хаёл пухтан* — «думать бесплодно». Однако издатели, не поняв смысла этого выражения, перевели его на современный узбекский язык следующим образом: кўнглунга тиккан ниятинг

⁷ А. Ҳайитметов. Навоийнинг ижодий методи масалалари, Тошкент, 1963, стр. 160.

⁸ Н. М. Маллаев. Узбек адабиёти тарихи, Тошкент, 1962, стр. 622.

⁹ С. Муталлибов. Морфология ва лексика тарихидан қисқача очерк, Тошкент, 1959, стр. 234.

¹⁰ Əlişer Navai. Hamsa, qisqartib basmaga tajjarlavci S. Əjnij, Taşkent, 1940.

¹¹ Ali Şir Nevai. I çilt. Hayati, sanati ve kişiligi, Ankara, 1965, v. 191—211.

¹² Т. Ахмедов. Алишер Навоийнинг «Лайли ва Мажнун» достони, Тошкент, 1970.

¹³ С. Эркинов. Навоий «Фарҳод ва Ширин» ва унинг қиёсий таҳлили, Тошкент, 1971.

¹⁴ Алишер Навоий. Фавойид-ул-кибар, Тошкент, 1960, стр. 615.

¹⁵ Əlişer Navai. Farhad va Şirin, Taşkent, 1940, 236-bet.

¹⁶ Там же, стр. 237.

¹⁷ Алишер Навоий. Лисон-ут-тайр, танқидий текст, Тошкент, 1968, стр. 79;

Алишер Навоий. Лисон-ут-тайр, Тошкент, 1969, стр. 85.

¹⁸ Алишер Навоий. Сочинения, т. VIII. Язык птиц, Ташкент, 1970, стр. 122.

¹⁹ Əlişer Navai. Saddi Iskandarij, Taşkent, 1940, 852-bet.

бу бўлиб(?) уни бажара олмасам деб малол — андиша қилаяпсан²⁰ («Если ты в сердце помечтал о чем-то об одном и выполнить это затрудняешься»), тогда как должно было быть:

гўё бу сенинг хом хаёллигинг, уни бажара олмасдан
аввал [бу иш] сенга огир кўринапти

(это твоя иллюзия, пока, невыполняя [эту работу], тебе кажется, что это трудно).

Как видно, неправильное толкование одного фразеологизма привело к неправильному толкованию общего смысла бейта.

В «Махбуб-ул-кулуб» («Возлюбленный сердец») в значении «быть последовательным» употребляется фразеологизм «этагига илик урмоқ» — калька персидского *даст ба доман задан*: «бас ўзни яхшилар орасида яшурғон ва алар этагига илик урғон яхшироқдур ва хавфу биймдин қироқдур»²¹.

В конце этой книги дан упрощенный и близкий к современному узбекскому языку текст данного произведения, подготовленный П. Шамсиевым для широкого читателя. Из-за неясности издателю значения указанного выражения он не смог его правильно истолковать: «демак ўзини яхшилар орасига яшириш, улар этагига кўл уриш яхшироқдур ва хавф-биймдин четроқдур»²², т. е. «и так себя прятать за хорошими людьми, быть по их подол(?) далеко от опасности».

При правильном переводе фразеологизма предложение выглядело бы иначе: «ўзини яхши (кишилар) орасига яшириш, улар йўлидан бориш (одами) хавф-хатардан четроқ, қилади» — «прятать себя среди хороших людей, быть их последователями, уводить (человека) далеко от опасности».

Некоторые другие фразеологизмы Навои также толковались и писались неправильно в словарях. Например, в словаре «Ўзбек классик асарларининг қиссача луғати» фразеологизм *нағли бозуна урмоқ*²³, во-первых, дается в неправильной форме *нағли вожуна урмоқ*, а во-вторых, неверно толкуется как «делать наоборот», тогда как в текстах Навои он употребляется в значении «вводить в заблуждение»:

Муни ҳам урди нағли бозуна
Ишидин буйла кўргузди намуна²⁴.
(И этого ввел в заблуждение,
Показал такие образцы своих дел).

Выражение *бағрига тиш берkitмоқ* дано в неправильной форме; *бағрига тош берkitмоқ*²⁵. *Бағри қаро* в словаре отмечено как термин — птица (черногрудка)²⁶, а второе значение — «несчастный» не дается. Список таких примеров можно продолжить.

Таким образом, фразеологическое богатство языка Навои еще недостаточно изучено и зачастую получало неправильное толкование. Все это делает актуальными специальные исследования фразеологизмов поэта и составление фразеологического словаря А. Навои.

Это задача большой теоретической и практической значимости. Фразеологический словарь Навои помог бы уточнить диалектную основу староузбекского языка, выявить и систематизировать все фразеологическое богатство поэта, определить структурные разновидности фразеологических единиц в его произведениях. Он глубже раскрыл бы мастерство Навои и его роль в обогащении и развитии фразеологии узбекского языка. И наконец, был бы облегчен труд переводчиков произведений поэта на русский и другие языки, что сделало бы их более доступными и понятными для широких масс читателей различных национальностей.

Э. А. Умаров

²⁰ Там же, стр. 853.

²¹ А л и ш е р Н а в о и. Сочинения, т. 13, Ташкент, 1966, стр. 80.

²² Там же, стр. 239.

²³ Указ. словарь, стр. 235.

²⁴ А л и ш е р Н а в о и й. Хамса, Ташкент, 1960, стр. 234.

²⁵ Указ. словарь, стр. 41.

²⁶ Там же.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РАССКАЗАХ ЕГИПЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ШКОЛЫ КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Возникновение и развитие реалистического направления в египетской литературе 20-х годов XX в. связано с именами старейших писателей Египта — Таха Хусейна, Тауфика ал-Хакима и Махмуда Теймура. Подняв после восстания 1919 г. знамя реализма в египетской литературе, они выступили выразителями идей либеральных кругов местной буржуазии, стремившейся к национальной независимости страны.

Наступление реакции в 30-х — начале 40-х годов отрицательно сказалось на творчестве ветеранов литературного возрождения в Египте. В этот период наиболее

отчетливо проявляются непоследовательность и классовая ограниченность их мировоззрения. Отказавшись от постановки острых социальных проблем, они обращаются к проповеди «чистого искусства», ограничивая круг своих интересов «специфическими проблемами интеллигентного буржуа»¹.

Однако крупнейшие социальные сдвиги, происшедшие в египетском обществе после второй мировой войны, особенно после революции 1952 г., заставили писателей старшего поколения пересмотреть свои идейные позиции. Они снова вернулись к реалистическому изображению жизни.

В 1946—1947 гг. Таха Хусейн (род. в 1889 г.) начинает публиковать в журнале «Египетский писатель» серию рассказов, объединенных впоследствии в сборник «Мученики на земле». Эти рассказы означали «глубокий поворот в новеллистике в сторону изображения действительности «большого Египта», по выражению самого Таха Хусейна»².

В предисловии к сборнику «Мученики на земле» Т. Хусейн развивает свой взгляд на египетское общество. По словам писателя, оно разделено на два класса: класс бедняков, «мучеников на земле», прозябающих в голоде, нищете, невежестве, и класс незначительного меньшинства, живущего в довольстве и равнодушного к горестям и лишениям бедняков.

Сборник открывается рассказом «Салих» — трогательной историей о бедном мальчике Салихе. Он олицетворяет многомиллионный народ, стонущий под бременем голода и нищеты. «...В жизни каждого из многих египтян, — пишет автор, — есть нечто от Салиха. Салих — это символ бедствия, несчастья и лишений. Как мало египтян, не представляющих себе бедствий, несчастий и лишений»³.

Многие рассказы сборника посвящены бесправному положению египетской женщины: умирает мать семейства, не перенеся прихода в дом второй, молодой жены (рассказ «Друг»); кончает жизнь самоубийством девочка-подросток, рано выданная замуж и потянувшаяся насильем, осквернившим ее чистую душу (рассказ «Хадиджа»); трагично обрывается жизнь молодой женщины, выданной замуж за нелюбимого человека (рассказ «Сафа»). В рассказе «Касем» автор повествует о простой деревенской девушке, соблазненной богачом.

Среди «мучеников на земле» Т. Хусейн увидел и громадную армию мелких чиновников, еле сводивших концы с концами на свое мизерное жалованье. Об одном из них говорится в рассказе «Опасность».

Т. Хусейн ярко отобразил в своих рассказах социальные недуги монархического Египта. В отдельных рассказах («Салих», «Опасность», «Большой Египет») автор поднимается в обличении социального зла до высокой гражданственности. Однако выход из создавшегося положения писатель видит не в коренном изменении социальных условий, а «в доброте и щедрости» богачей («Солидарность», «Бремя богатства», «Щедрость»).

Наиболее отчетливо противоречие между Т. Хусейном-реалистом и Т. Хусейном-философом проявилось в рассказе «Большой Египет». Здесь, с одной стороны, мы видим резкую критику египетской действительности того времени, а с другой, — перед нами предстает философствующий либерал, призывающий египтян начать новую жизнь, суть которой — «солидарность, взаимопомощь и стирание граней между сильными и слабыми, богатыми и бедными, здоровыми и больными»⁴.

Несмотря на все это, рассказы из сборника «Мученики на земле» занимают важное место в творчестве Т. Хусейна. Вышедшие в первые послевоенные годы, они показывают в целом правильное понимание автором новых задач, вставших перед египетской литературой после длительного застоя и увлечения лозунгом «чистого искусства». По словам египетского литературоведа Шукри Айяда, сборник Т. Хусейна «широко открыл двери изображению темных сторон жизни египетского общества до революции. И в эти двери устремилось целое поколение новеллистов»⁵.

Другой представитель старшего поколения египетских писателей, Тауфик ал-Хаким (род. 1898 г.), в послевоенные годы продолжает оставаться, как его справедливо называют арабские критики «смутным писателем», создавая наряду с символистически-импрессионистскими глубоко реалистические произведения.

¹ В. Борисов. Новые веяния в арабской литературе, Новый мир, 1954, № 5, стр. 266.

² Махмуд Амин аль-Алим. Новые ценности в современной египетской литературе, в сб. «Современная арабская литература», М., 1960, стр. 49.

³ стр. 21' النشر و الطباعة و العربية للشركة العربية للطباعة والنشر.

⁴ Там же, стр. 150—151.

⁵ شكرى محمد عياد. القصة القصيرة فى مصر. مطبعة النهضة الجديدة,

стр. 162 1928 — 1929

«Рассказы Тауфика ал-Хакима» (1949 г.) в большинстве своем представляют либо юмористические новеллы, либо политические фарсы, либо развлекательно-приключенческие истории.

Но было бы ошибкой считать, что интересные рассказы двухтомника вообще лишены социальной окраски. Тауфик ал-Хаким — один из самых наблюдательных и, можно сказать, лукавых писателей. За смехом в его остроумных, веселых историях, как правило, слышится голос социальной правды.

Важное место в послевоенном творчестве ал-Хакима занимает сборник рассказов «Правосудие и искусство» (1962), который по своей тематике близок к замечательной повести писателя «Записки провинциального следователя» и дает широкое полотно быта египетской провинции до революции 1952 г.

В рассказе «Судебный врач» ал-Хаким описывает страшную нищету феллахов. Герой рассказа, назначенный инспектором здравоохранения в одну из деревень Верхнего Египта, видел там, как «феллахи выходят из лагул, похожих на норы, а не на человеческое жилье. Их дети ползают на животах, как пресмыкающиеся. Болезни пахнут в их худых телах, бесцветных и бескровных. ...Выражения их глаз не видно из-за мух, облепивших лицо и тело»⁶. На больных жителях деревни наживаются фельдшер и врач. Феллахи привыкли к поборам и несут их как дань.

На феллах наживаются не только представители государственной власти. В рассказе «Человек с капиталом» подробно описывается, как из жуликоватого вестовщика вырастает кулак-мироел, обогащающийся за счет бедных феллахов.

Ужасающая беднота феллахов, постоянный голод, антисанитарные условия их жизни — такова по существу главная линия сюжета рассказа ал-Хакима «Дачники в кандалах». Суть его такова. Некого следователя послали работать в деревню. Но он не выдержал там невыносимых для человека условий и перебрался в находящееся поблизости курортное местечко на берегу моря. Сначала он ходил в деревню через день, потом два раза в неделю, а затем обвиняемых стали для его удобства доставлять к нему. Здесь заключенные получили неожиданную возможность отдыхать и даже купаться в море, чего они были лишены в своей трудной жизни. Впервые следователь столкнулся с поразительным фактом: заключенные протестовали против их освобождения. Этот «веселый» рассказ имеет страшный вывод — для многих бедных феллахов тюрьма лучше воли.

В рассказе «Фокусник» феллахи предстают жертвами чиновничьего произвола. За малейшие проступки их облагают штрафами и сажают в тюрьму. Темные, забитые феллахи часто даже не понимают, за что их судят, и принимают наказание, как кару господню.

Тауфик ал-Хаким пишет о феллах во многих рассказах сборника «Правосудие и искусство», однако крестьянская тема здесь не является главной. Бедствия феллахов, обираемых и притесняемых всякого рода лихоимцами, — лишь фон, на котором разворачивается основное действие. В центре внимания автора — провинциальное судопроизводство.

В мелких эпизодах из судебной практики провинциального следователя, от лица которого ведется повествование, отражается равнодушная тупость судопроизводства в старом Египте. Вершителей правосудия не интересуют истинные причины преступлений. Они не вникают в суть рассматриваемых дел и выносят по ним однообразные приговоры. Писатель не затрагивает проблемы преступности, социальные причины, ее порождающие. Острые критики направлены против тупой бюрократической машины буржуазного правосудия.

Как писатель-реалист Тауфик ал-Хаким ярко рисует социальное зло, царившее в монархическом Египте: нищету феллахов, бездушные бюрократического административного аппарата, чиновничий произвол. Однако ограниченность мировоззрения помешала писателю увидеть силы, способные изменить существующий порядок. При всем сострадании к феллахам он видел в них лишь темную, забитую, беспомощную массу, не способную на активный протест.

Особое место в египетской новеллистике занимает Махмуд Теймур (род. в 1894 г.). Вместе со своим братом Мухаммедом Теймуром он стал создателем современной арабской новеллы и во всех арабских странах справедливо признан основоположником этого жанра. Огромное влияние на становление Махмуда Теймура как новеллиста оказала русская литература, особенно творчество Чехова.

После второй мировой войны Махмуд Теймур выпустил в свет около десяти сборников новелл — «Уличный музыкант» (1953), «Дубинка стражника» (1958), «Восхитительная Тамархиная» (1958), «Я убийца» (1962) и др.

⁶ توفيق الحكيم. قصص توفيق الحكيم. المجموعة الثانية. دار سعد مصر، ١٩٤٩. توفيق الحكيم. عدالة وفن. مكتبة الآداب 63 стр.

Круг тем, затрагиваемых в рассказах Махмуда Теймура послевоенного периода, довольно широк. В них отражена жизнь различных слоев египетского общества: чиновников, мелкой и средней буржуазии, представителей социального «дна».

Во многих рассказах Махмуд Теймур обличает страсть к наживе, которая уродует души людей, убивает в них доброту и человечность. В рассказе «Кто из нас негодяй?» страсть к обогащению становится причиной распада ранее счастливой семьи. В рассказе «Теленок пал» Махмуд Теймур разоблачает религиозное ханжество, лицемерие и жадность представителей торговой буржуазии.

О безрадостном детстве подростка-сироты повествует рассказ «Дубинка стражника»⁷, отражающий характерную для дореволюционного Египта страшную эксплуатацию детского труда. Этот рассказ как по своему идейно-тематическому содержанию, так и по блестящей художественной форме может быть отнесен к числу лучших произведений Махмуда Теймура. Не является ли он отзвуком признанного Теймуром влияния на его творчество новелл Чехова «Ванька Жуков», «Спать хочется» и др.? Полностью свободный от мелодраматизма и сентиментальности рассказ может быть признан образцовой новеллой, написанной с позиций критического реализма и подлинного гуманизма.

Отдельные рассказы Махмуда Теймура затрагивают тему одиночества человека в буржуазном обществе. Бешеная погоня за наживой ведет к разобщению людей. Спасение от одиночества писатель видит в труде, который содействует общению людей. Этой теме посвящает М. Теймур рассказ «Человек!»

Характерно, что настоящую человечность и доброту писатель-гуманист находит среди униженных и оскорбленных, стоящих на низшей ступени общественной лестницы. Правда, причину их падения автор видит не в социальных условиях, а в слабостях их натур. Таков, например, рассказ «Тюлень».

Творчеству М. Теймура свойственна гуманистическая направленность. Основному закону буржуазной морали «человек человеку волк» М. Теймур противопоставляет призыв к доброму человеческому общению.

Революция 1952 г. и последовавшие за ней глубокие социальные преобразования в Египте благотворно повлияли на творчество ветерана арабской новеллы. В сборнике «Уличный музыкант» мы находим рассказ «Демонстрация», посвященный национально-освободительному движению в стране. Никто не должен оставаться равнодушным к судьбе родины — такова основная мысль рассказа.

Анализ послевоенных произведений старейших писателей Египта свидетельствует о большом художественном мастерстве классиков новой арабской литературы, ярко выраженном социальном звучании их рассказов, сыгравших огромную роль в развитии египетской школы критического реализма.

И. Г. Фатеева

⁷ Рассказ переведен на русский язык под названием «Дубинка сладкая». См. «Восточная новелла», М., 1963, стр. 145—149. Перевод А. Михайловой.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ САПАЛЛИТЕПА (Результаты химического анализа)

Поселение Сапаллитепа, расположенное на территории совхоза «Советабад» Гатчинского района Сурхандарьинской области, с 1969 г. изучается специальным археологическим отрядом Института археологии АН УзССР, руководимым А. А. Аскар-овым¹. Поселение находится на берегу одного из древних русел горных ручейков родникового происхождения, стекающих с Кугитангау — юго-западного отрога Гиссарского хребта. Сапаллитепа — небольшой омытый холм площадью около 2 га, в центре которого выделяется почти квадратная возвышенность — укрепленная часть поселения.

Именно здесь производились стационарные раскопки, давшие ценные материалы, характеризующие многие стороны хозяйственной деятельности древних обитателей поселка. На западном участке поселения, где были сконцентрированы раскопки предыдущих годов, вскрыто множество помещений жилого и хозяйственного назначения, сооруженных из сырового кирпича больших размеров. Центральная часть поселения была обнесена тремя кольцами оборонительных стен, образовавшими широкие длинные коридоры, которые впоследствии перестраивались под жилые помещения. При раскопках жилых и хозяйственных помещений как внутри коридоров, так и на площади укрепленной части поселения обнаружено несколько захоронений с богатым набором археологического материала, причем особенно интересны различные предметы из металла.

¹ А. А. Аскар-ов. Поселение древних земледельцев на юге Узбекистана, Общие научные науки в Узбекистане, 1971, № 8, стр. 40—43.

За 4 полевых сезона археологических раскопок на поселении найдено более 50 металлических предметов: браслеты, шила, сосуды, зеркала, печать и т. д. Химическому анализу подвергся 21 предмет — находки первых двух полевых сезонов. Среди них, в частности, можно отметить три бронзовых шила (рис. 1, 3, 4, 6). Одно из них, длиной 17,5 см, с острым концом, обломано (рис. 1, 6), на тупых концах двух других отлит сжатый кулак с отверстием. Длина первого (рис. 1, 3) 20 см, второго (рис. 1, 4) — 17 см.

Наибольший интерес представляют три спицы различных размеров: одна в обломках (рис. 1, 9) и две целые (рис. 1, 7, 8). Оба конца спиц имеют четкие следы изношенности.

Браслеты представлены четырьмя экземплярами: два целых, с несомкнутыми концами (рис. 2, 7, 8) и два обломка (рис. 2, 9, 10). На поверхности последних — насечки спиралевидной формы. Все браслеты круглые в сечении.

Интересную группу металлических изделий составляют три сосуда. Два из них, литые, имеют форму графинчика (рис. 2, 1, 2), третий — глубокая цилиндрическая чаша с подкошненным дном (рис. 2, 3).

Среди металлических предметов — зеркало круглой формы, диаметром 16,5 см (рис. 2, 2, 4), наконечник копья листовидной формы (рис. 2, 5), обломок рыболовного крючка (рис. 2, 11), гвоздеобразная булавка (рис. 1, 2) и две лопаточки. Первая (рис. 1, 5) на длинной ручке, вторая (рис. 2, 6) имеет короткий черенок, а ее рабочая часть шире, чем у первой лопаточки.

На Сапаллитепа найдены также две металлические печати. Одна на длинной ручке (рис. 1, 1). На печати изображено подобие цветка с 7 лепестками. На другой печати, с небольшой петелькой, изображены какие-то знаки наподобие клинописи (?).

Изучение химического состава металлических изделий из Сапаллитепа представляет особый интерес как источник для изучения металлургического производства оседлого населения Средней Азии эпохи бронзы. Уже визуальное исследование предметов, их форма, вес, сохранность, отливка, обработка и даже цвет выверенной пробы позволили предположить использование в ряде из них каких-то новых, до сих пор неизвестных для Средней Азии того времени сплавов с какими-то новыми химическими свойствами. Для выяснения последних в лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР было проведено определение состава предметов методом количественного спектрального анализа². На основе классификации, разработанной там же³, проведена систематизация материала с группировкой по типам сплавов.

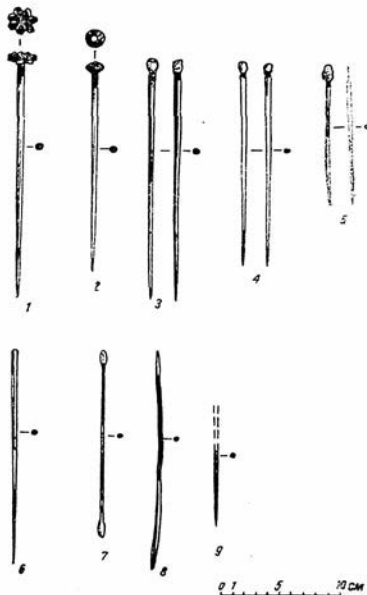

Рис. 1.

² И. В. Богданова-Березовская и Д. В. Наумов. О применении количественного спектрального анализа при исследовании археологических бронзовых изделий, в сб. «Новые методы в археологических исследованиях», М.—Л., 1963, стр. 77—83.

³ И. В. Богданова-Березовская. Химический состав металлических предметов из Тулхарского могильника, МИА, 136, М.—Л., 1966, стр. 225—230; е е же. Хи-

За небольшим исключением, предметы хорошо сохранились, их поверхность мало корродирована. До взятия пробы все изделия были предварительно очищены вначале механически, а затем химически, восстановлением водорода в момент выделения, и покрыты тонким слоем акрилата⁴. Пробы на анализ высверливались из чистого металла из глубины предмета. Результаты анализа представлены в табл. 1.

Интересно отметить, что среди исследованных изделий не было ни одного чисто медного. По химическому составу это сплавы, основным составляющим которых была

Результаты количественного спектрального анализа (%) изделий

Шифр лаборатория	Предмет, его шифр или инв. №	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As
51—70	Гвоздь-булавка	93	0,8	0,8	0,02	+	0,07	4
53—70	Спица 0,86	95	0,6	0,2	0,7	+	0,08	3
54—70	Спица в обломке	осн.	0,1	0,4	0,02	0,01	—	2
35—70	Сосуд типа графина (большой)	88	0,3	10	0,01	+	0,1	1
36—70	Сосуд типа графина (малый)	89	0,08	7	0,01	0,02	0,05	3
44—70	Браслет	осн.	0,01	11	0,03	+	0,07	5
45—70	Браслет (обломок)	осн.	0,1	3	0,02	+	0,07	7
52—70	Шило большое	94	0,04	1	0,02	0,01	0,01	3
41—70	Цилиндрическая чаша с подкошенным дном	осн.	1	0,5	0,02	0,01	0,01	3
40—70	Печать с петелькой	93	3	0,2	0,05	0,05	0,02	2,5
39—70	Листовидное копье	осн.	10	0,3	0,03	0,03	0,05	1,5
43—70	Браслет	88	10	0,2	0,03	0,01	0,05	2
46—70	Крючок в обломке	осн.	10	0,3	0,3	0,03	+	1,5
50—70	Шило малое с кулаком	86	1	7	0,01	+	0,2	5
42—70	Браслет	87	10	0,1	0,02	+	0,01	0,7
49—70	Шило со сжатым кулаком	86	12	0,7	0,03	+	0,01	0,7
37—70	Зеркало	84	15	0,01	0,04	+	0,02	0,5
47—70	Лопаточка туалетная на длинной ручке	осн.	15	0,01	0,06	—?	—	0,5
55—70	Спица	93	0,02	5	0,05	+	0,01	0,75
48—70	Печать на длинной ручке	92	0,01	7	0,02	+	—	0,7
Вне групп								
38—70	Лопаточка туалетная	осн.	1,5	1	2	2	0,05	0,2

медь в сочетании с мышьяком, оловом, свинцом. Определенное сочетание этих компонентов позволяет выделить следующие типы бронз из Сапаллитипа:

Тип сплава	Наименование бронзы	Составляющие
Бронза I	мышьяковистая	Cu, As
Бронза II	оловянно-мышьяковистая	Cu, As, Sn
Бронза А	оловянистая	Cu, Sn
Бронза Б	свинцовистая	Cu, Pb
Бронза В	оловянно-свинцовистая	Cu, Pb, Sn

При содержании свинца свыше 1% для BI и BII выделяются подгруппы B1I и B1II. Впервые такие подгруппы были выделены на сибирском материале⁵.

Сгруппированные по этому принципу данные анализа позволили выделить ранее не известные типы сплавов того времени.

мический состав металлических предметов из могильников эпохи бронзы в Бишкентской долине, МИА, 145, М.—Л., 1968, стр. 163—167.

⁴ Очистка проводилась в лаборатории реставрации Института археологии АН УзССР.

⁵ И. В. Богданова-Березовская. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины, в сб. «Новые методы в археологических исследованиях», стр. 20.

Мышьяковистая бронза (Б1) представлена тремя изделиями (рис. 1, 2, 8, 9; табл. 1, 51—70, 53—70, 54—70)⁶. Небольшие различия в количественном составе основных составляющих и примесей объясняются рядом причин (о них см. ниже) и не выходят за пределы возможных систематических ошибок и разрешающей способности приборов. В связи с этим, например, шило (рис. 1, 6; табл. 1, 52—70) следует отнести

Таблица 1

из Сапаллитепе (раскопки А. А. Аскарова, 1969 г.)

Ag	Au	Ni	Co	Fe	Mn	In	Ca	Mg	Al	K	Na	Tl	In
0,03	—	0,06	±	1	—	—							Б 1
0,07	—	0,1	0,01	0,2	—	—							Б 1
0,01	—	0,04	0,01	> 2	0,03	—							Б 1
0,08	—	0,02	±	0,5	—	—							Б'1
0,05	+	0,02	±	0,02	—	—							Б'1
0,04	—	0,03	0,02	> 2	0,03	+?							Б'1
0,02	—	0,08	0,08	> 2	—	—							Б'1
0,2	—	0,07	±	0,9	—	—							Б'1
0,2	—	0,03	0,03	1	—	+?							БП
0,01	—	0,6	0,03	0,5	—	—			*				Б П
0,05	—	0,1	0,1	0,5	—	—			*				Б П
0,02	—	0,02	0,02	0,1	—	—			*				Б П
0,02	—	0,06	±	0,6	—	—			*				Б П
0,008	—	0,06	0,02	0,6	—	+?			*				Б'П
+	—	0,03	±	0,08	—	—			*				Б А
0,03	—	0,07	±	0,4	—	—			*				Б А
+	—	0,03	±	0,08	—	—			*				Б А
0,03	—	0,07	±	0,4	—	—			*				Б А
0,02	—	0,02	±	0,4	—	+?			*				Б Б
0,008	—	0,1	±	0,2	—	—			*				Б Б
0,04	—	0,03	±	0,08	—	—			*				

именно к данной подгруппе, хотя наличие 1% свинца формально сближает его со следующей подгруппой. Однако способность свинца к ликвиации, неравномерному распределению в сплаве может объяснить такую концентрацию как случайную примесь, что позволяет относить этот сплав по типу к бронзе Б1. Повышенное содержание свинца в бронзе Б1, безусловно, связано с использованием полиметаллических руд с достаточно высоким содержанием в них свинца.

В ряде изделий количество свинца настолько значительно, что они выделены в подгруппу Б'1. Это — браслет (рис. 2, 7; табл. 1, 45—70), где свинца 3% при 5% мышьяка; другой браслет (рис. 2, 8; табл. 1, 44—70), где свинца 10% и мышьяка 5%; два сосуда типа графинчика — большой (рис. 2, 1; табл. 1, 35—70) и малый (рис. 2, 2; табл. 1, 36—70) с содержанием свинца и мышьяка соответственно 10, 7 и 1, 7%.

Общий характер примесей в обеих подгруппах достаточно однороден.

Мышьяково-оловянистая бронза (БП) по большей части использовалась для изготовления предметов с высоким содержанием олова и довольно устойчивым количеством мышьяка. Плохая сохранность сосуда цилиндрической формы (рис. 2, 3; табл. 1, 41—70) не позволила уточнить состав его сплава.

Шило (рис. 1, 4; табл. 1, 50—70) из-за высокого содержания свинца (7%) выделено в подгруппу Б'П. Здесь же отмечается повышенная концентрация мышьяка (5%) и сурьмы (0,2%).

Примеси несколько отличаются от группы Б1, где они близки друг к другу, что позволяет предполагать использование каких-то иных источников сырья.

Оловянистая бронза (БА) — по химическому составу к ней отнесены: зеркало (рис. 2, 4; табл. 1, 37—70); браслет (рис. 2, 10; табл. 1, 42—70); туалетная лопаточка

⁶ Здесь и далее — шифр лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР.

(рис. 1, 5; табл. 1, 47—70); шило (рис. 1, 3; табл. 1, 49—70). Для этой группы характерна большая концентрация олова (10—15%), мышьяка (0,5—0,7%) и устойчивый характер примесей (за небольшим исключением).

Свинцовистая бронза (ББ) — представлена двумя предметами — спицей (рис. 1, 7; табл. 1, 55—70) и печатью на длинной ручке (рис. 1, 1; табл. 1, 48—70). Следует отметить повышенное содержание мышьяка (0,75%) и однородность примесей. Вне группы вынесен один предмет — туалетная лопаточка (рис. 2, 6; табл. 1, 38—70), главным образом за счет высокого содержания висмута (2%). Наличие цинка (2%) и

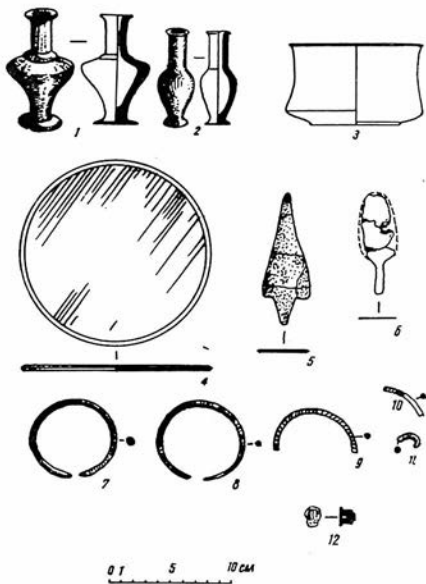

Рис. 2.

свинца (1%) позволило бы отнести этот сплав к латунным — оловянно-свинцовой латуни. Но сочетание всех компонентов скорее предплагает не искусственную присадку, а, очевидно, случайное (переплавка), объяснение которой будет найдено при дальнейшем исследовании находок из данного памятника.

Таким образом, на основе химического состава сплавов наряду с уже известными по другим памятникам типами были выделены новые, не известные до того времени (начало II тыс. до н. э.) на территории Средней Азии, — это бронза II — мышьяково-оловянистая и бронза А — оловянистая.

Значительное содержание олова в сплавах говорит о возможности широкого применения его, а следовательно, о его доступности. Выше отмечалась достаточная однородность примесей для всех типов, а в ряде случаев — некоторое различие (в основном количественное). Однако относительно малое количество исследованных предметов и особенно их типологическое различие пока не позволяют уточнить этот вопрос, связанный прежде всего с использованием рудных источников и, конечно, с технологией производства в древности.

Безусловно, для различных изделий, даже при вполне определенном рецепте (который в тех условиях не всегда мог быть точно выдержан), использовались различные способы отливки, а главное, различные приемы обработки готовых изделий, оказывающие влияние на поведение отдельных примесей. Но наличие оловосодержащих сплавов и достаточно постоянный характер примесей предполагают использование одной из геологически близких рудных баз, что вместе с имеющимися данными о находках на Сапаллитепа остатков металлургического производства говорит о наличии собственного и к тому же хорошо развитого производства металлических изделий, включающего, очевидно, все стадии, от выплавки руд до обработки готовой продукции. Отсутствие данных металлографического исследования пока не позволяет говорить о примененных способах отливки и обработки.

Наличие в Сапаллитепа содержащих олово бронз свидетельствует прежде всего о появившихся в Средней Азии, точнее в Узбекистане, новых рецептах сплавов и об использовании собственных оловянных руд.

Дальнейшие раскопки этого, одного из уникальных в Узбекистане памятника и последующее систематическое химико-технологическое исследование находок, связанных с производством металлических изделий, позволит восстановить картину древнего ремесленного промысла в Сапаллитепа и его окрестностях, его связи с уже исследованными в Средней Азии памятниками, определить место этого памятника среди других, открыть новую страницу в истории изучения древней металлургии Узбекистана и Средней Азии в целом.

А. А. Аскарлов, И. В. Богданова-Березовская

ИСТОРИОГРАФИЯ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РЕСПУБЛИКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции в Средней Азии было и остается одной из важнейших задач марксистско-ленинской исторической науки в национальных республиках Советского Востока, имеющих большое познавательное, теоретическое, политическое и международное значение.

За полвека советская историография Октября в среднеазиатских республиках прошла большой и сложный путь от первых статей, в которых глубину исторического анализа заменяла публицистическая страсть, до крупных обобщающих монографий последних лет. В ходе этого изучения выросли кадры местных историков, овладевшие марксистско-ленинской теорией социалистической революции.

Основой марксистской историографии Средней Азии, в том числе историографии Октября, служит бессмертное теоретическое наследие великого Ленина. В. И. Ленин дал глубокое обоснование социально-экономических предпосылок революции, определил периодизацию ее развития, характер и движущие силы, разработал вопрос о создании и упрочении союза рабочих и крестьян, руководящей и направляющей роли Коммунистической партии, разработал ее национальную программу, выдвинул и обосновал теорию некапиталистического пути развития остальных стран к социализму, строительства национальной советской государственности народов нашей страны.

Коллективный разум партии, отраженный в документах ее съездов, конференций, Плenums ЦК КПСС, также является методологической основой исследований истории народов Средней Азии, в частности истории Октября. Плодотворное влияние на разработку этой проблемы историками Средней Азии оказала общесоюзная историография Октября.

Рассматривая развитие научных исследований в республиках Средней Азии по истории Октябрьской революции как неразрывную составную часть всей советской исторической науки, следует признать, что периодизация изучения этой проблемы в главных, определяющих чертах совпадает с периодизацией историографии Октябрьской революции в СССР в целом.

Первый этап изучения истории Октября охватывает 20 — середину 30-х годов, т. е. период перехода от капитализма к социализму, насыщенный острой борьбой на историческом фронте с враждебными ленинизму взглядами, в которых проявлялась идеология классового врага.

Особенностью становления историографии Октябрьской революции и гражданской войны в среднеазиатских республиках было то, что вначале местные советские историки имели слабую теоретическую и профессиональную подготовку, а так называемое академическое востоковедение не признавало закономерностей революции на Востоке. Надо было создать национальные кадры историков-марксистов, вести неуклонную борьбу с великодержавно-шовинистическими и буржуазно-националистическими извращениями истории народов Средней Азии, в том числе истории революции. Решающее слово в изучении истории социалистической революции в Туркестане принадлежало не старой востоковедческой науке, а первому поколению историков-марксистов, закалявшемуся в борьбе с буржуазной историографией.

Первый период не дал нам фундаментальных монографических исследований, но несмотря на недостатки и ошибочные положения исторической литературы тех лет, он имеет важное значение в развитии местной историографии Октября и гражданской войны. Нельзя судить о работах историков того времени с точки зрения современного уровня исторической науки. Они первыми начали работу по собиранию и сохранению документов революционной эпохи, воспоминаний живых участников революции и гражданской войны, первыми выступили против враждебных концепций истории социалистической революции, отдали много сил и энергии преподавательской и пропагандистской деятельности.

Осенью 1921 г. в Ташкенте был открыт Среднеазиатский рабоче-крестьянский коммунистический университет (1921—1932), сыгравший большую роль в подготовке, наряду с практическими работниками партийного и советского строительства в Средней Азии, научных кадров историков, главным образом из коренных национальностей. В стенах САКУ возник марксистский кружок (май 1922 г.), преобразованный в научную ассоциацию. Целью ее было сплочение историков-коммунистов для «научного исследования вопросов истории Туркестана, его экономики и культуры, изучения революционного движения, истории РКП»¹.

В сплочении кадров историков, сборе, систематизации и публикации источников и воспоминаний, проведении первых научных исследований по истории Октябрьской революции в Средней Азии большую роль сыграла созданная летом 1921 г. Комиссия по изучению истории партии и революционного движения при ЦК КПТ (Истпарт)².

В 1923 г. Туркбюро Истпарта организовало издание первого исторического журнала в Туркестане — «Красная летопись Туркестана». В силу ряда обстоятельств вышла лишь одна книга журнала, где были опубликованы статьи, заметки, документы и воспоминания. Первые работы по истории революции и гражданской войны были рассчитаны на массового читателя, советских и партийных работников, учащуюся молодежь, слушателей совпартшколы и пропагандистских курсов.

Особо следует назвать первого ректора Туркестанского коммунистического университета, выдающегося большевика-пропагандиста С. Д. Муравейского, который оказал плодотворное влияние на развитие местной историографии Октября. В своих брошюрах и статьях³ он пытался с партийных позиций осветить важнейшие события того времени, но в его работах недооценивается роль местных трудящихся в революции, национально-освободительное движение представляется им как якобы единое движение во главе с национальной буржуазией и духовенством.

Ряд работ популярного характера, подготовленных Туркестанским Истпартом, был посвящен зарождению коммунистических организаций и победе Октября в Средней Азии⁴. Первую попытку показать роль рабочих и солдатских масс в назревании революционного кризиса предпринял Л. Резцов⁵.

В 20-х годах появляется историческая литература и на местных языках. Писатель и общественный деятель, участник освободительного движения в Бухаре Садриддин Айни опубликовал на узбекском языке «Материалы по истории бухарской революции» (М., 1926). Выходят в свет работы Файзуллы Ходжаева⁶.

Первые работы об Октябрьской революции в Средней Азии показывают слабое знакомство их авторов с трудами В. И. Ленина; почти не использован материал о формировании национального пролетариата, его участия в революционной борьбе; слабо отражена была деятельность местных партийных организаций, особенности их тактики в период подготовки и победы Октября. Узка была источниковедческая база первых работ, они изобиловали фактическими неточностями, не ставили крупных научных проблем. Сказывались малочисленность научных кадров, их теоретическая неподготовленность, недостаточно высокий профессиональный уровень. Тем не менее их труды имели немаловажное значение в развитии местной историографии Октябрьской революции в Средней Азии. Они были написаны по свежим следам событий и служат живыми свидетельствами тех незабываемых дней. Работы эти стали источниковедческой базой для первых обобщающих трудов.

С образованием национальных республик и автономных областей в составе Союза ССР в широких народных массах пробуждается интерес к познанию своей истории, растет политическое самосознание, ощущение значимости своих исторических судеб.

¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 103, оп. 1, д. 2, л. 1, 2, 222, 228—229.

² С 1 октября 1922 г. она была преобразована в Комиссию по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии Туркестана (Туркбюро Истпарта).

³ С. Д. Муравейский. Материалы по истории Октябрьской революции в Туркестане, Ташкент, 1922; его же. Из истории Коммунистической партии Туркестана, Коммунист. Ташкент, 1922, № 5—6, 7—8; его же. «Сентябрьские события» в Ташкенте в 1917 году, Пролетарская революция, 1924, № 10 (33); его же. Очерки по истории революционного движения в Средней Азии, Ташкент, 1926.

⁴ И. Солья. К истории КПТ, в сб. «Три года Советской власти», Ташкент, 1920; Туркестан и Октябрьская революция, Жизнь национальностей, 1921, № 24; Н. Борисов. Октябрь в Туркестане, Ташкент, 1922; А. Позднышев. Завоевания Октябрьской революции, Ташкент, 1922; Г. Скалов. Туркестан к пятой годовщине Октябрьской революции, Военный работник Туркестана, 1922, № 8—9, стр. 15—25.

⁵ Л. Резцов. Октябрь в Туркестане, Ташкент, 1927.

⁶ Файзулла Ходжаев. Бухоро икилобининг тарихига материаллар (К истории революции в Бухаре), Самарканд — Ташкент, 1926; К истории революции в Бухаре и национально-государственного размежевания в Средней Азии, Ташкент, 1932; см.: Ф. Ходжаев. Избранные труды, т. I, Ташкент, 1970.

Это способствовало развитию исторической науки и местной историографии Октябрьской революции.

В ходе культурного строительства развиваются старые и создаются новые учебные заведения и научно-исследовательские учреждения. Основной кузницей местных национальных кадров специалистов, наряду с Туркестанским государственным университетом (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина) был Самаркандский государственный университет им. Алишера Навои.

Значительную работу по изучению Туркмении проводили отдел Истпарта при ЦК КП(б) Туркменистана и Историко-краеведческий комитет при ЦИК ТуркмССР, издававший в Ашхабаде журнал «Туркменоведение» (1927—1931). В 1928 г. в Киргизии были созданы Общество по изучению Киргизстана и Киргизский научно-исследовательский институт краеведения. В 1929 г. при СредазЭКОСО была организована Среднеазиатская ассоциация марксистских научно-исследовательских учреждений (СААНИУ), объединявшая среднеазиатских историков и специалистов по другим общественным наукам. Усилил свою работу по сбору и публикации воспоминаний участников революционных событий Истпарт Средазбюро ЦК ВКП(б)⁷, преобразованный в апреле 1930 г. в Среднеазиатский научно-исследовательский институт истории революции (САНИИР).

Следует подчеркнуть, что первый период развития исторической науки в среднеазиатских республиках характеризуется острой идеологической борьбой с правым оппортунизмом и национал-уклонизмом, отражавшими яростное сопротивление байства и местной изпманской буржуазии курсу партии и Советской власти на социалистические преобразования края. Местная периодическая печать⁸ выступала с резкой критикой троцкистских и националистических извращений в исторической науке.

Изучение истории Октября в Средней Азии значительно активизировалось в связи с указаниями XV съезда партии (декабрь 1927 г.) о необходимости разработки научной истории партии и с принятием по инициативе А. М. Горького в июле 1931 г. постановления ЦК ВКП(б) о создании многотомной «Истории гражданской войны в СССР».

Работники САКУ им. В. И. Ленина, САНИИР организовали встречи с участниками революционных событий, записывали их воспоминания, изучали архивы, периодическую печать первых лет Советской власти. Большую работу по выявлению и сбору источников провели среднеазиатские архивные учреждения и краеведческие музеи. Были опубликованы новые сборники статей, документов, воспоминаний⁹.

До сих пор ценным трудом по истории установления и укрепления Советской власти в Туркестане остается книга видного партийного работника Д. И. Манжарид¹⁰. Хотя работа написана в форме воспоминаний, содержание ее выходит за рамки мемуаров. Автор на большом материале раскрывает руководящую роль партии в установлении и укреплении Советской власти в Туркестане, борьбу местных большевистских организаций с мелкобуржуазными партиями.

Рассматриваемый период в целом характеризуется заметным ростом советской исторической науки в национальных республиках Средней Азии. Были созданы научные учреждения, призванные изучать историческое прошлое среднеазиатских народов, в том числе историю революционного движения, борьбы за упрочение Советской власти. Историки Средней Азии настойчиво овладевали ленинским теоретическим наследием. Решительная борьба с троцкистскими и буржуазно-националистическими извращениями истории революции способствовала освобождению местной историографии от классово чуждых влияний.

Научные учреждения Москвы и Ленинграда оказывали большую помощь местным историкам в разработке важнейших проблем истории народов Советского Востока, воспитывали молодую смену научных кадров.

Таким образом, на первом этапе было положено начало изучению истории Октября в Средней Азии, собран, обработан и в известной степени научно обобщен большой конкретно-исторический материал, развернулась работа по формированию кадров историков-марксистов.

⁷ А. Мелькумов. Материалы революционного движения в Туркмении (1904—1919 гг.). Ташкент, 1924; Д. ж. Закиров. Ходжент в революции, Коммунистическая мысль, 1927, № 5; В. Гуща. Самаркандско-ростовцевский бой, в сб. «Революция в Средней Азии», вып. 2, Ташкент, 1929, стр. 194—196.

⁸ Журналы «За партию» (орган Средазбюро ЦК ВКП(б)), «Коммунистическая мысль» (орган Среднеазиатского коммунистического университета им. В. И. Ленина), «Революционный Восток» (орган научно-исследовательской ассоциации при КУТВ), «Партработник» (Ташкент) и др.

⁹ Воспоминания участников Октября и гражданской войны, красных партизан и красногвардейцев, вып. 1, М.—Ташкент, 1931; Д. И. Манжарид. Борьба за власть Советов, Ташкент, 1935; С. Субботин. Павел Полторацкий, М.—Ташкент, 1934, и др.

¹⁰ Д. И. Манжарид. Революционное движение в Средней Азии, 1905—1920 гг. Воспоминания, Ташкент, 1934.

С середины 30-х годов начинается **новый этап** развития исторической науки, продолжавшийся до середины 50-х годов. Он в основном совпадает с периодом упрочения и дальнейшего развития социалистического общества. В первый период этого двадцатилетия советская историческая наука окончательно утвердилась на идейных основах марксистско-ленинской концепции исторического процесса. Историография Октября в Средней Азии очищается от ошибочных концепций и становится на прочный фундамент марксистско-ленинской методологии.

Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школе» и ряд других решений партии и правительства (1934—1936 гг.) наделили историков страны на усиленную разработку вопросов отечественной истории, в частности истории народов СССР. Партия и правительство поставили перед советскими историками задачу создания таких учебников, которые отразили бы историю всех народов страны, в том числе Средней Азии.

В октябре 1932 г. Президиум ЦИК УзССР образовал Республиканский комитет по руководству научно-исследовательскими учреждениями (Комитет наук) для планомерной координации научно-исследовательской работы в Узбекистане и выбора наиболее актуальных проблем исследований. При Комитете наук был создан Институт языка, литературы и истории, который и приступил к подготовке сводного труда по истории Узбекистана.

Значительную роль в подготовке кадров историков сыграло расширение системы высшего образования в Средней Азии. При государственных университетах и педагогических вузах открывались исторические факультеты, начавшие сбор конкретного материала и на его основе систематическое изучение закономерностей исторического развития народов Средней Азии. В научный оборот вводятся новые исторические факты, почерпнутые из материалов местных архивов.

Вышедший в свет в 1935 г. первый том «Истории гражданской войны в СССР» сказал значительное влияние на среднеазиатскую историографию Октября. Историки, занятые этой проблемой, опирались в своих исследованиях на все положительные достижения этого коллективного труда. Вместе с тем они порой воспринимали и некоторые имевшиеся в нем необъективные толкования и ошибочные оценки¹¹.

Немногочисленные работы по историографии Октября в Средней Азии, появившиеся в довоенный период¹², свидетельствуют о ее становлении на прочный фундамент марксистско-ленинской методологии. От более ранних публикаций они отличались возросшим теоретическим уровнем, широтой постановки проблем, более четкими определениями движущих сил революции, расширением источниковедческой базы.

Подготовка обобщающих трудов по истории народов Средней Азии, начавшаяся в довоенные годы, интенсивно продолжалась в период Великой Отечественной войны и особенно в послевоенное время. Активное участие в этом деле коллективов историков научных учреждений Москвы и Ленинграда, эвакуированных в Среднюю Азию, благотворно сказалось на теоретическом уровне научных исследований, подготовке кадров среднеазиатских историков, постановке преподавания исторических дисциплин.

В годы войны на историографию Октября оказало влияние общее усиление внимания к изучению опыта ленинской национальной политики Коммунистической партии и Советского государства, исторических корней и идейных основ братской дружбы народов СССР.

Из работ этого периода следует особо отметить второй том «Истории гражданской войны в СССР», где в разделе «Средняя Азия» дан краткий обзор борьбы за власть Советов в крае от февраля до октября 1917 г., раскрыты особенности и трудности установления Советской власти в национальных районах страны. Вместе с тем эта книга не была лишена серьезных недостатков; многие события и факты, характеризующие обстановку перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, получили в ней неполное или ошибочное освещение.

В исследованиях послевоенных лет большое внимание начинает уделяться историческим закономерностям социалистической революции в Средней Азии как составной неразрывной части общероссийского революционного процесса. Революционные события освещаются в тесной связи с социально-экономическими условиями каждого района, с выявлением местных особенностей различных этапов революции, показом активного участия трудящихся масс местных национальностей в борьбе за установле-

¹¹ См. об этом «Очерки по историографии советского общества», М., 1965.

¹² К. Житов, В. Непомнин. От колониального рабства к социализму, Ташкент, 1939; Р. Голубева. Великая Октябрьская социалистическая революция в Узбекистане, Исторический журнал, 1939, № 11; Б. Гафуров, Н. Прохоров. Падение Бухарского эмирата, Сталинабад, 1940; Азиз Ниалло. Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии, Фрунзе, 1941; Я. А. Чубуков. Революционная борьба в северных районах Киргизии (1917—1918 гг.), Фрунзе, 1941.

ние и упрочение Советской власти, руководящей роли партии, местных большевиков в этой борьбе¹³.

Большую помощь в расширении исследований, углублении разработки отдельных вопросов проблемы оказало издание сборников документов, посвященных событиям Великого Октября¹⁴. Несмотря на ряд упущений¹⁵, в них собрано и систематизировано много конкретных исторических данных, раскрывающих ход подготовки и проведения социалистической революции в Средней Азии, а также первые социалистические преобразования.

Существенным недостатком почти всех разработок этого периода было слабое освещение рабочего и особенно крестьянского движения коренного населения. В них преобладает общее декларативное признание активного участия местных трудящихся в революции, не раскрываются или лишь затрагиваются такие важные вопросы, как создание массовых демократических организаций местных трудящихся, социально-экономические предпосылки социалистической революции; не уделено достаточного внимания установлению Советской власти на местах, ее первым мероприятиям и особенностям развертывавшегося революционного процесса и т. д.

Но все эти отрицательные моменты не должны заслонять общепризнанных достижений советских историков того времени.

Третий этап изучения истории Октября в Средней Азии начинается с XX съезда КПСС и продолжается по настоящее время. Он совпадает хронологически с периодом развитого социалистического общества в СССР. Решения XX съезда КПСС вооружили наших историков боевой программой действий, способствовали подъему их творческой активности. Значительно расширилась источниковедческая база исследований: усилилась публикация работ В. И. Ленина, партийных и советских документов, науке стали доступны новые материалы архивов. Широко публикуется мемуарная литература, вводятся в научный оборот новые международные источники.

С середины 50-х годов появились первые работы, посвященные итогам научных исследований в области истории социалистической революции на Советском Востоке. К их числу принадлежат не только книги и статьи общего характера¹⁶, но и специальные историографические обзоры, вводные главы в монографиях, журнальные статьи¹⁷, содержащие анализ историографической литературы об Октябрьской революции в Средней Азии. К сожалению, в историографических работах общесоюзного характера литература по истории социалистической революции в среднеазиатских республиках не нашла должного отражения.

К середине 50-х годов в изучении истории Октябрьской революции и гражданской войны в Средней Азии были достигнуты значительные успехи. Была проделана серьезная работа по обогащению документальной базы научных исследований, положено начало комплексному, монографическому исследованию проблемы. Много науч-

¹³ А. Г. Зима. Киргизия в период Великой Октябрьской социалистической революции, Известия КиргФАН СССР, вып. VII, Фрунзе, 1947; О. Кулиев. Борьба туркменского народа за победу Советской власти, Большевик, Ашхабад, 1947, № 7 (на туркм. яз.); его же. Туркменистан в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, Ашхабад, 1953; К. Е. Житов. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане, Ташкент, 1949; его же. Установление Советской власти в Узбекистане, в сб. «Из истории Советского Узбекистана», Ташкент, 1956; Г. Непесов. Победа советского строя в Северном Туркменистане, Ашхабад, 1950; А. Ишанов. Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие революционного движения в Бухаре, Известия АН УзССР, 1951, № 6.

¹⁴ Революционное движение в Туркмении в 1908—1917 гг., кн. IV, Ашхабад — М., 1946; Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане, Ташкент, 1947; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане, Ташкент, 1947; Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Туркменистане, Ашхабад, 1954.

¹⁵ См. рецензии в журн. «Партийная жизнь», 1948, № 4; «Вопросы истории», 1953, № 11; 1955, № 5.

¹⁶ В. П. Шерстобитов, К. К. Орозалиев, Д. Ф. Винник. Очерки истории исторической науки в Советском Туркестане, Фрунзе, 1961, стр. 79—85; З. Ш. Раджабов. Развитие науки в Таджикской ССР, М., 1964, стр. 57—68; Р. Байджанов. Развитие марксистской исторической науки в Узбекистане (1917—1924), Ташкент, 1962, стр. 3—44, 80—106 (на узб. яз.).

¹⁷ К вопросу о научной разработке истории Октябрьской социалистической революции в Туркестане, Известия АН УзССР, серия общественных наук, 1957, № 4, стр. 63—79; В. Я. Непомини. К вопросу изучения проблемы некапиталистического пути развития в советской исторической литературе, Труды САКУ им. В. И. Ленина. Новая серия, вып. 139. Исторические науки, кн. 27, Ташкент, 1958, стр. 53—78; А. А. Росляков. Большевики Туркменистана в борьбе за власть Советов, Ашхабад, 1961, стр. 5—42.

ных работ вышло в свет к 40-летию Октября. Но особенно активизировалась работа историков в последнее десятилетие. Важным стимулом в оживлении ее стали подготовка к 50-летию Октябрьской революции и Ленинскому юбилею.

В республиках Средней Азии вышло в свет несколько десятков публикаций источников. Здесь в первую очередь следует назвать сборники «В. И. Ленин о Средней Азии и Узбекистане» (Ташкент, 1957); «В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане» (Ташкент, 1960); «Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана (1918—1924 гг.)» (Ташкент, 1958, второе доп. изд. — 1968); «Союз рабочего класса и трудового хедаяства Туркестана в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917—1920 гг.)» (Ашхабад, 1957); «Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917—1936 гг.)» (М., 1971).

Фундаментальный свод документальных источников по истории Октябрьской революции в Узбекистане представляет собой предпринятое Институтом истории АН УзССР, Институтом истории партии при ЦК КПУз и Архивным управлением УзССР 2-томное издание «Победа Октябрьской революции в Узбекистане» (Ташкент, т. I, 1963; т. II, 1972). В сборник вошло 1310 документов, в большинстве своем впервые введенных в научный оборот. Документы отобраны из центральных и областных архивов, местной периодической печати на русском и узбекском языках, сборников документов, воспоминаний и т. д.

Первый том сборника — «Установление Советской власти в Узбекистане» (26 февраля — 27 ноября 1917 г.) — отражает объективные предпосылки революции. Он содержит документы о деятельности Советов рабочих депутатов, профсоюзов, о росте массового забастовочного движения в Туркестане, создании Союза рабочих мусульман и Совета мусульманских депутатов. Второй том — «Развитие социалистической революции и укрепление Советской власти в Узбекистане» (ноябрь 1917 — октябрь 1918 г.) — характеризует развитие социалистической революции на местах, первые социалистические преобразования в экономике и культуре Узбекистана.

В сборнике отражена руководящая роль местных большевистских организаций, показано, что гегемоном социалистической революции в Узбекистане был рабочий класс; прослеживается процесс революционирования солдатских масс, их участие в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Ташкенте. Эта публикация окажет существенную помощь советским историкам в борьбе против фальсификаторских концепций реакционной зарубежной историографии, ревизионистски извращающей историю Октября в Узбекистане.

Ценными источниками явились изданные в среднеазиатских республиках сборники воспоминаний участников Октябрьской революции¹⁸, а также журнальные публикации.

Сектор истории Октябрьской революции и гражданской войны АН УзССР разработал хронику событий Октябрьской революции в Узбекистане¹⁹. Это первый опыт в республике самостоятельного издания подобной научно-исследовательской литературы по истории Октября. Используя предшествующий опыт подготовки хроники революционных событий 1917 г. в Средней Азии, а также всесоюзной хроники (издание Института истории АН СССР), составители ввели в научный оборот много свежего исторического материала, в частности, о стачечной борьбе в феврале — ноябре 1917 г., деятельности местных Советов, антинародной политике Туркестанского комитета Временного правительства. В настоящее время рекомендован к печати II том «Хроники событий Октябрьской революции в Узбекистане (ноябрь 1917 — июнь 1918 г.)».

Для среднеазиатской советской историографии Октября последних лет характерны некоторые общие тенденции, свойственные всей исторической литературе, посвященной Октябрьской революции.

Во-первых, — монографическое изучение проблемы, более глубокий подход к исследованию узловых вопросов, базирующийся на источниках, зачастую впервые вводимых в научный оборот.

Во-вторых, — использование богатейшего ленинского теоретического наследия и широкое привлечение нового фактического материала, в частности историко-партийного, что позволило более аргументированно раскрыть роль партии в создании политической армии социалистической революции. В этой связи большое внимание уделено деятельности местных Советов, фабзавкомов и профсоюзов, революционно-демократиче-

¹⁸ Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане. Воспоминания участников, Ташкент, 1957; Воспоминания участников революционных событий и гражданской войны в Киргизии, Фрунзе, 1957; За Советский Туркменистан (1917—1920 гг.). Воспоминания участников революции и гражданской войны, Ашхабад, 1963; Помнят древние стены... Сборник воспоминаний, Ташкент, 1970.

¹⁹ Хроника событий Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане (февраль — ноябрь 1917 г.), Ташкент, 1962.

ских организаций местных трудящихся, показу решающей роли рабочих и их организаций в победе революции.

В-третьих,— глубокое изучение объективных и субъективных предпосылок Октябрьской революции в национальных районах, исторической закономерности и обусловленности социалистического пути развития для бывших колоний царской России. Здесь узловыми вопросами явились социально-экономическое положение Средней Азии как колонии царской России в эпоху империализма; классовая борьба народных масс против империализма и «своих» эксплуататоров; развитие революционного движения и распространение марксистских идей; создание и деятельность партийных организаций; складывание союза рабочего класса Центральной России и национального крестьянства окраин в ходе трех революций; создание единого фронта пролетарской революции и антиимпериалистического национально-освободительного движения.

В-четвертых,— более широкое освещение различных направлений в национальном движении, раскрытие сложности борьбы за переход трудящихся масс национальных окраин на сторону революции.

В-пятых,— стремление исследовать не только ход революционных событий, но и социально-экономические и культурные преобразования, осуществленные в результате победы революции.

В-шестых,— усиленное внимание к вопросам источниковедения и историографии, в частности к борьбе с современной зарубежной буржуазной историографией, фальсифицирующей историю Октября в Средней Азии.

Первой попыткой разработки истории Октябрьской революции в Средней Азии на уровне современных требований науки явились главы в коллективных сводных трудах по истории среднеазиатских республик эпохи социализма²⁰. В них освещался общий ход революционных событий от февраля 1917 г. до мая 1918 г.; в основном правильно отражены этапы Октябрьской революции на окраинах; обобщены результаты исследования частных вопросов, достигнутые к тому времени. Но эти разделы не были еще свободны от недостатков и пробелов, ставших очевидными в свете новых задач, поставленных Коммунистической партией перед общественными науками. Так, во II томе «История Узбекской ССР» глава об Октябрьской революции наряду с известными положительными сторонами несет отпечаток догматического подхода к явлениям исторической действительности: преобладание фактологии без достаточно глубокого теоретического анализа исторических фактов; неконкретное освещение вопроса о союзе рабочего класса и крестьянства в период Октября; поверхностная трактовка предпосылок социалистической революции, участия дехканских масс в революционных событиях.

Не лучше обстояло дело с аналогичными главами в «Истории Туркменской ССР». Здесь слабо освещалась история местных большевистских организаций; имелся ряд неточностей и декларативных заявлений, не подтвержденных фактами; отсутствовал глубокий анализ дайханского движения; не показано, как в условиях Закаспия осуществлялись три основных лозунга партии по крестьянскому вопросу.

Не лишена некоторых недостатков и I глава III тома «Истории таджикского народа»²¹; излишняя краткость изложения, неточность выводов и фактов и т. д.

Большинство отмеченных недостатков было устранено в новых, дополненных и переработанных изданиях истории среднеазиатских республик, осуществленных в последние годы²².

Разработка проблем Великой Октябрьской социалистической революции в Средней Азии была продолжена в монографиях, вышедших в свет со второй половины 50-х годов²³. Это результат глубоких научных изысканий на базе изучения большого числа

²⁰ История Узбекской ССР, т. II, Ташкент, 1957; История Туркменской ССР, т. II, Ашхабад, 1957; История Киргизии, т. II, Фрунзе, 1956.

²¹ История таджикского народа, т. III, кн. I, М., 1964.

²² История Узбекской ССР. Том третий, Ташкент, 1967; История Киргизской ССР, т. 2, кн. I, Фрунзе, 1967; История Советского Туркменистана, ч. I, Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма (1917—1937 гг.), Ашхабад, 1970.

²³ К. Е. Житов. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане, Ташкент, 1957; И. К. Додонов. Победа Октябрьской революции в Туркестане, Ташкент, 1958; Х. Ш. Иноятов. Октябрьская революция в Узбекистане, Ташкент, 1957 (на узб. яз.); е го же. Октябрьская революция в Узбекистане, М., 1958; е го же. Победа Советской власти в Узбекистане, Ташкент, 1967; В. П. Харин. Великая Октябрьская социалистическая революция в Узбекистане, Ташкент, 1958; Ш. Ташлиев. Установление и упрочение Советской власти в Туркестане, Ашхабад, 1957; М. Языкова. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Западном Туркменистане (1917—1920 гг.), Ашхабад, 1957; А. А. Росляков. Большевики Туркменистана в борьбе за власть Советов, Ашхабад, 1961; е го же. Победа Великой Октябрьской революции и установление Советской власти в Закаспии, в кн.

источников. Для среднеазиатской историографии последних лет характерна тенденция к выделению своих республик из более обширных регионов. Если в 20—40-х годах историки исследовали ход революционных событий в пределах всего Туркестана, то в 50—60-х годах наблюдается стремление к рассмотрению истории социалистической революции в пределах границ среднеазиатских республик, что позволило глубже выявить специфику отдельных национальных районов.

Все монографии по истории Октября, написанные за последнее десятилетие, объединяет общее стремление выявить во всех подробностях ход революционных событий на территории каждой национальной республики, широко отразить политическую активность рабочих и крестьянской бедноты коренных национальностей, осветить деятельность местных большевистских организаций в период подготовки и победы Октября. В зависимости от целевых установок авторов эти вопросы решаются с различной степенью детализации: в одних больше внимания уделено этапу перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (К. Е. Житов, В. П. Харин, А. Г. Зима), в других — самому процессу установления Советской власти и борьбе за ее упрочение, осуществлению первых революционных преобразований, участию местных трудящихся в революционных событиях (Х. Ш. Иноятов, М. Языкова). Некоторые авторы сосредоточили главное внимание на изучении истории возникновения и роли местных большевистских организаций, росте их влияния на массы в борьбе за победу революции и упрочение Советской власти (А. А. Росляков, Г. П. Макарова, К. Мухаммедбердыев).

В совокупности опубликованные монографии дают цельную и правильную картину революционных процессов, происходивших на огромной территории от Оренбурга до Каспия, от Памира до Памира. Достоинством этой литературы следует считать выявление исторических особенностей подготовки и победы революции на восточных окраинах России, вытекающих из их социально-экономической отсталости и колониального положения. В частности, более глубокое освещение получили политическая дифференциация в национальном движении, активное участие в революционных событиях узбекской, туркменской, киргизской, таджикской и каракалпакской бедноты, создание ее первых классовых организаций (Советов рабочих мусульманских депутатов, профсоюзов, союзов трудящихся мусульман и т. п.).

В обобщающих монографиях впервые предпринята попытка показать социалистическую революцию в отдельных районах как составную часть Великого Октября, подготовленного всем объективным ходом исторического развития страны в эпоху империализма. Вместе с тем во всех монографиях подчеркивается, что важнейшим и непреходящим условием победы и упрочения Советской власти в Средней Азии явилась ведущая роль и всесторонняя помощь русского рабочего класса, возглавляемого партией большевиков, победоносное вооруженное восстание в Петрограде.

Плодотворной была разработка истории народных советских революций в Хорезме и Бухаре как следствия внутреннего социально-экономического и политического развития ханств и прямого результата могучего воздействия Великого Октября.

В последнее время достигнуты значительные успехи в изучении народно-демократических революций в Хорезме и Бухаре²⁴. В прошлом исследования по этой проб-

«История Советского Туркменистана», Ашхабад, 1970; Г. Непесов. Великий Октябрь и народные революции 1920 г. в Северном и Восточном Туркменистане, Ашхабад, 1958; Т. Р. Каримов. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Северном Таджикистане, Сталинабад, 1957; его же. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и решение аграрного вопроса в Таджикистане, ч. 1, Душанбе, 1968; Г. Х. Хайдаров. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Северном Таджикистане 1917—1923 гг., Душанбе, 1966; М. И. Иркаев. Установление и упрочение Советской власти в Таджикистане, Душанбе, 1966; А. Г. Зима. Киргизия накануне Октябрьской социалистической революции, Фрунзе, 1950; его же. Победа Октябрьской революции в Киргизии, Фрунзе, 1966; Я. М. Досумов. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Каракалпакии, Ташкент, 1958; его же. Очерки истории Каракалпакии (1917—1963 гг.), т. 2, Ташкент, 1964.

²⁴ А. И. Ишанов. Создание Бухарской Народной Советской Республики (1920—1924 гг.), Ташкент, 1955; его же. Бухарская Народная Советская Республика, Ташкент, 1969; Г. П. Макарова. Борьба Бухарской Коммунистической партии за установление Советской власти в Бухаре, в сб. «Великий Октябрь», М., 1958, стр. 483—512; К. Б. Мухаммедбердыев. Коммунистическая партия в борьбе за победу народной советской революции в Хорезме, Ашхабад, 1959; его же. Руководство Коммунистической партии процессом развития Хорезма к социализму (1920—1924 гг.). Автореферат докторской диссертации, М., 1968; его же. В. И. Ленин и победа народных советских революций в Хорезме и Бухаре; в сб. «В. И. Ленин и Туркменистан», Ашхабад, 1969; Г. Непесов. Из истории Хорезмской революции (1920—1924 гг.), Ташкент, 1962; его же. Роль трудящихся Каракалпакии в Хорезмской народной советской

леме отличались недостаточно глубоким анализом характера и движущих сил революций, классовой сущности государственной власти, установленной в Бухаре и Хорезме после свержения реакционных режимов. В них допускались ошибки в оценке джадидизма, недооценивалась организующая и направляющая роль Коммунистической партии в победе народных революций. Дальнейшее изучение привело историков к единой оценке революций в Хорезме и Бухаре, как народно-демократических, антифеодальных и антимпериалистических, как прямого следствия победы Октябрьской революции. При этом авторы подчеркивают, что эти народные революции победили под руководством Коммунистической партии.

Многое сделано исследователями для разработки конкретных вопросов проблемы. В своих новых работах А. И. Ишанов дал глубокий анализ предпосылок Бухарской революции 1920 г., социальной базы «младобухарцев» и условий создания их временного блока с Коммунистической партией Бухары. Г. Макарова исследовала роль БКП в мобилизации городской и кишлачной бедноты на борьбу против эмирата. Историками и правоведами осуществлен анализ революционно-демократических преобразований и некапиталистического пути развития Бухарской и Хорезмской НСР. В трудах К. Мухаммедбердыева и Г. Песнева освещаются предпосылки, характер и особенности основных этапов революции 1920 г. в Хорезме.

При изучении истории Бухарской и Хорезмской народных революций особо подчеркивается роль местных коммунистических организаций в победе революций и переходе от революционно-демократического этапа к социалистическому; раскрываются задачи и сущность этих революционных этапов, классовая природа народно-демократического строя в Бухаре и Хорезме; конкретно освещается помощь РКП(б) Бухарской и Хорезмской Компартия в правильной разработке революционной тактики. Исследователи делают попытку на конкретном историческом материале показать, как создавались предпосылки для перехода от демократической диктатуры революционного народа к диктатуре пролетариата, раскрыть характерные черты народно-демократического государства переходного типа.

В ознаменование 50-летия Бухарской и Хорезмской революций 1920 г. в Бухаре и Хиве в 1970 г. проводились объединенные научные сессии академий наук Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР совместно со Среднеазиатской секцией Научного Совета АН СССР, Институтом истории партии при ЦК КПУз, Бухарским и Хорезмским ГПИ. Сессии продемонстрировали значительные успехи, достигнутые в изучении Бухары и Хорезма дореволюционного и советского периодов. Наиболее обстоятельно изучены предпосылки, движущие силы и характер народных советских революций, международное значение их исторического опыта, роль и значение Октябрьской революции и помощи Советской России в переходе Бухары и Хорезма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Проведение этих сессий способствует дальнейшему развитию историографии Бухарской и Хорезмской НСР.

Таким образом, среднеазиатские историки Октября проделали большую положительную работу, хотя отдельные труды не лишены известных пробелов и недостатков. Здесь следует прежде всего указать на декларативность многих важных выводов, не подкрепленных анализом всей совокупности исторических фактов. Это относится к освещению объективных и субъективных предпосылок революции, складывания союза рабочего класса метрополии с национальным крестьянством, временного революционного блока местных большевиков с левыми эсерами, возникновения местных организаций этой мелкобуржуазной партии и ее социальной базы в условиях колониальной окраины.

Первая плодотворная попытка проанализировать взаимоотношения большевиков Зякасия с левыми эсерами сделана А. А. Росляковым в указанной выше монографии (стр. 147, 220, 225, 259—260), но этот вопрос нуждается, на наш взгляд, в более глубоком и тщательном изучении. Об этом свидетельствует и книга П. П. Никишова «Из истории краха левых эсеров в Туркестане» (Фрунзе, 1965), где вопрос о временном

революции 1920—1924 гг., Нукус, 1964; К. А. Гафурова. В. И. Ленин и некоторые особенности строительства социализма на Советском Востоке, Вопросы истории, 1963, № 8; Х. Ш. Иноятов, Д. А. Чугаев. Победа народной революции и образование народных советских республик в Хорезме и Бухаре, История СССР, 1966, № 2; и х же. Победа советских республик революций и создание народных советских республик в Хорезме и Бухаре, в кн. «История национально-государственного строительства в СССР», М., 1968; Х. Ш. Иноятов. Революционно-демократические и социалистические преобразования в ХНСР, Общественные науки в Узбекистане, 1970, № 2, стр. 35—45; е го же. Народно-демократический строй БНСР как предпосылка перехода к социализму, Общественные науки в Узбекистане, 1970, № 8, стр. 26—31; Б. И. Искандаров. Бухара (1918—1920 гг.), Душанбе, 1970; Ф. Ходжаев. Избранные труды, т. 1, Ташкент, 1970; История Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик, М., 1971; Великий Октябрь и победа народной революции в Хорезме, Ташкент, 1971

соглашении местных большевиков с левыми эсерами в период подготовки и победы Октября не получил достаточно полного освещения.

В монографиях еще слабо раскрыты аграрные отношения в национальной деревне, ее социальный состав, трудности завоевания крестьянских масс на сторону пролетариата.

Вместе с тем появление обобщающих монографий по истории Октября в Средней Азии знаменовало новый подход к разработке проблемы в целом и способствовало дальнейшему развитию научно-исследовательской работы не только в плане расширения географического диапазона (изучение революционных процессов в отдельных областях, городах, уездах), но и в смысле детализации и углубления самой проблематики монографического изучения истории Октября.

Для последних лет характерно укрепление сотрудничества целых научных коллективов (внутри республик и между ними) в совместной разработке истории Октября в Средней Азии. Появилось много коллективных монографий, сборников документов и воспоминаний. Проблематика исследований обогатилась работами историко-партийного характера, трудами о претворении в жизнь ленинской национальной политики, очерками о выдающихся партийных, государственных и военных деятелях революции.

Организационным центром совместной разработки важнейших проблем Октябрьской революции и гражданской войны в Средней Азии и Казахстане стала созданная в апреле 1962 г. Среднеазиатская секция Научного Совета АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция». Секция координирует совместную работу историков этих республик, активно участвует в подготовке высококвалифицированных научных кадров, организует широкое общественное обсуждение актуальных проблем, а также монографических трудов и диссертаций. Одна из важнейших задач секции — оказание помощи вузам и научным учреждениям братских республик в разработке актуальных вопросов истории Октябрьской революции и гражданской войны²⁵.

Не имея возможности охарактеризовать здесь всю обширную литературу последних лет, остановимся лишь на состоянии научной разработки некоторых аспектов проблемы.

С середины 50-х годов активизировалась работа по созданию очерков истории Коммунистических партий союзных республик институтами истории партий при ЦК Компартий среднеазиатских республик²⁶. Отдельные главы очерков посвящены деятельности большевистских организаций в период подготовки и победы Октябрьской революции, борьбе местных большевиков за упрочение Советской власти. Разработке историко-партийной тематики периода Октябрьской революции способствовали и труды по истории местных большевистских организаций и групп, историко-биографические очерки, посвященные большевикам-ленинцам, революционным деятелям, организаторам масс в борьбе за победу Советской власти в Туркестане²⁷. Среди них примечателен большой сборник, подготовленный Институтом истории партии при ЦК КПУЗ²⁸, где впервые опубликованы очерки об А. Икрамове, Ф. Ходжаеве, Н. Ходжаеве, Н. Тюракулове, Ш. Ибрагимове, А. Фролове, Д. Манжаре, Р. Рахимбабаеве. В книге поме-

²⁵ Подробнее об итогах работы секции см.: Т. С. Яковичева. Среднеазиатской секции Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» — десять лет, *Общественные науки в Узбекистане*, 1972, № 8, стр. 59—63.

²⁶ Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана, Ашхабад, 1961; Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана, Душанбе, 1964; Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана, Ташкент, 1964; Очерки истории Коммунистической партии Туркестана, ч. 2, Ташкент, 1959; История коммунистических организаций Средней Азии и Казахстана, Ташкент, 1967.

²⁷ В. П. Харини. Возникновение большевистских организаций Туркестана (1917—1918 гг.), Труды ТашГУ, вып. 199. Исторические науки, кн. 40, Ташкент, 1962, стр. 22—29; его же. Сведения о возникновении сельских ячеек РКП(б) в Туркестане, *Коммунист Узбекистана*, 1961, № 12, стр. 57—60; А. К. Афанасьев. К вопросу об образовании Бухарской Коммунистической партии, Труды ТИИМСХ, вып. 21, Ташкент, 1962, стр. 65—97; У. Қасымов. Из истории мусульманских коммунистических организаций в Туркестане в 1919—1920 гг., Труды ТашГУ. Научные труды аспирантов, вып. 207, Ташкент, 1962, стр. 3—29; В. Г. Крылова. К вопросу о формировании самостоятельной большевистской организации в Ташкенте (март — июнь 1917 г.), Труды ТашГУ, вып. 199. Исторические науки, кн. 40, Ташкент, 1962, стр. 30—49; Н. С. Исхаков. Из истории установления Советской власти и создания коммунистических организаций в Наманганском уезде. Ученые записки Наманганского госпединститута, вып. III, Наманган, 1957, стр. 21—54; Мужественные борцы за дело коммунизма, сб. статей, Ташкент, 1957; Е. А. Деева, Л. М. Ланда. Памятники революционной славы, Ташкент, 1963.

²⁸ Революционеры — вожаки масс (славная плеяда коммунистов Узбекистана), Ташкент, 1967.

щены также переработанные и дополненные очерки о туркестанских комиссарах В. Д. Вотинцеве, В. Д. Фигельском, Н. В. Шумилове, собраны материалы о работе в Туркестане видного партийного деятеля Я. Э. Рудзутака.

Существенный вклад в разработку проблемы внесли и работы, посвященные изучению различных социальных потоков, слившихся в Октябрьской революции: рабочего, крестьянского, национально-освободительного движения, борьбы за мир. Из них наиболее разработанным в среднеазиатской историографии можно считать вопрос о рабочем движении: о роли пролетариата как гегемона революции, о деятельности массовых рабочих организаций, о борьбе рабочих с предпринимателями, рабочем контроле и забастовочном движении. Обращает на себя внимание ряд работ об участии в революционном движении в период от Февраля к Октябрю туркестанского пролетариата в целом и его отдельных отрядов — железнодорожников, горнорабочих, «тыловиков» и др.²⁹ Собран и обобщен большой конкретно-исторический материал о борьбе рабочего класса за 8-часовой рабочий день, за коллективные договоры, контроль над производством и распределением.

Но главное состоит в том, что исследователи теперь определяют объективную роль пролетариата не по его численному отношению к общему количеству населения, а по степени его организованности, революционной активности, связи с широкими трудящимися массами. Ведущая роль пролетариата подтверждается исследованием деятельности массовых рабочих организаций — Советов, фабзавкомов, профсоюзов.

Литература о Советах представлена монографическими работами, научными статьями и сообщениями³⁰. Важнейший результат исследований в этом направлении — убедительное подтверждение на обширном конкретном материале исторической правоты ленинского положения о применимости Советов как государственной формы диктатуры пролетариата к остальным районам России. Вместе с тем показаны особенности привлечения к революционной деятельности трудящихся ранее угнетенных национальностей. И все же образование и деятельность Советов рабочих мусульманских депутатов, процесс их слияния с Советами рабочих, солдатских депутатов освещены еще слабо. Вопрос о Советах в Средней Азии нуждается в основательном монографическом изучении, главным образом по линии исследования их численности, социального, партийного и национального состава, всестороннего освещения борьбы большевиков против меньшевиков и эсеров за преобладание в Советах.

Определенные успехи достигнуты в изучении истории среднеазиатского профсоюзного движения в период подготовки и победы Октября³¹.

Гораздо хуже обстоит дело с научной разработкой вопросов национально-освободительного и крестьянского движения в Средней Азии в период подготовки и победы Октябрьской революции. Недостаточно раскрыта на конкретном материале объективная основа союза российского пролетариата с национальным крестьянством Туркестана

²⁹ История рабочего класса Узбекистана, т. I, Ташкент, 1964; М. Ахунова. Победа Советской власти в Туркестане (роль ташкентских рабочих), Ташкент, 1957 (на узб. яз.); История рабочего класса Киргизстана, Фрунзе, 1966; История рабочего класса Советского Туркменистана (1917—1965 гг.), Ашхабад, 1969, и др.

³⁰ А. В. Макашев. Утверждение Советской власти в Центральном и Южном Таджикистане, Сталинабад, 1957; Г. Рашидов. Ташкентский Совет в борьбе за укрепление Советской власти, Ташкент, 1960; Д. М. Рудницкая. Из истории строительства Советов в Туркестане (1917—1920 гг.), Ташкент, 1964; Х. Ш. Иноятов. Укрепление Советской власти в Узбекистане, Ташкент, 1967 (на узб. яз.); Р. Нуруллин. Советы Туркестана в борьбе за победу Октября, *Общественные науки в Узбекистане*, 1967, № 10, стр. 25—31, и др.

³¹ М. Т. Аюпов. Профсоюзы Узбекистана в борьбе за построение коммунизма, Ташкент, 1959; Х. Мусин. Профсоюзы Советского Киргизстана, М., 1962; Х. Ш. Иноятов. Профсоюзы и фабзавкомы Средней Азии, в кн. «Рабочий класс и рабочее движение в России в 1917 г.», М., 1964, стр. 270—278; К. З. Фитерман. Участие профессиональных союзов в сентябрьских событиях 1917 г. в Ташкенте, *Ученые записки Ташкентского вечернего госпединститута*, вып. 17, 1961, стр. 77—99; А. Н. Набиев. Возникновение и деятельность профессиональных союзов Самаркандской области в 1917—1918 гг., *Труды Самаркандского госуниверситета*, вып. 125, 1963, стр. 3—25; Г. Р. Фашидов. Создание профсоюзов узбекских рабочих и бедноты Ташкента, *Известия АН УзССР. Серия общественных наук*, 1957, № 4, стр. 61; К. Фазылходжаев. Возникновение и организационное оформление профессиональных союзов в Туркестане, *Известия АН УзССР. Серия общественных наук*, 1958, № 6, стр. 21—27; Н. В. Атамамедов. Очерки по истории профсоюзов Туркменистана в восстановительный период, Ашхабад, 1962; Л. М. Лянда. Из истории профдвижения в Туркестане, в кн. «Материалы по истории Узбекистана», Ташкент, 1963, стр. 51—68; его же. Главы I—III в «Очерках истории профсоюзов Узбекистана», Ташкент, 1967; Т. С. Ясковичева. Профсоюзы и фабрично-заводские комитеты Узбекистана в борьбе за Советскую власть, *Общественные науки в Узбекистане*, 1967, № 10, стр. 32—40.

на, социальное содержание этого союза на различных этапах революции. Кроме монографии П. Г. Галузо, посвященной анализу эволюции аграрных отношений и колониальной политики царизма в южных районах Казахстана³², можно указать лишь на работы К. Айнакулиева, А. А. Рослякова и Е. Н. Куприковой³³, в которых приводятся много данных о крестьянских выступлениях в туркменских районах летом и осенью 1917 г.

Некоторые результаты изучения национального движения после Февральской революции, позволившие выявить наличие в нем двух течений (национально-освободительного и буржуазно-националистического), не исчерпывают всей проблемы. Правда, появились общие работы, где дана правильная постановка вопроса о борьбе партии за привлечение национальных резервов социалистической революции³⁴. Кроме того, в некоторых трудах о формировании социалистических наций в Средней Азии и Казахстане исследуются оба лагеря национального движения и их воздействие на процесс консолидации наций.

В различных научных изданиях опубликован ряд статей, посвященных движению за мир, участию солдатских масс в борьбе за победу революции в Туркестане, борьбе Советского государства за выход из войны. Революционное движение в частях Туркестанского военного округа, роль революционных элементов в армии в подготовке и победе вооруженного восстания в Ташкенте и установлении Советской власти в других городах Средней Азии стали предметом обстоятельного исследования Д. И. Сойфера³⁵. Автор приводит ценные сведения о совместной революционной борьбе солдат и рабочих, в которой находил свое выражение союз рабочего класса с крестьянством и трудовым казачеством. Заслуживает продолжения его попытка выяснить социальный состав частей и гарнизонов Туркестанского военного округа. Еще слабо освещены деятельность военных организаций РСДРП(б) в войсках Туркестанского военного округа, борьба большевиков за влияние в воинских частях; не показана борьба с контрреволюционными военными организациями («Союз офицеров-республиканцев», «Союз георгиевских кавалеров» и др.).

Серьезный сдвиг за последние годы произошел в изучении исторических предпосылок Великого Октября. В среднеазиатской историографии Октября этот вопрос также занял одно из первостепенных мест³⁶.

В современной борьбе коммунистической и буржуазной идеологий прямым долгом советской исторической науки был и остается боевой, наступательный отпор фальсификаторам истории. Среднеазиатские историки ведут систематическое разоблачение современной реакционной историографии, выступая против антинаучного освещения истории Октябрьской революции³⁷. В их статьях и книгах содержится не только крити-

³² П. Г. Галузо. Аграрные отношения на юге Казахстана (1867—1914 гг.), Алма-Ата, 1965.

³³ См., напр., Е. Н. Куприкова. Союз русского рабочего класса и туркменского трудового дехканства в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917—1920 гг.), Ашхабад, 1960.

³⁴ Д. Поляков, А. Фурсова. Партия и национальные резервы Октябрьской революции, М., 1958.

³⁵ Д. И. Сойфер. Солдатские массы в борьбе за власть Советов в Туркестане (март — ноябрь 1917 г.), Ташкент, 1958; е го же. Революционное движение солдат в Туркестане (1903—1918 гг.), Ташкент, 1969.

³⁶ Подробнее см.: Е. Г. Гимпельсон, А. П. Шелюбский. О предпосылках и особенностях Великой Октябрьской социалистической революции в Средней Азии, История СССР, 1959, № 5; К. Усенбаев. Революционное движение в Киргизии накануне Октябрьской революции, Фрунзе, 1965; М. Бабаханов. Политическое пробуждение масс накануне Октябрьской революции, Душанбе, 1966; И. Юсупов. Душанге в борьбе за власть Советов в Туркестане, Фрунзе, 1967; А. М. Юлдашев. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX в.), Ташкент, 1969.

³⁷ Т. Н. Жданко. Демагогические измышления и историческая правда, Советская этнография, 1958, № 4, стр. 134—141; Е. Кривский. Извращение ленинской национальной политики Коммунистической партии в Средней Азии в книге Карроу «Советская империя», Труды Института истории партии при ЦК КП Туркменистана, т. III, Ашхабад, 1959, стр. 71—86; X. Ш. Иноятв. Против фальсификаторов истории Советской Средней Азии, Общие вопросы науки в Узбекистане, 1961, № 1, стр. 25—32; е го же. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана, Ташкент, 1962; е го же. Критика современных буржуазных фальсификаторов политики интернационализма и дружбы народов, Ташкент, 1970 (на узб. яз.); е го же. Опровергается фактами. О попытках фальсификации истории советских республик Средней Азии, Дружба народов, 1971, № 5; е го же. Факты опровергают, Звезда Востока, 1972, № 3, стр. 159—168; Г. А. Хидоятв. Современная английская и американская буржуазная литература о Великой Октябрьской революции и гражданской войне в Туркестане, История СССР, 1961, № 3, стр. 198—219; е го же. Правда против лжи, Ташкент, 1964;

ка тех или иных искажений истории социалистической революции и современного положения Средней Азии, но и вскрываются политические и идеологические корни буржуазной фальсификации, ее тесная связь с идеологией колониализма, с апологетикой капитализма как якобы неизбежного строя и единственно приемлемого пути для слаборазвитых стран. Вместе с тем разоблачается фальсификация источников буржуазными историками, замачивание ими достижений советской исторической науки в национальных республиках.

Благодаря объединению усилий историков среднеазиатских республик под руководством Научного Совета АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция», его председателя И. И. Минца и секции по Средней Азии и Казахстану удалось создать капитальное коллективное монографическое исследование — «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане» (Ташкент, 1967), один из томов общесоюзной серии по истории Октябрьской революции. Этот труд, впитавший в себя важнейшие достижения советской историографии Октября, получил высокую оценку общественности²⁶.

В монографии, написанной на основе анализа и обобщения богатого фактического материала, исследованы закономерности объективно сложившегося союза социалистического движения пролетариата России и национально-освободительной борьбы народов Средней Азии и Казахстана; освещен ход подготовки и победы революции в Средней Азии и Казахстане; показаны специфические черты этого процесса, трудности, стоявшие здесь на пути установления и упрочения Советской власти; значение Октябрьской революции для дальнейшего исторического развития этих народов по некапиталистическому пути.

Октябрьская революция в Средней Азии и Казахстане рассматривается в книге как органическая составная часть революционного процесса по всей стране, что определяется однородностью социально-экономических предпосылок революции, ее движущих сил, ее гегемона. При этом рельефно очерчена организующая, мобилизующая и руководящая роль большевистской партии в победе Октября. В специфических условиях Средней Азии и Казахстана прослежен рост революционного движения рабочих, крестьян и солдат, национально-освободительного движения в период мирного развития революции.

На достаточно высоком теоретическом уровне авторами тома изучен период созревания революционного кризиса; широко и подробно исследован вопрос о сентябрьских событиях в Ташкенте и борьбе большевиков за массы; творчески решен вопрос о движущих силах революции, условиях, порождающих своеобразную расстановку этих сил; специально рассмотрен вопрос о роли левых эсеров в революции и т. д.

В книге хорошо исследовано состояние Советов, вскрыта роль профсоюзов, фабзавкомов и других массовых организаций. Значительное место отведено борьбе за упрочение Советской власти в Средней Азии и Казахстане; показаны своеобразие и в то же время тесная связь местных событий с событиями в Центре; подробно описаны и первые революционные преобразования, дальнейшее развитие революции. В свете последних достижений исторической науки рассматривается вопрос о победе Советской народной власти в Хорезме и Бухаре.

В работе сделан также подробный историографический анализ изучения истории Октябрьской революции в Средней Азии, обобщены его важнейшие результаты.

Партия и правительство проявляют большую заботу о развитии исследований по истории Октябрьской революции и гражданской войны в республиках Средней Азии. Еще в январе 1959 г. в Институте истории АН УзССР был создан сектор истории Октябрьской революции и гражданской войны, призванный обобщать достижения среднеазиатских историков и детальнее разрабатывать отдельные вопросы истории Октября в Узбекистане.

Сотрудники сектора совместно с другими научными коллективами республик Средней Азии и Казахстана приняли активное участие в создании монографии «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане», двухтомной публикации «Победа Октябрьской революции в Узбекистане», в переиздании «Истории Узбекской ССР», издании II тома «Истории Самарканда» (Ташкент, 1970).

Разработка тематики сектора в последнее время конкретизировалась на изучении таких проблем, как национальный вопрос и национальное движение в Узбекистане в

К. Н. Новоселов. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии, Ашхабад, 1962; А. Каррыев, А. А. Росляков. Клевветник и невежда под маской ученого (о книге Б. Ханта «Туркестан в XX столетии»), Ученые записки Туркестанского госуниверситета им. А. М. Горького, вып. 21, Ашхабад, 1962, стр. 267—282; Д. А. Рзаев. О фальсификаторах истории Советской Средней Азии, Фрунзе, 1962, и др.

²⁶ См.: «Правда», 22 ноября 1967 г.; «Коммунист Узбекистана», 1967, № 10; «Коммунист Таджикистана», 1968, № 1 (на тадж. яз.); «Правда Востока», 27 октября 1967 г.; «Совет Узбекистана», 19 октября 1967 г. (на узб. яз.); «Советская Киргизия», 14 ноября 1967 г., и др.

период подготовки и победы Октября; деятельность Компартии Узбекистана по утверждению принципов пролетарского интернационализма, укреплению дружбы народов нашей страны; роль союза трудового дехканства с рабочим классом, его экономические и политические основы. В 1970 г. сектором завершена разработка двух крупных коллективных монографий — «Национальный вопрос и национальные движения в Узбекистане в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции» и «Союз рабочего класса и трудового дехканства Узбекистана (1917—1924 гг.)».

В настоящее время сотрудники сектора совместно с Архивным управлением УзССР и Институтом истории партии при ЦК КПУз впервые приступили к подготовке сборников документальных материалов по истории Бухарской и Хорезмской НСР (1917—1924).

Таким образом, 55-летие Великого Октября и полувековой юбилей Союза ССР историки среднеазиатских республик встречают значительными успехами в изучении истории Октябрьской революции в Средней Азии. Вместе с тем имеется ряд вопросов, требующих более детального и глубокого изучения, — аграрное движение в Средней Азии и отдельных республиках в период от Февраля к Октябрю; возникновение и развитие двух потоков в национальном движении в период подготовки и проведения социалистической революции; союз рабочего класса и трудового крестьянства республик Средней Азии; социальное содержание его на различных этапах революции.

Историками среднеазиатских республик накоплен большой опыт коллективных работ. Всесторонне используя и принципиально оценивая его результаты, необходимо подготовить капитальный коллективный труд по истории народных революций в Средней Азии. Надо глубже показать образование и деятельность местных Советов, особенно Советов рабочих мусульманских депутатов, объективную роль борьбы между трудом и капиталом в подготовке политической армии социалистической революции, а также ее субъективных факторов.

Глубокое и всестороннее исследование этих и других вопросов явится важным вкладом в дальнейшее развитие историографии Октябрьской революции не только в Средней Азии, но и по СССР в целом.

Х. Ш. Иноятов.

МУНДАРИЖА

Октябрнинг 55 йиллиги ва СССРнинг 50 йиллигига

К. О. Оқилов. Совет Ўзбекистонда кадрлар тайёрлаш	3
К. Ҳасанов. СССРнинг ташкил топишида Туркистон халқлари вакиллари- нинг иштироки тўғрисида	16
О. С. Яцишина. Миллий тиллар тенг ҳуқуқлилиги ленинча принципнинг Ўз- бекистонда амалга оширилиши	19
Ш. З. Урозаев. Гражданларнинг ҳуқуқий тарбиясида юридик нормалар ста- биллигининг аҳамияти	23
К. Делокаров, Р. Шоназаров. Физика билими структурасининг си- фат ўзгариши	27
Г. А. Пугаченкова. Урта Осиё ва Эрон архитектурасининг ўзаро алоқаси ҳамда бир-бирига таъсири	33

Илмий ахборот

М. М. Маърупов. Урта Осиёда тўқимачилик машинасозлиги ривожланиши- нинг баъзи бир масалалари	37
С. Назаров. Урта Осиё партия ташкилотларига ВКП(б) Марказий Қомите- тининг атеистик ишлар бўйича раҳбарлиги тарихидан	39
Р. К. Каримов. «Қизил Шарқ» агитпоездининг Самарқанддаги фаолияти тўғрисида (1920—1921)	41
С. И. Гершович. 1905—1907 йилларда Туркистон революцион матбуотининг пролетар интернационализи ғояларини пропаганда қилиши	43
Е. А. Деева. Октябрда Ўзбекистонда ишчилар синфи ва саноат корхона- ларининг сони тўғрисида	46
Р. Г. Мукминова. XVI асрда Самарқандда ҳунарманд-мутахассислар тайёр- лаш	47
У. Тўйчиев. Арузда ритм ва ритмик элементлар	50
Э. А. Умаров. Навойнинг фразеологизмларини ўрганишга доир	54
И. Г. Фатеева. Таъқидий реализм мактабдаги миср ёзувчиларининг ҳикоя- ларида ижтимоий проблемалар	56
А. А. Асқаров, И. В. Богданова-Березовская. Сополлитера қишлоғи- нинг металл буюмлари (Кимёвий анализ натижалари)	59

Историография

Ҳ. Ш. Иноятов. Урта Осиё республикаларида Октябрь революцияси тари- хини ўрганиш	55

СОДЕРЖАНИЕ

К 55-й годовщине Октября и 50-летию СССР

К. А. Акилов. Подготовка кадров в Советском Узбекистане	3
К. Хасанов. Об участии представителей народов Туркестана в образовании СССР	15
О. С. Яцишина. Осуществление в Узбекистане ленинского принципа равноправия национальных языков	19
Ш. З. Уразаев. Значение стабильности юридических норм в правовом воспитании граждан	23
К. Делокаров, Р. Шаназаров. Качественные изменения структуры физического знания	27
Г. А. Пугаченкова. Архитектура Средней Азии и Ирана в связях и взаимодействиях	33

Научные сообщения

М. М. Магруппов. Некоторые вопросы развития текстильного машиностроения в Средней Азии	37
С. Назаров. Из истории руководства ЦК ВКП(б) атеистической работой среднеазиатских парторганизаций	39
Р. К. Каримов. О деятельности агитпоезда «Красный Восток» в Самарканде (1920—1921)	41
С. И. Гершович. Пропаганда идей пролетарского интернационализма революционной печатью Туркестана в 1905—1907 годах	43
Е. А. Деева. О численности рабочего класса и промышленных предприятий в предоктябрьском Узбекистане	46
Р. Г. Мукминова. Подготовка специалистов-ремесленников в Самарканде XVI века	47
У. Туйчиев. Ритм и ритмические элементы в арузе	50
Э. А. Умаров. К изучению фразеологизмов Навои	54
И. Г. Фатеева. Социальные проблемы в рассказах египетских писателей школы критического реализма	56
А. А. Аскарров, И. В. Богданова-Березовская. Металлические изделия из поселения Сапаллитепа (Результаты химического анализа).	59

Историография

Х. Ш. Инояттов. Изучение истории Октябрьской революции в республиках Средней Азии	65

Редактор *И. Маркман*
Технический редактор *М. Сухарева*

Р08761 Сдано в набор 18/IX-1972 г. Подписано к печати 19/X-1972 г. Формат 70×103^{1/16}.
Бум. тип. № 1. Бум. л. 2,5. Печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 7,0. Изд. № 283.
Тираж 1573. Цена 40 к.

Типография Изд-ва «Фан» УзССР. Ташкент, ул. Черданцева, 21. Заказ 209.
Адрес Изд-ва: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Цена 40 к.

Индекс
75349